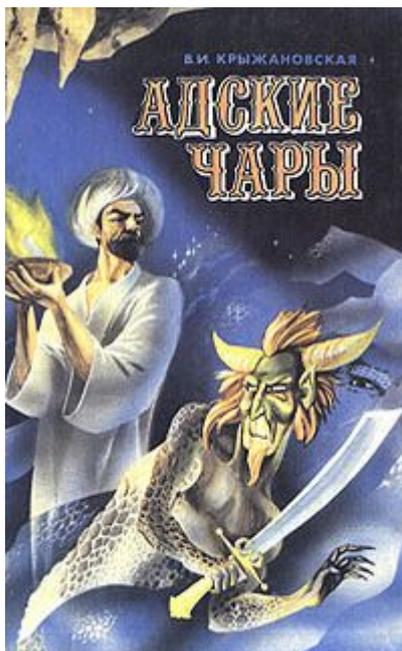

Крыжановская В. И. - Адские чары (Рочестер)

ББК 84
К85
СИМФЕРОПОЛЬ
ФИРМА «БИЗНЕС-ИНФОРМ»
1993
ISBN 5-87106-030-7

Эта книга из серии «Библиотека старинного любовного романа», выпускаемой фирмой «Бизнес-информ». В серию вошли получившие мировую известность лучшие произведения различных жанров: приключения, мистика, любовный и авантюрный роман.

«Невидимое не только любопытно. Нет! – утверждает В.И. Крыжановская. – Невидимый мир страшен. Человек должен со страхом и трепетом касаться книги «О семи печатях». В романе рассказана история молодой женщины, прибегнувшей к силам адских чар, о муках, ужасе и страданиях, которые довелось ей испытать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

... Ненастный, холодный осенний день. Дождь шёл с утра, покрывая мостовую и тротуары скользкой грязью. По одной из улиц Песков, завернувшись в непромокаемую накидку, торопливо шагала по лужам продрогшая девушка. У подъезда деревянного одноэтажного домика, сохранившегося в этой части столицы, она остановилась и позвонила.

- Что, Настя, мама вернулась? – Спросила она у отворившей дверь горничной.

- Нет, барыня. Мамаша сказала, что вернется не раньше, как к обеду, - ответила Настя. Снимая с неё мокрую накидку и кофточку, принимая зонтик.

- Какая, прости Господи, погода собачья, - болтала Настя, идя за барышней.

- Да, погода ужасная, а ветер просто ледяной, я совсем ооченела, - ответила та.

Разговаривая, они прошли отделанную со вкусом столовую, освещенный лампой коридор и вошли в большую, красивую, уютную, обставленную кретоновой мебелью комнату. Кровать под белым кисейным пологом и затейливые безделушки дополняли обстановку.

- Не прикажете ли, барышня, чаю подать? – спросила горничная, развешивая на стуле мокрые перчатки для сушки и пряча в картонку шляпу.

- Да, Настя, я с удовольствием выпью чашку горячего чая. Только давай скорее.

Оставшись одна, девушка села с глубокое кресло и, откинув голову, погрузилась в неприятное раздумье, о чем можно было предположить по сдвинутым бровям и злему, горькому выражению лица.

Кира Викторовна Нагорская была хорошенькая, двадцатитрехлетняя блондинка, стройная, с большими темными глазами и чудным цветом лица, черные ресницы и гордый взлет пушистых бровей придавали её лицу смелое, оригинальное выражение.

Кира выросла в роскоши. Отец её, генерал, занимал видное положение в военном мире и жил широко.

- С помощью своей супруги, очень светской женщины и большой мотовки, он спустил все состояние, а когда умер – лет пять тому назад – то и вдове и детям ничего не оставил, кроме пенсии, довольно значительной, чтобы обеспечить им безбедную жизнь. Но, разумеется, это было не то положение, к которому они привыкли.

Кира получила блестящее внешнее воспитание в одном из модных пансионатов, но её душой, собственно, никто не занимался. Никто не потрудился вселить в неё религиозно-нравственные начала и убеждения, вложить в её душу то н е ч т о, которое руководит и поддерживает человека в прихотливых и сложных жизненных испытаниях. Вместо этого Кира приучилась с детства наряжаться по последней моде, кокетничать и гоняться за удовольствиями.

Подобное воспитание принесло, конечно, свои плоды, и в восемнадцать лет Кира, несмотря на врожденный практический склад ума, была уже легкомысленной девушкой без всяких иллюзий.

На жизнь она смотрела как на сплошной праздник, которому не суждено окончиться: быть вне дома возможно чаще, веселиться, наряжаться и побеждать сердца – вот в чем она видела цель существования.

А для достижения этой цели стесняться в средствах, по её мнению, не стоило. Она настойчиво взыскивала полезные знакомства, не доверяла подругам и упорно стремилась сделать блестящую партию, которая обеспечила бы ей все блага земные.

Будет ли тот человек, который даст ей положение в обществе и богатство, молод или стар, красив или урод – для неё было безразлично. С раннего детства она наслушалась и насмотрелась столько, что ничего уже больше её не коробило и не радовало. Поэзия умерла в её молодой душе, она не мечтала уже о любви и искала только прочного положения в жизни, которое дало бы ей возможность свободно развернуться.

Заручившись «приличным» мужем, можно было развлечься потом маленькой интрижкой, конечно, ловко пряча концы.

- Потому что, - говорила её мамаша, тоже много «развлекавшаяся» в свое время, - одни дуры попадают. Только приличия были бы соблюдены, а остальное никого не касается, кроме Господа Бога.

Смерть отца нанесла тяжелый удар её планам и ожиданиям. Необходимость сменить привольную жизнь на скромное «мещанское» прозябание причинила ей большое огорчение.

В тот день, когда начинается наш рассказ, Кира вернулась домой в отвратительном расположении духа. Надежда на хорошую партию рушилась и притом совершенно неожиданно.

В доме одной из подруг она встретила очень состоятельного молодого человека, занимавшего довольно уже видное место в министерстве.

Алексей Аркадьевич Басаргин был увлечен, по-видимому, красотой и кокетством Киры, сделал визит Нагорским и стал частым гостем на их вечеринках.

Всё шло, как по маслу, и Кира готовилась торжествовать победу.

Басаргин очень ей нравился, и Кира даже начала думать, что такому мужу, как он, она, пожалуй, не изменит. Не изменит, конечно, пока не ощутит настоящей потребности «развлечься». По французским романам, которые так любила Кира, выходило, что такого рода похождения необходимы для поддержания женской красоты и свежести темперамента.

И вдруг что-то порвалось...

Алексей Аркадьевич перестал бывать, а сегодня, от одной из подруг, Кира узнала, будто в обществе заговорили о том, что Басаргин женится на одной из дочерей министра, девушке некрасивой, но зато очень богатой. Затаив в душе злость и отчаяние, Кира вернулась домой.

На что ей её красота, изящество и тонкое кокетство, если любая дурнушка с туго набитой мошной может её заменить? Ах, бедность, какое это проклятие! Неужели ей суждено всю жизнь влачить такое же, как теперь, жалкое существование, работать в редакциях, таскаться пешком во всякую погоду, и, прожив так свои лучшие годы юности, пристроиться, под конец, за какого-нибудь бедного чиновника, чтобы только не сидеть старой девой!

Вот о чем думала она, полулежа в кресле. И вдруг такая горечь и тоска защемили ей сердце, что она закрыла лицо руками, и из глаз полились горькие слёзы.

Кира была так поглощена горем, что не заметила, как в комнату вошла горничная, неся на подносе чашку чая и тарелку с сэндвичами.

Настя была свежая, добродушная деревенская девушка, преобразившаяся в столице в франтоватую горничную. Она любила свою барышню, которая была к ней добра и снисходительна и нередко делала подарки.

Увидав, что Кира плачет, она остановилась в нерешительности, с сожалением глядя на нее. Сметливая и наблюдательная Настя угадала причину слез и огорчения.

Она заметила, конечно, что нарядный барин, приезжавший всегда на собственных рысаках, вдруг перестал у них бывать. Поняла она также, что исчезновение такого богатого обожателя, а может быть и жениха, жестоко огорчило барышню.

Ещё с минуту Настя раздумывала, кусая губы, а затем решительно поставила поднос на стол, подошла к Кире и тронула её за руку.

- Барышня, милая, не плачьте. Коли захотите сходить к одной ворожее, которую я знаю, так она выдаст Вас замуж за кого только Вам вздумается.

Эти слова она подчеркнула.

Кира выпрямилась и покраснела, видимо, недовольная.

- Какие глупости ты говоришь! Моему горю никакая колдунья не поможет, потому что и колдуний-то не существует, а есть одни только обманщики, которые обирают глупых. Поддай мне чай.

Настя покраснела в свою очередь.

- Ах Такая Вы умная барышня и не верите в колдовство, - неодобрительно качая головой, сказала Настя. - Сомневаться в том, что каждому доподлинно известно! А только моя колдунья, заверяю Вас, уж не обманет и все может. Я знаю, потому что сама её испытала.

Кира не могла удержаться и рассмеялась:

- Это другое дело. Расскажи, что с тобою было, тогда я, пожалуй, и поверю.

- Ах, барышня, Вы моя милая! Да я Вам всё, как на духу, скажу, потому, я Вам добра желаю, а уж Вы меня не выдайте, особенно барыне не говорите.

- Нет, нет. Говори, не бойся.

- Вот как всё вышло. В трактире напротив служит лакей, который мне больно приглянулся. Уж очень он красив из себя, да и нарядный такой, настоящий ф р а н ч и к, к тому же он мой земляк. У него, знаете, восемьсот рублей в сберегательной кассе приколпено, да дома землицы порядочно есть. Зовут его Викентием Маковкиным. Задумала я за него замуж выйти, а он, мошенник, за всеми, что ни на есть кругом ухаживает, особенно за сенатора, что вот в том доме проживает. Такое это было для меня огорчение, что и сказать не могу. Была я как-то раз у кумы, городовихи, и сказала ей про своё горе. А Аксинюшка-то мне, значит, и говорит: «Будь покойна, ты за него, своего Викентия, замуж выйдешь, я только тебя к одной женщине свожу. Она бо-о-льшую силу имеет: пропажу и краденое сыскивает, ссорит, мирит, привороты делает и может всякого жениться заставить, а то кого угодно и на тот свет тоже отправить может, да так, что никому и невдомёк будет. Вот этой ночью побываем у неё, и дело будет в шляпе. Конечно, она не для всякого будет колдовать, потому полиции опасается; ну а со мной да с мужем моим она дружит»...

- И ты была там?

- Да, да. Живёт она у Волкова кладбища, и жутко же там, особенно в полночь... А что она делает – тоже до ужаса страшно, а только помогает это. Одним словом, когда она все, что следует, сделала, дала мне бутылку с водой и говорит: «Завтра, мол, сама вскипяти воду, а не более как через двое суток он придёт и тебя замуж просить будет». Сделала я это, как она сказала, и что Вы думаете? В тот же день, вечером, пришёл это сюда Викентий, принёс мешок с апельсинами и конфетами, да и замуж стал за себя просить, потому уж очень он меня полюбил. Недели две, значит, как мы жених и невеста, а после Нового года и свадьбу сыграем.

Кира слушала её с недоверием, на в то же время удивлена была до глубины души.

- Да ведь это может быть простой случай, а Викентий и так бы на тебе женился.

- Нет, он и не думал про то. А только женщина, которая силу над упокойниками имеет, может, значит, и живыми распоряжаться.

- Подумай, что ты городишь! Ну какую силу она может иметь над покойниками?!

- А она, видите ли, ловит души ихние и замыкает их в большие бутылки, а эти бутылки особенные, она их на фабрике заказывает.

Кира громко рассмеялась.

- Не смейся, барышня, - горячо затараторила Настя. – Аксиньюшка божилась, что самолично видела бутылки с душами у старухи в погребе. Как кого хоронят, его душенька выходит это из могилы, а колдунья, значит, сейчас её и ловит. Потому-то она у самого кладбища живает.

Кира не возражала и задумалась. Любопытство её было возбуждено. Во всяком случае, интересно посмотреть на такую колдунью. Если даже она и не ловит души умерших, - Кира чуть было снова не расхохоталась, то может быть, все-таки поможет ей какими-нибудь средствами. Не раз уж она слышала про любовные напитки. Кира находилась в эту минуту в таком именно настроении духа, когда человек, не будучи в силах противиться искушению, бывает особенно податлив на все дурное.

Кире вспомнились презрительные усмешки подруг, рассказавших ей о том, что Алексей Басаргин женится на дочери министра, и это воспоминание подействовало на неё, как удар хлыста. Последние сомнения исчезли.

Она решительно подняла голову:

- Знаешь, Настя, а я съезжу к твоей ворожее. В первый же раз, как только мама поедет в оперу, мы с тобой слетаем на Волково и успеем назад вернуться раньше её.

- Ах, барышня! Вот будет хорошо, и всё сладится по Вашему желанию. Надо только будет закупить для Малейнен, - это колдунья, значит, - кофию, сахару да коньяку, она это любит...

Резкий звонок у входной двери прервал её.

- Должно, барыня, - пробормотала Настя, убегая.

Минуты через две она вернулась с письмом в руках.

- Посыльный принёс, - доложила Настя. Письмо было от матери. Кира вскрыла конверт и прочла: «Дорогая. Мы только что решили с Марьей Андреевной поехать на вечер к баронессе Штаде, в Царское Село. В карты заиграются, вероятно, довольно, а потому мы там и переночуем, о чём она давно уже просила. В город я вернусь завтра с двенадцатичасовым поездом».

Кира сложила письмо и улыбнулась. Она была довольна. По-видимому, сама судьба покровительствовала её затее.

- Слушай, Настя, мама ночует в Царском и вернется только завтра. Стало быть, мы можем воспользоваться её отсутствием и сегодня же съездим к твоей колдунье. Вот тебе три рубля: иди купи сахару, кофе, кренделей и полбутылки коньяку. А Маше скажи, чтобы подавала на стол, как только поспеет обед.

- У нас времени, барышня, хватит. Ведь она только в полночь колдовство-то свое разводит. Так я побегу в лавку за подарками.

Оставшись одна, Кира вынула из шкатулки, в которой хранила деньги, две двадцати пяти рублевые бумажки. Она решила пожертвовать, в случае надобности, эту сумму. Впрочем, она надеялась, что и половины будет достаточно.

Около десяти часов вечера к сторожке Волкова кладбища подъехал извозчик. Дождь к этому времени прошёл и сквозь редкие туманные облака лился бледный лунный свет, окутывая все предметы какой-то таинственной дымкой. Чернели и белели кресты и памятники этого огромного поля вечного упокоения да кое-где, словно блуждающие огоньки, мигали горевшие на могилах лампы.

Картина была мрачная, и Киру охватила нервная дрожь. Она сошла с извозчика и шла за сторожем Матвеем, позванным Настей. Щедрые чаевые сделали его чрезвычайно любезным и предупредительным.

Взятый по часам извозчик должен был дожидаться возвращения приехавших.

Сторож вел по аллее на окраину кладбища. Дойдя до старой покосившейся избёнки, которая некогда тоже, вероятно, была сторожкой, старик несколько раз постучал. Дверь открылась и на пороге показалась закутанная в клетчатый платок женщина.

Пошептавшись с Матвеем, она впустила гостей, а сторож зашагал обратно.

Стараясь казаться спокойной, Кира вошла в средней величины комнату, гораздо более уютную, чем можно было предполагать снаружи. В большой русской печи пылал яркий огонь и распространял приятную теплоту. В воздухе витал запах кофе, на чистом деревянном столе стояла чашка, а рядом лежали большую ломоть хлеба и колбаса.

Хозяйка оказалась худощавой женщиной высокого роста, с острыми чертами лица, совершенно определенного финского типа. Её тёмные, глубоко сидящие глаза странно блестели и горели дикой волей. На ней была толстая шерстяная полосатая юбка и ситцевая цветастая кофта, обшитая внизу бахромой. Из-под красного платка, покрывавшего голову, выбивались густые пряди седых волос.

Она узнала Настю и улыбнулась ей, обнажив ряд здоровых зубов, белизна которых шла как-то в разрез с её темным, точно бронзовым, морщинистым лицом.

Киру она оглядела испытующим взглядом, сняла с неё пальто и пододвинула табурет, на который та села.

А Настя в это время развязывала и выкладывала на стол сахар, кофе, коньяк и большой мешок с сухарями и кренделями. При виде провизии на лице старухи засияла довольная улыбка. Она низко поклонилась, поблагодарила и сказала, что готова все сделать для дорогих гостей. Говорила она с сильным чухонским акцентом.

Видя, что растерявшаяся гостя не знает, с чего начать и как объяснить своё желание, старуха позвала Настю и стала шептаться с ней в углу.

Переговоры длились долго, а Кира зябко куталась в свой оренбургский пуховый платок и вздрагивала всякий раз, как пронизывающий жесткий взгляд ворожеи обращался на неё, ей становилось жутко. Наконец старуха подошла и сказала:

- Хорошо, я всё сделаю, как Вы хотите, и замуж выйдете за того кавалера, которого себе выбрали. Только вы мне заплатите за это двадцать пять рублей.

- Я с радостью заплачу вам, а в день моей свадьбы Вы получите ещё двадцать пять, - ответила Кира, подавая ей деньги.

- Вот спасибо. Все будет сделано, и послезавтра вечером Вы уже будете невестой, - ответила Малейнен, жадно схватывая деньги.

- А теперь, - продолжала она, взглядывая на стенные часы, - мне надо кое-что приготовить. Да и рано ещё начинать-то. - И она вышла в соседнюю комнату.

Через несколько минут, показавшихся Кире целой вечностью, старуха вернулась и поманила её. Кира схватила за руку Настю и потащила с собой, на что колдунья не возражала.

Очутились они в соседней комнате, несколько просторнее первой. Ситцевая занавеска разделяла её надвое и скрывала угол. Здесь тоже была русская печь, у окна стояли два крытых цветным ситцем старых кресла для посетителей, на деревянном некрашеном столе разместились колода обтрепанных и засаленных карт, вилка, темный глиняный, несколько бутылок и большой стакан.

Перед печкой была жаровня с горящими углями. Старуха бросила сверху несколько щепок, сушёных трав и толченой серы. Повалил густой дым, распространявший едкий неприятный запах. Тогда Малейнен стала перед печкой, нагнулась к очагу и принялась нараспев бормотать что-то непонятное. Почти тотчас же в трубе зловеще завыл ветер.

Когда завыванья ветра стихли, она достала из шкафа семирожковый подсвечник с чёрными восковыми свечами и зажгла их, а в чёрный глиняный горшок налила воды, затем она исчезла за занавеской, захватив с собой подсвечник и горшок. Вернулась она назад с зажжённой свечёй в руках и прошла в первую комнату, где подняла у печки подполину и спустилась вниз.

У Насти зубы стучали, и она прижалась к своей барышне, дрожа как осиновый лист. В душевном состоянии Киры разобраться было трудно.

Суеверный ужас боролся в ней с скептицизмом и сомнением, но твердое решение довести до конца свою затею не ослабевало.

В эту минуту снизу, из подполья, донёлся страшный шум, точно там гудел ветер вперемешку с желобными стонами и криками сов, вслед за этим по лестнице застучали грузные мужские шаги.

В голове Киры шевельнулась мысль, что она попала в притон мошенников, но подозрение это быстро исчезло, так как за колдуньей, к величайшему изумлению Киры вышли следом священник с дьяконом в облачении и высокого роста человек во фраке и белом галстуке.

Взглянув на последнего, Кира чуть не упала в обморок и едва сдержала готовый сорваться крик.

Шедший сзади человек оказался Басаргиным. Он был страшно бледен, и глаза горели фосфорическим светом, дышал он тяжело и прерывисто.

Но долго раздумывать обо всём увиденном ей не пришлось.

Малейнен закрыла дверь в первую комнату и отодвинула занавесь, за которой оказался аналой, а на нём горел семирожковый подсвечник.

На посланный перед аналоем коврик встали священник с дьяконом, а Басаргин, схватив Киру за руку, потащил её с собой на ковёр, и служба началась.

Невыразимое чувство апатии овладело Кирой. Руки и ноги её точно свинцом налились, вместе с тем, она вполне отдавала себе отчёт в том, что происходило вокруг.

Её поразило злобное, глумливое выражение глаз человека, одетого священником, и его бледное, истощённое лицо, чёрная свеча, которую он подал, дрожала в её руке. От этих людей исходило ужасное тошнотворное зловоние. Ледяной холод от кольца, которое надел ей Басаргин, бросил её в дрожь.

Венчание происходило в мертвенной тишине, нарушал её лишь гнусавый голос колдуньи, читавшей вполголоса непонятные заклинания по какой-то древней книге в чёрном переплёте.

Мало-помалу одуряющая вонь стала так сильна, что у Киры закружилась голова, и она начала задыхаться. Она чувствовала, что теряет силы, и вглядывалась в Алексея. Да, это был он, а пожалуй, и не он...

Вдруг ей показалось, что всё вокруг задрожало, затрещало, заходило, бурный порыв ветра распахнул окно, а священник с дьяконом и новобрачные, подхваченные вихрем, поднялись на воздух, подлетели к окну и исчезли в ночной тьме.

Порыв холодного ветра опрокинул Киру, и она полетела в какую-то бездну...

Когда Кира открыла глаза, то увидела, что лежит у открытого окна, а Настя трёт ей водкой виски и руки.

- Очнитесь, барышня, все кончено, - утешала горничная.

- Кажется, я была в обмороке?.. Какой ужасный кошмар!.. – слабым голосом сказала Кира, с трудом поднимаясь и боязливо оглядываясь.

Всё здесь было в прежнем виде: занавесь задернута, подсвечник исчез и подполье закрыто.

Старуха стояла перед ней с горшком в руках и блаженно улыбалась.

- Ваше счастье, барышня с Вами. Не забудьте меня в день свадьбы, - угодливо сказала она, провожая посетительниц в первую комнату.

- Воду не забудь, Настя, - прибавила старуха, переливая в бутылку из горшка.

Лишь на свежем воздухе Кира избавилась от мешавшего ей соображать оцепенения и вздохнула полной грудью.

Её приключение казалось ей тяжёлым кошмаром, но она все-таки воздержалась говорить о нём с Настей на обратном пути, боясь, как бы извозчик их не подслушал.

Но чем больше она думала, тем загадочнее и подозрительнее казалась ей вся эта история.

Вернувшись домой, Кира спросила раздевавшую её Настю:

- Слушай! Нет ли тут какого-нибудь обмана? Одного я не понимаю, откуда она привела Алексея Аркадьевича? Предположим, что поп с дьяконом сидели у неё в подполье, но как туда попал Басаргин? Ведь это же, бесспорно, был он?

Горничная вздрогнула.

- Ах, барышня Вы моя золотая. Да неужели Вам невдомёк, что люди-то были незаправские, а не чистые. Иначе, разве могли бы они через окно улететь? Господи Боже, как я напугалась в первый раз! Кума-то моя, Аксиныюшка, мне и растолковала, значит, по какой причине от них смрад такой идёт. Поглядите сами, и от Вашего платья тоже мертвечиной несёт. Надо его будет хорошенько проветрить, чтобы кто не приметил чего. А сами-то Вы, барышня, в ванночке помойтесь, просила Машу, чтобы она к нашему приезду ванну нагрела.

Кира побледнела, и невыразимое чувство страха и отвращения охватило её.

Когда она принялась затем раздеваться в ванной, то невольно вскрикнула. Она с ужасом увидела, что у неё на пальце надето кольцо, украшенное рубином. Это кольцо она сотню раз видела на пальце Басаргина. Вместе с тем, она не досчиталась одного из своих колец.

На этом дело не кончилось, и её ещё более смутило новое открытие – цепочка от креста на шее была оборвана, а сам крест исчез... Это обстоятельство не укрылось от Насти, и бледная, с трясущимися руками, она молча раздела и уложила свою барышню.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На другое утро Кира проснулась поздно. Она проспала всю ночь глубоким сном и чувствовала себя бодрой.

При дневном свете её вчерашние похождения казались менее мрачными, а в душе все настойчивее назревало сознание, что она была жертвой наглого обмана.

Особенно подозрительным ей казалось кольцо Басаргина. Потерял ли он его, или кольцо у него украли? Как знать? Может быть, Настя нашла его и отдала старухе, а возможно, что они обе участвовали в надувательстве.

Такое объяснение казалось ей наиболее подходящим, потому что верить в сверхъестественное казалось ей смешно и глупо. Это соображение настолько укоренило в её голове, что, увидав бутылку с водой, данную ей вчера чухонкой, Кира хотела сперва её выбросить, но потом передумала. Обман это или нет, а следовало дело довести до конца.

Поэтому, когда Настя принесла ей бензинку и новую кастрюльку, Кира добросовестно вскипятила волшебную воду и затем спрятала её в шкаф, чтобы угостить ею Алексея Аркадьевича, долив её в чай "жениху", если он действительно к ним придёт.

Прибывшая из Царского Села генеральша была в самом радушном настроении. Счастье ей улыбнулось, и она выиграла в карты, в общем, она весело провела время и привезла кучу свежих новостей.

Самым интересным было известие о помолвке одной известной баронессы Штаде, жених которой получил назначение в Персию, и свадьба была назначена недели через две.

- Но раньше баронесса даёт бал, а потому, Кира нам надо подумать о платьях. Я думаю сделать себе серое атласное, или золотистое, а то моё бархатное все уже знают и совестно его надевать. И тебе надо заказать два свежих туалета. Сегодня уже поздно, да я и устала, мы ведь легли в половину пятого. А завтра, с утра, мы отправимся в Гостиный двор за покупками, - деловым тоном закончила генеральша.

Вечером у Нагорских собралось несколько человек гостей, а перед чаем явился Басаргин. Его появление очень смутило Киру. Стало быть, чары подействовали. Не сомневаюсь более, она влила заколдованную воду в его стакан, который Настя подала ему. Басаргин, казавшийся перед этим озабоченным и смущенным, выпив свой чай, оживился. Он глаз не сводил с Киры, а когда все перешли в гостиную, стал за нею ухаживать. В его глазах читалась страсть, и он нетерпеливо искал случая поговорить с ней без свидетелей.

Но, словно нарочно, то генеральша, то другие гости мешали молодым людям остаться с глазу на глаз, и лишь при прощании Алексей Аркадьевич нашёл возможность шепнуть Кире:

- Могу ли я надеяться застать Вас завтра дома около двух?

Кира утвердительно кивнула головой, и взгляды, которыми они обменялись, были равносильны объяснению в любви.

На следующее утро, когда Кира была ещё в постели, сияющая Настя подала ей доставленную посыльным роскошную корзину роз, ландышей и белых лилий, в цветах была визитная карточка Басаргина.

- У меня так болит голова, что я не в силах бегать за покупками. А у тебя, мама, изысканный вкус, и я полагаюсь на твой выбор, - сказала она, целуя мать.

И та уехала, ничего не подозревая. Кира хотела одна принят своего суженого, чтобы объявить матери о своей помолвке как о свершившемся факте.

Она позаботилась о своём туалете и надела красивое домашнее платье, потом уселась в кабинете, из окна которого была видна улица, и принялась дорисовывать вазу для благотворительного базара.

Была ещё только половина второго, а уж экипаж Басаргина подлетел к дому Нагорских. Пока он, выйдя из коляски, что-то приказывал кучеру, Кира задумчиво его разглядывала.

Он не был красавцем, но его свежее приветливое лицо с добрым прямодушным выражением было крайне симпатичным.

"Постараюсь полюбить его, привязаться к нему", - решила Кира, встречая гостя и любезно приглашая его садиться.

Таинственное кольцо с рубином она спрятала между другими кольцами, чтобы Басаргин его не заметил, но с ужасом увидела на мизинце Басаргина своё собственное кольцо с бирюзой. Чтобы завязать разговор, она показала вазу, которую разрисовывала, а затем речь зашла о благотворительном базаре, для которого предназначалась эта самая ваза. Алексей Басаргин похвалил работу.

- Я не решаюсь звать Вас помогать мне в продаже, но, как покупатель, Вы придёте к моему столику, не правда ли? - Улыбаясь, сказала она.

Басаргин нагнулся и странно взглянул ей в глаза.

- Я буду всем, чем Вы пожелаете, Кира Викторовна, потому что я Ваш раб, на всю жизнь... Разве Вы не видите, что я вас люблю...

Он схватил её руку.

- Скажите, хотите ли Вы быть моей женой, моим добрым гением? Клянусь Вам, что я посвящу свою жизнь, чтобы сделать Вас счастливой.

Кира густо покраснела и дрожащим от волнения голосом ответила:

- Я давно люблю Вас, Алексей Аркадьевич, и с радостью принимаю Ваше предложение. Я постараюсь оправдать Ваш выбор.

Растроганный и счастливый, Басаргин привлёк её к себе и запечатлел на полураскрытых губах поцелуй.

Завязался весёлый, оживлённый разговор. Молодая хозяйка приказала подать чай, и жених с невестой радостно смеялись, строя планы на будущее.

Вдруг, взглянув в окно, Кира нахмурилась.

- Какая, право, досада, - с недовольным видом сказала она. - Только что прошли мимо Лили Верфельден и Даша Паутина. Они, наверное, идут к нам, а найдя Вас здесь, в отсутствие мамы, эти две сороки разнесут разные сплетни.

- Есть о чём волноваться, - смеясь, заметил Басаргин. - Вы скажите им, что я Ваш жених, вот и всё. Пусть себе болтушки разносят эту новость потом на здоровье.

Пока шёл разговор, в передней раздался звонок, и через минуту в комнату влетели две милovidные, со вкусом одетые барышни. Зоркими, любопытными глазками они оглядели насмешливо гостя и накрытый стол.

- Мы за тобой, Кира, чтобы вместе идти в Летний сад. Нас соберётся большая компания: Мери, Клавдия, её брат моряк, оба кузена Нины и мой брат со своими приятелями, атташе германского посольства, будет превесело. Но ты в таком приятном обществе, что может быть, и не захочешь идти с нами, - тараторила Даша с добродушным видом.

- А где твоя мама? Надо бы с ней поздороваться, - спросила Лили.

- Мамы дома нет, но она вернётся с минуты на минуту. А в Летний сад я действительно не пойду. Вы угадали, я нахожусь в самом престижном для меня обществе, о котором могла только мечтать. Но я вам глубоко благодарна, что вы зашли за мной, это даёт мне случай представить вам, моим лучшим подругам, Алексея Аркадьевича Басаргина как моего жениха.

Кира улыбнулась, внутренне наслаждаясь изумлением и едва скрытой завистью своих "лучших" подруг.

Последовали горячие поздравления, сопровождавшиеся поцелуями, и Кира пригласила их на свадьбу.

Беседа велась весёлая, но Лиза с Дашей, видимо, не сиделось, и они скоро распрощались, говоря, что надо идти в Летний сад, и что им не ловко заставлять себя ждать.

- Новость их подгоняет, и они разнесут её по всем знакомым, а к вечеру на нас посыплется град поздравлений, - смеясь заметил Басаргин.

Он взял руки невесты и стал их целовать. Но в этот момент смрадный запах, который мучил Киру у колдуньи, пахнул ей в лицо.

Она побледнела, и сердце тревожно забилося, но волнение и радость победы быстро изгладили тягостное впечатление, тем более в эту минуту у входной двери снова раздался звонок.

На этот раз приехала сама Нагорская. Можно себе представить её удивление и радость при известии, что Кира - невеста.

Смеясь и плача, она обняла жениха и невесту.

Когда первый порыв радости улёгся, заговорили о делах. Свадьба была единогласно назначена после Нового года.

Алексей Аркадьевич предложил Кире путешествовать по Италии, но Кира ответила, что лучше отложить заграничную поездку до лета, когда Басаргину легче получить двухмесячный отпуск, и жених откровенно высказал своё удовольствие по поводу этого решения.

По совести говоря, он не любил путешествий с их неизбежным перекочёвками из гостиницы в гостиницы, хлопотами и суетой. Ему более улыбалась перспектива провести медовый месяц в собственной уютной квартире. Повар у Басаргина был отличный.

При этом он сообщил невесте, что в его доме, на Знаменской, в первых числах ноября освобождается красивая, большая квартира, которую можно будет отделать по собственному желанию. За первым днём помолвки настало оживленное время - шили приданое и устраивали квартиру.

Советские развлечения также очень занимали Киру, да и вообще она чувствовала себя совершенно счастливой.

Ожидавшая её привольная, весёлая жизнь и удовлетворённое тщеславие ослабили и почти заглушили робкие упреки совести. Кира забыла о том, каким путём она достигла благополучия. И всё таки бывали минуты, когда её блаженство омрачалось. Случалось это всякий раз, когда ей казалось, что от жениха исходит отвратительный трупный запах. Тогда она вспоминала о том, что произошло на Волковском кладбище.

Иногда и сам Алексей Аркадьевич казался странным. Настроение его вдруг изменялось, совершенно непонятно почему, из веселого, оживленного влюбленного он становился мрачным, нервным и, по-видимому, с трудом сдерживал неприятные чувства, которые его волновали.

Как-то раз вечером жених был особенно сильно раздражён. Кира участливо его спросила, здоров ли он. Он подсел к ней на диван, порывисто схватил её руку и сжал до боли.

- Ах, я и сам не знаю, что со мной происходит... Я совершенно здоров, а между тем, меня точно мучает что-то до смешного странное, чего я не могу понять. Это началось с того кошмара или обморока, который был у меня приблизительно месяца два тому назад...

- Расскажите, что же с Вами случилось? Может быть, это нервная болезнь, которую надо лечить? - тревожно спросила Кира, охваченная вдруг смутным страхом.

- Да вы будете смеяться, когда услышите эту галиматью. Но всё равно я Вам расскажу. В самом деле надо будет полечить свои нервы. А случилось со мной вот что. Как раз накануне нашей помолвки я был зван на бал к знакомым, у которых часто играл в карты. В этот день у меня была работа, и я рассчитывал выехать из дома в одиннадцать, но я задержался и стал одеваться уже в половине двенадцатого. Вдруг мне сделалось дурно: голова отяжелела, и я почувствовал тошноту. Затем меня охватило невыразимое противное чувство, точно из меня вытягивают душу, иначе своего ощущения определить не могу. Я выпил стакан вина и прилёг на кушетку в надежде, что болезненное ощущение пройдёт.

Заснул ли я, или у меня была галлюцинация - не знаю, но я чувствовал, что болезненное ощущение сменяется тоской. Ноги и руки отяжелели, точно налились свинцом, какая-то ледяная рука сжимала мне горло. Затем всё моё существо стало как будто расплываться, и во мне что-то рвалось. Вдруг мне почудилось, что я вышел из моего тела, которое неподвижно лежало на кушетке, и я с ужасом глядел на смертельно бледное лицо моего двойника. Но тут внезапно раздался страшный треск в камине, и оттуда выскочила тощая морщинистая старуха - чистая ведьма, она схватила моё тело в охапку и скрылась в камине.

Я хотел последовать за ней и не мог, я бился, как муха в паутине, и со мной творилась какая-то дьявольщина, как будто меня всего резали на части. Вдруг снова появилась старуха, и её пристальные, как угли, глаза, парализовали меня. В ту же минуту я почувствовал страшный удар под ложечку и... открыл глаза.

Я чувствовал себя совершенно разбитым, и меня душил ужасный запах.

Я позвонил и спросил лакея, откуда идёт такая вонь. Он удивился и потом сказал, что пахнет мертвечиной. Тут, увы, я сам убедился, что трупный запах идёт от моего платья.

Я разделся, надушился и решил принять ванну, но ничего не помогло, запах продолжал меня преследовать, и выходя из ванной, я упал в обморок.

- Это должно был просто кошмар, вызванный нервным состоянием, - сказала побледневшая Кира.

- Конечно. Но одно обстоятельство в этом приключении мне непонятно. Вообразите, что в этот вечер у меня на руке очутилось кольцо, которого раньше не было. А самое ужасное, это то, что трупный запах преследует меня и теперь, хотя не всегда. Иногда целые дни проходят - его не бывает, а потом вдруг он появляется снова, раздражает нервы и приводит в бешенство. Это невыразимо меня мучает.

Кире стоило больших усилий скрыть охвативший её ужас. Она стала спокойно говорить о том, что надо лечиться. Историю эту она объяснила своему жениху его болезненно-нервным состоянием. Но ночью лёжа в постели, она в первый раз испугалась того, что сделала.

Очевидно, случилось нечто таинственное и роковое, затронуты были какие-то неведомые силы.

Ощущаемый и ею самой время от времени запах разложения возбуждал в ней отвращение к Басаргину, а страсть, горевшая в его глазах, её просто пугала. На следующий день она послала к колдунье Настю с богатыми подарками с просьбой уничтожить этот запах. Настя, вернувшись, сообщила, что старуха обещает сделать всё от неё зависящее. И в самом деле, с этого дня трупный запах стал точно реже и меньше чувствоваться.

Уже некоторое время она замечала, что её смазливая горничная грустна и встревожена. Как-то вечером, заметив, что глаза Насти заплаканы, она спросила:

- Что с тобой, Настя? Ты идёшь замуж за человека, которого сама выбрала, я тебе даю хорошее приданое, Алексей Аркадьевич подарил тебе пятьсот рублей, скажи, пожалуйста, чего тебе не хватает.

К её великому удивлению Настя разрыдалась:

- Ах, барышня дорогая, что мы с Вами наделали! Ведь мы с дьяволом связались. А теперь я вижу, что в Викентия-то нечистый вселился. Боюсь я его. Подчас он становился такой злоющий да страшный, и запах от него идёт такой нехороший. Я его, почитай что, разлюбила. Ничего я больше не хочу, как только от него отделаться. Потому у меня есть другой. Желанный, богатый и...

Кира от души расхохоталась:

- Но если ты не любишь больше Викентия, то отчего же ты не сходишь к Малейнен? Она тебе его сосватала, она же тебя избавит от него. Ну, а кто же такой, этот новый твой желанный? Однако быстро же ты шагаешь!

- Ах, не смейтесь, барышня, не до смеху мне, - грустно заметила Настя. - Была я уж у Малейнен, да вот беда: старухи-то и след простыл. Старый Матвей сказывал, что будто полиция начала её теснить, вот она в три дня пожитки свои уложила, да и была такова. А куда она уехала, никому неизвестно. Деньжищ-то у неё куры не клюют. Только, слышно, она говорила, что через год, либо два непременно вернётся: когда, значит, об ней позабудется. А теперь-то и нет её, а что делать, я и ума не приложу. Новый жених мой такой нежный, добрый да ласковый. Он у Алексея Аркадьевича в доме старшим дворником, как Вы меня с вещами на новую квартиру посылали, а на этих днях он сам сватал меня. Сказывала я ему, что мол просватана, а Иван Петрович, это он-то, в глаза мне только рассмеялась да и говорит:

- Пока "Исаия ликуй" не споют, всякого жениха можно сменить.

- Разумеется. Раз ты разлюбила Викентия, так он не может тебя принудить выйти за него замуж.

- То-то и оно, что он силком хочет меня за себя взять и свадьбу на январь назначил, а мне грозился, что зарежет, как курёнка, ежели я его обману. Ужась, как я его боюсь, он теперь ровно тигр лютый, - с рыданиями закончила Настя решительно объявила барышня, что спровадила Викентия и обручилась с дворником, она была очень воинственно настроена и радоваться тому, что покончила с нечистым, как она прозвала первого жениха.

Два дня спустя, часов около десяти вечера, Нагорские и Басаргин кончили пить чай, как вдруг из кухни донеслись шум и крики.

Дамы в испуге вскочили, а через минуту в столовую влетела кухарка и портниха. Обе они, мертвенно-бледные от ужаса, размахивая руками, кинулись к генеральше.

- Убил!.. Убил!.. - вопили они.

- Кто кого убил? - спросила испуганная Нагорская.

- Викентий... Настю убил, - прокричала кухарка.

Кира ещё раньше, не дожидаясь ответа, бросилась в кухню, а мать и жених последовали за ней. Страшная картина представилась их глазам.

На полу, ничком, в луже крови лежала Настя, дверь на чёрную лестницу была открыта настежь, а на площадке дворник и ещё кто-то держали бледного, как мертвец, человека. Он был взъерошен, растерзан, глаза точно налиты кровью, и на него страшно было смотреть, платье и руки в крови. Это и был лакей из трактира. Увидав господ, он дико крикнул:

- Зачем она меня обманула?.. В Сибирь поеду.

Кира упала в обморок.

Придя в себя, она увидела, что лежит на диване в кабинете. Мать терла ей одеколоном виски и руки, Алексей Аркадьевич, нагнувшись над ней, давал нюхать английскую соль.

- Ах, дорогая, как ты нас напугала, - сказала генеральша, целуя дочь. - Твои нервы не выдержали этого ужасного зрелища.

- Настя убита?.. Какое чудовище этот Викентий, - пробормотала с дрожью в голосе Кира.

- Нет, нет! Успокойся, она не убита. Сейчас был доктор и сказал, что рана, хотя и опасна, но не смертельная. Доктор надеется, что она будет жива, и Насте делают теперь первую перевязку, а затем её отвезут в больницу, - успокаивала генеральша.

- Кто мог бы предположить такую дикую страсть в простом мужике? - прибавила она, качая головой.

- Страсть остаётся страстью, что у барина, что у мужика, Анна Антоновна. Всегда было опасно дразнить это могучее чувство, которое ослепляет и поработает человека, - заметил Басаргин, страстно глядя на бледное и очаровательное личико невесты.

Вдруг он нагнулся и с каким-то странным выражением прошептал:

- Кто знает, что сделаю я, если Вы перестанете любить меня и предпочтёте мне другого...

- Ради Бога, Алексей Аркадьевич, не говорите про такие ужасы, - испуганно ответила Кира, отнимая руку, которую жених покрывал поцелуями, и чувствуя, как мурашки забегали по коже.

Через несколько минут Кира стала жаловаться на головную боль и изъявила желание лечь в постель. Жених уехал.

В эту ночь она не сомкнула глаз, её охватил панический ужас.

Что она наделала? Во власть какой злой силы отдала она себя?

С дрожью вспоминала она слова Алексея Аркадьевича. Он тоже не может отвечать за себя в случае, если бы она ему изменила. Она вспомнила взгляд, сопровождавший эти его слова.

В добрых и обыкновенно откровенных глазах жениха блеснула на этот раз какая-то дьявольская злоба, и в лицо ей пахнуло трупным запахом.

Просвещенные убеждения интеллигентной барышни, а также скептицизм, привитый воспитанием и духом времени, восставали против мысли, что это чёрт замешан в это дело, и в то же время, было до очевидности ясно, что произошло нечто таинственное, и какая-то

роковая страшная сила связала её с невидимым и неведомым миром. Влияние этого мира она несомненно чувствовала, но пока не знала, до каких пор, пределов эта власть простирается.

Поздно ночью генеральша, продолжавшая беспокоиться за дочь, пришла к ней в комнату и, найдя Киру в слезах, стала её расспрашивать.

Под гнетом страха взволнованная Кира открыла матери истину и рассказала про свою поездку к колдунье.

- Мне уж очень захотелось богатой партии, а тут ещё издательство и злорадство Даши. Она мне сплетничала про флирт Алексея Аркадьевича с дочерью министра. Это меня окончательно взбесило, - закончила она свой рассказ про свою поездку к колдунье.

- Мне уж очень захотелось богатой партии, а тут ещё издевательство и злорадство Даши. Она мне сплетничала про флирт Алексея Аркадьевича с дочерью министра. Это меня окончательно взбесило, - закончила она свой рассказ и спрятала в подушке мокрое от слёз лицо.

В первую минуту генеральша испугалась, но вдруг её испуг прошёл. Недаром она была неисправимо легкомысленной и ни во что не верившей женщиной.

- Конечно, нехорошо, что ты послушалась такой глупой мужички, как Настя, и поехала к колдунье!.. С другой стороны, просто не вериться. Ха-ха-ха! Чтобы интеллигентная девушка, как ты, могла верить во вмешательство чёрта! Неужели ты не понимаешь, дитя моё, что эта чухонка просто-напросто вас загипнотизировала. Вот вы и увидели всю эту чертовщину. Одно я ещё, пожалуй, допускаю: в воду, данную, она могла подмешать какую-нибудь настройку, которая возбуждает чувства, а может быть, она и Алексею Аркадьевичу гипнотическим путём внушила сделать тебе предложение. Но, слава Богу, ты достаточно хороша собою, чтобы вызвать любовь и без всякого колдовства. А теперь успокойся и не порть разным глупостям своего счастья. Ты должна торжествовать! Намедни я чуть было не умерла со смеху, глядя на завистливые рожи Маруси и Даши, когда ты им показывала горностаевую отделку и рубиновое кольцо, подаренное тебе женихом. Теперь наш черёд смеяться над беззубой завистью людской.

- Ну, а перемена колец, мама?

- Кольца, душа моя, разумеется, были гораздо раньше украдены Настей, и я ни минуты не сомневаюсь, что она была в сговоре с чухонкой. А своё кольцо ты спрячь хорошенько, чтобы жених не увидел. Надо это дело покончить. Переходи в эту ночь спать ко мне, ты не будешь одна в комнате, и это тебя успокоит.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Настал день свадьбы.

Весело и беззаботно одевалась Кира. Утешение матери и хлопоты последних дней вернули Кире самообладание, тем более, что трупный запах за последнее время не был слышен, и здоровье Насти поправлялось.

Самодовольство оглядывала она в зеркале свой чарующий образ: атласное, точно искрившееся на свету платье, великолепно украшавшие его кружева и длинную воздушную фату. Всё это к ней шло, и она подумала, что, может быть, хорошо сделала, обратясь к колдунье, во всяком случае, колдунья ускорила её победу...

Вера у Киры едва теплилась, а потому в церкви она не молилась, и во время венчания без стеснения глядела по сторонам. И вот она заметила в толпе присутствующих молодого человека, который смотрел на неё с восхищением, да таким нескрываемым, что она была поражена и, в свою очередь, внимательно его оглядывала.

Он был высокого роста, худощав и хорошо сложен, лицо нерусское, с чёрными густыми, курчавыми волосами, с острым подбородком, чувственные губы складывались в гордую, презрительную усмешку, и в больших чёрных глазах видна была энергия, в нём сразу сказывалась страстная натура.

Красивым его нельзя было назвать, но в общем, лицо было приветливое и выразительное.

На Киру взгляд незнакомца произвёл странное впечатление, она не могла припомнить никого, кто бы ей так сильно нравился, и невольно, по временам, взглядывала на него. Когда же кончилось венчание, и он, в числе прочих, подошёл её поздравить, Кира до того разволновалась, что даже не расслышала имени, которое назвал ей муж, представивший ей незнакомца.

Тот, однако, настолько её заинтересовал, что едучи с мужем из церкви домой, она не утерпела спросить, кто был этот господин, его она раньше никогда не видела в обществе.

- Высокий брюнет с бородкой?.. А, это мой большой приятель и прекрасный мальчик, маркиз Керведек. Весь прошлый год он провёл за границей, а теперь причислен к французскому посольству, - равнодушно ответил Басаргин.

"Ах, зачем сегодня, именно в день свадьбы, а не раньше встретила я такого привлекательного человека!" - Подумала Кира вздыхая.

В ту же минуту в лицо пахнул порыв смрадного воздуха, и ей опять стало страшно.

Охваченная смутной тревогой, вступила Кира в новый дом. Что бы ни говорила её мать, а что-то зловещее, действительно соединилось с ней.

Как-то утром маркиз засиделся у Басаргина, и тот позвал его завтракать.

Перед этим Кира видела маркиза всего два раза, но мельком, и его присутствие всегда тайно волновало её. Так и теперь. Сердце усиленно застучало в груди, но она подавила своё волнение и весело поддерживала разговор. На этот раз она подметила, что мнимая беспечность, любезность и даже угодливость маркиза скрывали изрядную долю пресыщенности и глумливого презрения к женщинам вообще.

Слова Алексея Аркадьевича, подтрунивавшего над его любовными похождениями и победами в свете, подтвердили наблюдения Киры.

- А ты, по-прежнему, так же милостив, что не мучаешь долго хорошеньких женщин? Не заставляешь их понапрасну вздыхать? - со смехом спросил Басаргин.

- Да, я по природе снисходителен и добр, но ты преувеличиваешь мои успехи и порочишь меня в глазах своей жены, выставляя меня каким-то повесой, - отшучивался маркиз.

- Допустим, что ты поневоле завладеваешь женскими сердцами, а ведь результат тот же, и твоей будущей жене предстоит нелёгкая задача иметь столь... опасного и соблазнительного супруга, - полушутя, полунасмешливо нападал Басаргин.

Загадочная усмешка появилась на лице маркиза.

- Я могу тебе ответить тем же. Тебе тоже предстоит немало забот. Ты муж обольстительной женщины.

- Ну, мне не грозит такая опасность, как будущей маркизе. Кира вовсе на такая сострадательная, и чужие мужья мало её трогают...

Его прервал лакей с докладом о приезде управляющего одного из имений по спешному делу.

- Извини меня, - сказал Алексей Аркадьевич. - Пейте пока кофе, а ты займи жену. Потом мы выедем вместе, потому что мне тоже надо побывать в банке.

Кира приказала подать кофе к себе в будуар и повела туда гостя. Будуар, обтянутый японским шёлком, уставленный цветами и дорогими китайскими безделушками, был очень изящен.

- Господи, как наивны мужья! Из одного страха стать таким же, я никогда не женюсь, - заметил маркиз, попивая маленькими глотками кофе.

- Это Алексей вселил в Вас убежденность, что мужья наивны? - спросила Кира.

- Признаюсь, что он. Алексей отвечал за Вас, совершенно отвергая с Вашей стороны всякую возможность чувства сострадания к жертвам Вашей красоты. И он не один такой. Большинство мужей отличаются столь же забавной самоуверенностью. Между тем, сердце женщины - далеко не преступная крепость для того, кто знаком с правилами осады. Искусство это нелегкое, разумеется, зато успех верный.

- Нечего сказать, хорошее у Вас о женщинах мнение! Оно очень смахивает на презрение, - ответила Кира, краснея.

Маркиз поставил чашку и, нагнувшись к хозяйке, обжёг её страстным взглядом.

- Боже упаси, чтобы я хотел сказать что-нибудь обидное. Я только искренен и утверждаю, что молодая женщина не может остаться равнодушной, видя, что возбудила страсть в сердце мужчины. Это могучее чувство приобретает громадную власть над душой женщины, а если мужчина к тому же настойчив и достаточно смел, чтобы твёрдо идти к победе, то он восторжествует в конце концов.

Несмотря на обаяние маркиза, что-то в его взгляде и скрытой усмешке возмущало Киру.

Неужели этот избалованный успехом, пресыщенный повеса, который без зазрения совести тянется за женой приятеля, вообразил себе, что она такая лёгкая добыча для него, и ему стоит лишь пожелать, чтобы обратить её в свою игрушку?

- Между желаниями такого настойчивого и смелого соблазнителя и предметом его воцелений может встать чувство долга, которое должна уважать даже и молодая красивая женщина, - ответила Кира, смерив его холодным насмешливым взглядом. - Затем, позвольте добавить, что это скверная затея - стараясь соблазнить замужнюю женщину, отнять у неё права на покой, запятнать её честь, а гостеприимный дом, где принят, как друг, лишить жены и матери, только для того, чтобы удовлетворить свою мимолётную прихоть. Я допускаю, что на свете бывают роковые страсти, которые могут довести женщину до измены и клятвопреступления, но это должна быть глубокая страсть, а не пошлая интрижка. По-моему, для той, которая становится жертвой подобной роковой страсти, не должно существовать сделок с совестью, тайных свиданий и любви урывками, под вечной угрозой быть пойманной. В таком случае остаётся только уничтожить все препятствия и порвать связи с прошлым, чтобы уже принадлежать всецело тому, кого любишь.

- Ай, ай, ай! Куда мы залезли, Кира Викторовна! Всё сломать, всё порвать и устроить громогласный скандал? - лукаво спросил маркиз. - Ваши слова доказывают Вашу полную неопытность в деле. Могу Вас уверить, что взрыв и шум - самые скверные пособники в любви. Верьте мне, что наиболее страстные, безумно влюбленные женщины всегда предпочитают тишину и м р а к н е и з в е с т н о с т и, мимолётные встречи украдкой и минуты опьянения под волнующей угрозой раскрытия. Такой, с опасностью добытый, несмотря на преграды, час любви подобен благодатной грозе, освежающей душную атмосферу неудовлетворенной страсти. Женщины, верьте мне, больше всего боятся огласки, разрыва и потому чрезвычайно искусно скрывают от мужей истину.

- Да вы, маркиз, читаете мне трактат грехопадения, и я убеждаюсь, что вы мастер в искусстве совращения женщин с пути истинного, но лично я не намереваюсь проходить курс этой науки.

Она взяла коробку с конфетами, открыла её и подала гостю.

- Сладости после столь горьких слов? - спросил маркиз, беря конфетку и с восхищением глядя на оживленное, очаровательное личико собеседницы.

Приход Басаргина изменил характер разговора, а вслед за этим хозяин и гость уехали.

Вечером, вернувшись с мужем из театра и сидя за чаем, Кира спросила, почему маркиз так хорошо говорит по-русски.

- Для француза это удивительно, - заметила она.

- Очень просто. Его мать была русская, и первые годы своей жизни он провел в новгородском поместье матери, которое до сих пор осталось за ним. Его отец был младшим в семье и собственного состояния не имел, а проживал в имении жены. Арману было лет десять, когда случай изменил его судьбу. Умер старший брат отца, маркиз Керведек. Он был бездетным. Титул и состояние унаследовал отец, и семья переехала во Францию, но Арман не разлюбил Россию и часто живёт здесь. Только последние три года он отсутствовал, задержанный отчасти службой, отчасти делами по наследству.

Кира дальше не расспрашивала, и разговор на этом кончился.

Проболев месяца три, Настя выписалась из больницы, и Кира приютила её у себя, чтобы та, живя в покое могла отдохнуть и набраться сил.

За время болезни Настя изменилась и из весёлой болтушки сделалась молчаливой и задумчивой.

Когда зашёл разговор о поступлении опять на службу к Басаргиным, она объявила, что не может принять доброе приглашение барыни, так как собирается пойти в монастырь.

- В больнице, - пояснила она, - повстречала я одну странницу, которая по-Божьи живёт.

Ей-то я и провела всю правду. Она меня и вразумила, что только неустанной молитвой можно искупить мой грех. Ведь я с дьяволом связалась и загубила христианскую душу: Викентия-то на каторгу присудили...

Тщетно пыталась Кира разубедить её. Настя твердила на своём и просила помочь ей немного.

Кира подарила ей четыреста рублей и полное приданое, но взяла с неё клятву - молчать.

- Будьте благонадёжны, милая барыня, я буду молчать, как рыба. А за Вас и Богу помолюсь, чтобы какое горе с Вами не приключилось по моей вине. Потому, без меня Вы не поехали бы к колдунье, - ответила Настя, утирая слёзы.

На другой день она уехала, но этот разговор произвёл на Киру тяжёлое впечатление. В памяти встало её приключение на кладбище во всех своих страшных подробностях.

Насилу она себя успокоила. Зачем расстраиваться глупой болтовнёй Насти? Эти простые люди очень суеверны, для неё же, так или иначе, вся эта странная история окончилась самым счастливым образом. Она богата и любима, а трупный запах не слышен вот уже несколько недель. А раз нет запаха, значит, и неведомые силы оставили её в покое. Этим она утешалась.

К тому же много раздумывать у неё не было времени. Она вела светскую жизнь и была довольна судьбой.

Маркиза она часто встречала в обществе. Он был неизменно любезен и явно выражал своё преклонение, но разговоров, вроде описанного выше, уже не возобновлял.

Весной Алексей Аркадьевич взял четырехмесячный отпуск, чтобы показать жене Европу, которую та никогда не видела. Уехали они в начале июня, побывали в Швейцарии, Италии, Франции, а осенью вернулись в Петербург.

Зима снова принесла с собой оживление и свету большого света.

Кира очень похорошела. По характеру и воспитанию она была кокеткой, праздная суэта ей нравилась, она отдавалась удовольствиям. Успех в свете и всеобщее поклонение её опьяняли.

Маркиза она встречала всюду, да и в доме Басаргиных он тоже был частым гостем. Кира знала, что нравится ему, но он уже не высказывал так в первое время их знакомства.

Муж сообщил ей, что маркиз без ума от одной французской актрисы.

Эта новость взволновала Киру, но она, разумеется, скрыла свои чувства. То странное впечатление, которое произвел на неё Керведек, всегда вспыхивало при встречах с ним. Он нравился ей и, вместе с тем, иногда отталкивал. Ей не удавалось разобраться в этом чувстве, и она не догадывалась, что просто ревнует его к другим.

После слов мужа это чувство ещё более обострилось. К счастью для её самолюбия, она не замечала насмешливых взглядов и усмешек светского повесы.

С наступлением пасхи у петербуржцев всегда начинаются разговоры о том, где и как проводить лето, а так как Алексей Аркадьевич не хотел брать заграничного отпуска, то Керведек предложил Басаргин поселиться у него в новгородском имении.

Отец Керведека выстроил там несколько дач, очень уютных, и одна из них уже была взята общими знакомыми. Это предложение Керведека было с благодарностью принято.

После утомительного зимнего сезона доктор советовал Кире отдохнуть несколько месяцев на свежем воздухе. Большой скуки опасаться было нечего, ввиду присутствия семьи банкира, где всегда много веселились; близость же столицы давала полную возможность бывать в городе и принимать у себя знакомых.

Главной же причиной, заставившей Киру согласиться на этот план, было то, что и Керведек проводил лето в этом имении. Целой компанией они отправлялись осматривать дачу, которую нашли очаровательной, а положение живописным. Наём решился окончательно.

Весна была ранняя и тёплая. Басаргины, уехали на дачу ещё в первой половине мая, и Киру приятно удивляла та новая любезность, которую оказал им хозяин.

Часть мебели была заново отделана, будуар, обитый голубым кретоном, был очарователен, комнаты, балконы и перила были в цветах.

Служба задерживала Алексея Аркадьевича в городе до июня, но по субботам и под праздники он приезжал обыкновенно со своим приятелем. Чаше маркиз являлся один и, конечно, не забывал навещать свою очаровательную жилицу, за которой снова принялся усиленно ухаживать.

В общем, Кира не скучала. Семья банкира прибыла всего на несколько дней позже её, и жизнь сразу оживилась.

Богдан Людвигович Фрейндлих был человек богатый, состоял директором банка и нескольких промышленных предприятий, играл на бирже и имел значение в финансовом мире. Прошлое его и источник состояния были мало известны.

Зато у жены, Ольги Дмитриевны, прошлое было бурное. Она развелась с первым мужем, подкинув ему двух детей, и вышла за Фрейндлиха. Однако злые языки утверждали, что **р а з в л е к а т ь с я** она не перестала.

В молодости она была хороша собой, но перевалив за сорок, несколько раздобрела, не утратив при этом веселья и страсти к похождениям.

Ольгу Дмитриевну можно было встретить всюду. Она не пропускала ни бала, ни обеда, ни выставки, ни первого представления; дом её всегда был набит довольно разношерстным людом, но у неё зато всегда бывало очень весело и шумно.

Богдан Людвигович славился в Петербурге гостеприимством и превосходным поваром, а про его супругу говорили, что она любит принимать участие в сердечных делах и оказывает самое искреннее покровительство влюблённым. Нравственной разборчивостью эта дама не отличалась.

Сделавшись столь близкими соседями, Кира с Ольгой Дмитриевной скоро подружились и виделись ежедневно. Поездки верхом, пикники шли безостановочно, а счастливый случай всегда давал Басаргиной в кавалеры маркиза.

Свой день рождения, 23 июня, Богдан Людвигович хотел отпраздновать торжественно. Уже накануне наехало из города человек двадцать гостей, и некоторых маркиз любезно разместил в своём доме.

Празднество должно было начаться роскошным застольем на даче Фрейндлихов. Затем предполагалась поездка на лошадях в дальний лес, где была выбрана большая поляна, примыкавшая к озеру.

Место было живописное. И Богдан Людвигович велел соорудить большой дощатый сарай, обитый красным и белым шёлком, в виде шатра, где и был поставлен обеденный стол, около главного шатра пестрели разноцветные палатки для карточной игры и отдыха.

Грандиозный фейерверк на озере должен был завершить торжество, а затем следовало возвращение домой при свете бенгальских огней.

Погода с утра, казалось благоприятствовала празднеству. День выдался ясный и солнечный, но удушливо жаркий.

Кира в своём белом кисейном с кружевами платье и большой газовой шляпе была очаровательна. Страстный, восхищённый взгляд маркиза, целовавшего её руку, смутил её, но в то же время радостно взволновал.

За завтраком Керведек сидел рядом, а когда все направились к лодкам, маркиз с Киной заняли двухместный ялик, впрочем и другие лодки не были велики. Речка была узкая и неглубокая.

Алексея Аркадьевича выбрала себе в кавалеры хозяйка.

Между тем, погода начала портиться, и когда садились в лодки, некоторые предусмотрительные люди не без тревоги поглядывали на небо, голубая лазурь которого стала затягиваться подозрительной серой дымкой. Но молодёжь не смущалась таким пустяком, и общество тронулось в путь в наилучшем настроении.

Керведек был тоже очень весел и говорил с увлечением. Но веслами он работал лениво, а так как лодка шла одной из последних, то они вскоре оказались одни.

Небо всё более и более покрывалось облаками, и Кира, подняв голову, увидела, как быстро надвигаются на них серые тучи.

- Ах! Лишь бы только дождь не пошёл пока мы не доберемся до места, а то промокнем, - с тревогой сказала она.

Маркиз тоже взглянул на небо.

- Несомненно, будет гроза и очень скоро. Доехать мы не успеем, потому что эта река своими извилинами очень удлиняет путь. Позвольте предложить Вам, Кира Викторовна, причалить к берегу вон там, подальше. Здесь есть знакомая мне тропинка, пересекающая лес. Она сокращает дорогу наполовину. Кроме того, на пути есть пристанище, где мы можем укрыться на случай бури.

Несколькими взмахами весел он подвел лодку к берегу и, подняв Киру, как пёрышко, выскочил с ней на землю, а потом привязал лодку.

- Теперь подберите Ваше платье, возьмите меня под руку и бежим. А то начинает накрапывать, - проговорил маркиз.

В лесу стемнело. Высокие каблуки белых ботинок Киры уходили в мох и цеплялись за корни.

Но маркиз, очевидно, хорошо знал дорогу и уверенно, чуть не бегом, тащил свою спутницу.

Кира едва поспевала за ним. Шляпа её повисла на суку, и её пришлось бросить; не раз цеплялись за сучья кружева и вышивки платья, но она продолжала бежать, потому что темнота сгущалась с каждой минутой, а в отдалении слышались раскаты грома. Наконец, она остановилась.

- Не могу... больше, - пробормотала она, задыхаясь.

- Ещё чуточку мужества. Приют близок, - ободрял Керведек, тоже останавливаясь, чтобы перевести дух.

Минут через пять они оказались на поляне, где стояла ветхая избёнка, в которой раньше проживал, вероятно, лесник. Маркиз толкнул дверь, и они вошли в маленькую пустую комнату с почерневшими, поросшими мохом стенами; в глубине виднелась печь, а у одной из стен стояла деревянная скамья, на которую Кира почти упала от усталости.

В эту минуту яркая молния озарила комнату, сильный удар грома потряс избёнку, и хлынул ливень.

Керведек захлопнул ветхую дверь. А снаружи свистел ветер и стучал сорванными с петель ставнями так, что старые, тусклые стёкла окошек дрожали и звенели.

Когда маркиз обернулся к спутнице, то увидел, что Кира приводит в порядок волосы, разметавшиеся во время бега, особенно после потери шляпы.

Смущённая, с раскрасневшимся от ветра лицом и окутанная, точно золотой мантией, волнами распущенных волос, Кира была прекрасна. В глазах блеснуло странное восхищение, а затаенное бурное желание обладать этой обворожительной женщиной охватило его, как пожаром.

Упорно, со всей ловкостью опытного обольстителя, стремился он к этой цели с первой минуты, как увидел Киру. К тому же он был тонким наблюдателем и не мог не заметить, что она заинтересована им, даже ревнует его, и потому делал со своей стороны всё, чтобы разжечь в ней чувство страсти.

Счастливый случай давал возможность объясниться с глазу на глаз, вдали от всякого нескромного взгляда, и минута казалась ему благоприятной. Он был чересчур пылок и, главное, самонадеян, чтобы хоть на мгновение усомниться в победе. Он быстро подошёл к ней и взял её руку.

- Кира! Вы так хороши, что хоть святого можете соблазнить, и у меня нет больше сил скрывать страсть, которая Вам давно уже известна. Если не было слов, то глаза выдавали меня тысячу раз. Да и Вам я не безразличен, я это знаю, я прочитал это в Ваших взглядах, понял из Вашего смущения. Отвечайте, Кира, признайтесь, что Вы меня любите, что согласны быть моей. Здесь нет других свидетелей, кроме грома и молнии.

Не дождавшись ответа, он привлёк к себе и покрыл её лицо жгучими поцелуями.

Правда, этот обаятельный и опасный человек внушал ей чувство, очень похожее на любовь, и его страстные поцелуи опьянили её в этот миг, но затуманенная мысль продолжала работать. Ей казалось оскорбительной перспектива стать теперь же любовницей этого человека, зависеть от его прихоти и обманывать мужа.

В этот миг почему-то вспомнилась её поездка к колдунье в Волково, ясно представилось злое лицо страшного "священника", глядевшего на неё с глумливой усмешкой, и трупный запах пахнул ей в лицо. Это отрезвляюще подействовало на Киру, и она гневно оттолкнула маркиза.

- Нахал! - глухо крикнула она. - Как Вы смеете и по какому праву?.. Я не женщина, которую можно брать при первом удобном случае! Я уже говорила Вам, что могу принадлежать лишь такому человеку, который будет моим душой и телом, а быть любовницей, игрушкой, праздной забавой, идти на пошлую, грязную связь я не желаю. Поняли Вы меня?!

Получив столь неожиданный отпор, маркиз побледнел и попятился.

Ни разу этот избалованный лёгкими победами волокита не испытывал такой обиды, да ещё со стороны женщины, обладать которой так жаждал.

Красивый, богатый, остроумный, умевший нравиться, он до сих пор одерживал только победы. А тут женщина, внушавшая даже что-то похожее на серьёзное чувство, нанесла ему оскорбление.

Притом, маркиз был уверен, что она к нему равнодушна. Он волочил за неё больше года.

И горькая обида сменилась безумным гневом.

- Притворщица, - хриплым голосом заговорил он. - Вы желаете разыгрывать недотрогу-царевну, отталкиваете человека, которого любите? Вы не хотите воспользоваться минутой любви, ниспосланной судьбой? Или вы действительно воображаете, что я не овладел бы вами, если бы захотел?! Вы соломинка в моих железных руках... Здесь нет свидетелей, я могу взять вас силой, ваши крики заглушит гром...

Он схватил её за руку и бросил перед собой на колени.

- Вот. Мне стоит только захотеть и вы будете моей. Вы даже не станете сопротивляться, потому что чувствуете подавляющую силу страсти. И пусть эта страсть преступна, вы будете в восторге. Вам было бы приятно подчиниться моей воле.

Но теперь я сам не хочу вас. С меня достаточно сознания, что я мог обладать вами. А вы... сгораєте от вашей неудовлетворенной страсти, и настанет время, я знаю, когда вы будете выпрашивать у судьбы повторения этой минуты, тогда вы махнёте рукой на вашу "добродетель".

Он с той же порывистостью выпустил её руку и отвернулся, а затем отошёл к окну и, тяжело дыша, стал стирать пот с лица.

Кира, в первую минуту, не могла даже подняться и осталась на коленях, скованная его властным, пламенным взглядом. Наконец, она встала, бледнея, каждый нерв дрожал в ней, а сердце так билось, что захватывало дыхание.

С трудом овладев собой, она поправила растрепавшиеся волосы и молча прислонилась к стене. Керведек первый нарушил это томительно долгое молчание. Он был теперь совершенно спокоен.

- Гроза прошла, - с небрежно равнодушным видом произнёс он, - а вот и солнышко выглядывает. Я знаю дорогу, и мы можем рискнуть отправиться на сборный пункт.

Кира безмолвно пошла к двери.

Воздух посвежел, но смоченная ливнем трава была опасна. Ноги то и дело скользили. Керведек заметил это.

- Будьте добры взять меня под руку, а то вы упадёте.

Она хотела отказаться от помощи, но горло её сдавило, а ноги дрожали, и она молча прияла его руку.

Только подойдя к павильону, Кира облегченно вздохнула, внешне она вполне владела собой.

Их встретили со смехом. Все, наперебой, рассказывали про свои приключения или неприятности, причинённые грозой. Маркиз, в свою очередь, описал в смешном виде, как они тщетно пытались скрыться от дождя и неслись по лесу, пока, наконец, случайно не попали в старую сторожку.

- Кира Викторовна выбилась из сил и не могла бежать скорее, хотя не жалела, при этом, своих: все кусты хранят следы нашего бегства, а шляпа оставлена на память старой высокой сосне, - смеясь закончил он.

- Какая жалость, - соболезновала Ольга Дмитриевна. – Шляпа представляла чудное сочетание кружев и незабудок.

Кира отшучивалась, показывала разорванное платье и чёрные от грязи ботинки. Басаргин было встревожился, но она его успокоила.

Наконец, общее волнение улеглось, все сели за стол, и празднество благополучно продолжалось.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Со дня пикника Кирой овладела нервная тревога.

Образ маркиза преследовал, как кошмар, и ей неотступно вспоминались все подробности бурной сцены в сторожке.

Интерес или влечение, которое Керведек всегда возбуждал в ней, превратились в страсть, а полное равнодушие, оказываемое маркизом, только дразнило это чувство.

На вид, он по-прежнему был любезен и предупредителен, но он уже не искал её общества, ухаживал за каждой хорошенькой женщиной, и в его ледяном взгляде она ясно читала, что он навсегда для неё потерян.

Иногда она задавалась вопросом: «Не был ли то сон?»

Возможно ли, чтобы человек, которого она видела объатым бурным порывом страсти, мог охладеть к ней так скоро?

Под влиянием ревности и волнения Кира потеряла сон и аппетит. День и ночь строила она планы, как вернуть любимого человека и корила себя за то, что отвергла его любовь.

Привязанность к мужу совершенно исчезла, а по временам он ей становился ненавистен.

Как-то вечером, недели две спустя после знаменательного праздника, Кира сидела дома одна. Алексей Аркадьевич был по делам в городе и собирался вернуться на другой день. Киру звала к себе Ольга Дмитриевна, но она отказалась, сославшись на мигрень. Ей хотелось остаться одной.

Стояла чудная погода, тёплая июльская ночь. Кира сидела на примыкавшем к её будуару балконе и, откинувшись на спинку кресла, мечтала, поглядывая на залитую светом дорогу.

По этой дороге часто проезжал автомобиль маркиза, и Кира сторожила эти мгновения, чтобы увидеть его хотя бы издали. На этот раз дорога оставалась пустынной, и Кира погрузилась в раздумье.

С досадой упрекала она себя в том, что поступила так глупо, лишила сама себя счастья. Теперь ей казалось, что главная цель жизни – это снова завоевать любовь маркиза. Но как? Не вымаливать же ей любовь, которую сама отвергла.

Досадно, что Малейнен неизвестно где находится. У неё есть в распоряжении неведомые силы, и она бы, конечно, ей помогла. В эту минуту Кира случайно взглянула на освещенный луной куст жасмина, росший в нескольких шагах от террасы. Вдруг она вздрогнула и выпрямилась. Там, среди ветвей, стояла какая-то тёмная тень, похожая на человеческую, и два фосфорических глаза упорно смотрели на неё. Кира протёрла глаза. Уж не спит ли она?

Да, на неё действительно смотрят два горящих, как угли, глаза. Очевидно, это было какое-то живое существо. Кто-то забрался в сад.

Волнуемая страхом и любопытством, спустилась Кира с террасы и пошла к кусту. Но с приближением её, странное существо отступило на лужайку, скользя над землёй и колыхаясь, как облако пара, гонимое ветром, потом оно стало бледнеть и точно таяло в тени деревьев. Некоторое время в облачном клубе сверкали ещё глаза, потом глаза погасли, и всё исчезло.

Бледная и взволнованная, Кира вернулась к себе, закрыла балконную дверь и окно. Горничной она приказала лечь в эту ночь в комнате рядом. Ей стало страшно. Непонятное видение и интересовало её, и кидало в дрожь.

На другой день Кира получила от своей кузины, Зои Нелидовой, письмо в котором та сообщала приедет погостить к ней недели на две.

Зоя, звавшаяся в своём кругу Зизи, воспитывалась в одном пансионе с Кирой и уже четыре года, как была замужем. Жила она в Крыму, а теперь её мужа перевели в Петербург, но сдача дел задержала его на прежнем месте службы.

Зоя просила до приезда мужа приютить её с ребенком. Кира очень обрадовалась приятельнице. Зизи была жизнерадостной, и её веселость должна была отвлечь Киру от тоскливых мыслей. Кроме того, она могла бы дать ей добрый совет, как исправить сделанную глупость и вернуть Керведека.

Соперничества она не боялась. Чета Нелидовых слыла образцовой парой.

Вслед за письмом, дня через два, Алексей Аркадьевич привёз к себе на дачу Зизи с ребёнком, кормилицей и горничной. Приезжих сопровождал большой багаж. Последовали нежные объятия и поцелуи, ребёнок был водворён в особой комнате, а обе приятельницы сели завтракать в комнате гостыи, которая пожелала отдохнуть до обеда и переодеться.

Зизи была хорошенькая, худенькая брюнеточка, с большими лукавыми чёрными глазками, очень разбитная и большая модница.

- Ах, как тяжело путешествовать с ребёнком, - вздыхала Зизи, отрезая себе кусок пирога. – Советую тебе, не позволяй надевать на себя эту мёртвую петлю.

- Приму твой совет к сведению, но как же ты сама была так неосторожна? У тебя ведь есть ребёнок? – спросила Кира, улыбаясь.

- О, только по необходимости. Мне не хотелось терять ста пятидесяти тысяч. Ведь это лакомый кусочек. Вообрази, дядя моего Сандро, Виталий Петрович, вбил себе в голову, что, если у меня не будет детей, то он пожертвует всё состояние на монастырь. Он был уже стар, вечно окружён разными приживалками, паразитами, и надо было спешить. Я была замужем два года, а детей не было. Мы с мужем были очень огорчены. В это время Сандро понадобилось съездить на неделю в Одессу. И вот, во время его отсутствия счастливый случай...

- Но... - остановилась Зизи, - ты должна обязательно не болтать про то, что я тебе расскажу, это тайна!

- За кого ты меня принимаешь?! Говори, не бойся. Я буду нема, как рыба.

- Так вот. На моё счастье, в Севастополь пришёл тогда броненосец, на котором служит наш с тобой кузен Мишель. Он заехал ко мне... Ах, какой он стал красивый, - если бы ты видела, - и вместе с тем любезный, широкая натура... Словом, я была очарована, впрочем, и он нашёл, что я похорошела. Мишель начал за мной страшно ухаживать и вот... Во время одной из прогулок при лунном свете всё это само собой устроилось. А через некоторое время я убедилась, что и прогулки при луне бывают не без пользы.

Сандро был без ума, понятно, от радости... Ха-ха-ха! А дядя сам крестил моего мальчугана. Мы поспешили, как раз вовремя, потому что месяца через два после рождения Вити, дядя умер, а мы прикарманили его наследство. Уф! Награда была заслуженной, но уж в другой раз меня на удочку такую не поймают!

- Как всё на свете меняется! Помнишь, в пансионе ты возмущалась развратными идеями модных романистов, а мне проповедовали супружеские и семейные добродетели, - заметила, смеясь, Кира.

- Ну-у, это были бредни пансионеров! С тех пор я убедилась, что все эти «Семейные добродетели» совершенно вышли из моды, а мужчины, как черти от ладана, бегут прочь от одного запаха «строгой добродетели».

Да и мужу надоест жена, которая заботиться лишь об исправности желудка у ребёнка или о хозяйстве. Словом, мужчины сторонятся н а с е д к и, занятой только своим курятником.

- Если я тебя правильно поняла, ты значит, отказываешься впредь от любовных походов? Говорят, у вас – образцовое супружество, - лукаво заметила Кира.

- Ты меня плохо поняла. Конечно, мы живем с мужем очень хорошо и никогда не ссоримся, а я, когда и где нужно, умею закрывать глаза. Но так как со своей стороны я осторожна, то муж мой, действительно, ничего не видит. Сандро доверяет мне слепо. А не иметь возлюбленного просто невозможно, это даже нездорово!

- Ого! Откуда же ты это взяла?

- Это мне сказал один учёный врач, у которого была громадная практика по этой части. Он доказывал, что все добродетельные, верные своим мужьям жёны становятся, с течением времени, вялыми и жиреют. И он совершенно прав. Это просто и логично. Для молодой, полной сил женщины вредно не иметь любовника. Муж – это часто подаваемое кушанье, которое скоро приедается и убивает аппетит, привычка исключает приятное волнение, а

перемена согревает кровь, поддерживает энергию, этим сберегаются красота, легкость движений, словом – шик.

- Ты так проворна, весела и очаровательна, Зизи, что надо полагать, добросовестно использовала советы «великого учёного», - смеясь от души, сказала Кира.

- Совершенная правда! Я хочу остаться красивой и отказываюсь от «сувениров», вроде того, который мне оставила моя севастопольская прогулка при луне. Впрочем, я скромна, и за четыре года супружества у меня было всего только три «перемены декораций». Ну, да ещё одна, самая безобидная мимолётная интрижка, доставившая однако, мне чудный браслет. А Сандро уверен, что я купила его на свои сбережения! Ха-ха-ха!

- Скажи пожалуйста, вот одна дама говорила мне, что материнство – невыразимое чувство. Правда это? Ведь ты обожаешь свою крошку?

Зизи оттолкнула тарелку и, взяв свою болонку, положила её себе на колени.

- Как тебе сказать? Видишь ли, мой бутуз забавен, конечно, пока он не вопит. Когда но наряден, закутан в кружева и все им любуются да спрашивают: «Это Ваш? Какой очаровательный ребёнок», - тогда, сознаюсь, это очень приятно и лестно. Но...

Она скорчила гримасу.

- В общем, произведение его на свет мне так дорого стоило, что, говоря по совести, я не знаю, люблю ли я его больше моей Башки.

И она нежно поцеловала мордочку собачки.

- Ну, обо мне – довольно, я во всём покаялась. Теперь ты скажи, любишь ли ты своего мужа. Басаргин недурен. А может быть, у тебя уже был возлюбленный? А? Выбор велик, особенно для такой красивой женщины, как ты...

- Полагаю, что достать себе возлюбленного нетрудно, но пока я об этом не думала. Это не означает, что я навсегда даю зарок, напротив... Ведь это, говоришь ты, полезно для здоровья? Ха-ха-ха! Только пока я ещё никого не выбрала.

- В таком случае желаю успеха! Я вижу, что любовь к твоему Алексею тебя тяготит, - лукаво подмигивая, со смехом заметила Зизи.

- Столько же, я полагаю, как и твоя к твоему Сандро, - вторила ей Кира.

Затем Зизи переоделась и вместе с Кирой вышли на террасу в ожидании обеда и возвращения Алексея Аркадьевича, который уехал верхом.

Разговорившись про соседей, Зизи обрадовалась, когда узнала, что семья Фрейндлих проживает рядом, так как познакомились с Ольгой Дмитриевной прошлой осенью в Ялте.

- Завтра же, непременно, пойду с визитом к этой прелестной женщине, - сказала Зизи.

И тут же рассказала очень мало лестного о походе прелестной женщины в Крым.

Вдруг она остановилась и всплеснула руками.

- Ах, какого интересного кавалера я видела здесь на станции. Он поджидал какого-то господина, приехавшего с нашим поездом, и они вместе уехали на автомобиле. Как он мне понравился! Высокого роста, стройный брюнет, с жгучими глазами и острой бородкой. У него иностранный облик, и в нём есть что-то рыцарское. Таким должен быть д'Артаньян или какой-нибудь придворный времён Варфоломеевской ночи. Кто бы это мог быть? Ты не знаешь? С таким кавалером я с наслаждением погуляла бы при луне, - восторженно закончила она.

Кира слегка покраснела.

- Однако ты времени не теряешь, если уже готова гулять с человеком, которого даже не знаешь по имени. Это, знаешь ли, слишком.

- Желать – это ещё не значит грешить. Однако кто бы это мог быть?

- Вероятно, маркиз Керведек. За исключением мужа и Фрейндлиха, у него одного есть автомобиль. Но твоё описание справедливо лишь в отношении его внешности. Это циничный и распушенный господин.

Зизи промолчала. Возвращение Басаргина дало другое направление разговору.

На другой день приятельницы отправились к Ольге Дмитриевне. Та, увидав Зизи, пришла в восторг и оставила всех у себя обедать.

Вечером пришёл маркиз с приятелем, приехавшим к нему в гости на неделю. Вслед за этим у Керведека с Зизи начался оживлённый флирт к неудовольствию Киры. Она задыхалась от ревности. Эта неделя для Басаргина была пыткой.

У неё на глазах, открыто завязалась интрига у Зизи с маркизом. Керведек стал почти ежедневно бывать в доме, но всё его внимание было обращено на Зизи. Та, видимо, была без ума от него и даже не старалась скрывать своего увлечения.

Кира потеряла сон и аппетит, а нервы окончательно развинтились. Ей было очень трудно скрывать свои чувства. Она вся горела и дрожала, когда чёрные глаза маркиза, равнодушно скользнувши по ней, страстно глядели на Зизи.

Она начинала ненавидеть кухню, и планы, один мрачнее другого, рождались в её голове.

В ней созрело непоколебимое решение вернуть маркиза, во что бы то ни стало.

Но теперь ей уже казалось мало быть его любовницей. Нет она хотела выйти за него замуж, чтобы иметь на него законные права.

С Алексеем она разведется. Он опостылел, и его страсть была ей противна.

Однажды, когда все обедали у Фрейнлиха, Ольга Дмитриевна предложила пойти за грибами, и предложение было с восторгом принято.

- Идти по грибы - это совсем по-деревенски, это так заманчиво и интересно.

Компания тотчас же запаслась корзинками и двинулась в путь. Общество было многочисленное, из города приехало несколько офицеров и мамаш с дочерьми.

Маркиз, конечно, сопровождал Зизи. Она была одета нарядно и к лицу, в кисейном розовом платье. Хорошенькая шляпка с красными цветами очень шла ей.

Ольга Дмитриевна заметила, что между Кирой и Керведоеком пробежала чёрная кошка, но не навязывалась на откровенность. Она обнаружила свою всегдашнюю терпимость и покровительствовала теперь флирту Зизи.

- Пожалуйста, маркиз, будьте спутником Зои Платоновны. Она может заблудиться, это так легко, когда ходишь по лесу на авось, за грибами, - крикнула она.

- Не беспокойтесь, Ольга Дмитриевна, я знаю здесь всякую дорожку и буду надёжным проводником для Зои Платоновны. Но, откровенно сознаюсь, нет ничего лучше, как заблудиться немного в чаще и отдохнуть в лесной тиши.

Зизи ответила сочувственно кокетливым взглядом.

Кире в кавалеры достался правовед, и она еле сдерживала досаду.

Керведек тотчас же направил свою даму к покинутой сторожке, к тому самому злополучному месту, где его самолюбию был нанесён такой страшный удар. Он не мог забыть своего поражения. Но сегодня он собирался отпраздновать победу. Конечно, эта смугляночка не стоила Киры, та – настоящая женщина, но зато эта ведь гораздо доступнее.

Идя по глухой тропинке вслед за своей дамой, маркиз многозначительно поглядел на неё и спросил:

- Не предпочитаете ли Вы «окольных» дорог? На «прямых» ведь редко найдёшь что-нибудь интересное...

- Это зависит от того, с кем идёшь, и от его умения сделать интересной всякую дорогу, - со смехом ответила догадливая Зизи.

Они нашли несколько больших грибов, несколько штук мелких, которые и забрали. Но зато потом ужасно долго отдыхали в сторожке...

Уже стемнело, когда они вернулись на дачу.

- Ах, как мы запоздали! Все уже, вероятно, вернулись и хватились нас, - тревожно заметила Зизи, ускоряя шаг.

- Вот ещё, стоит беспокоиться из-за пустяков. Скажем, что сбились с пути. Вопрос только – с какого, - рассмеялся маркиз.

Соскучившись со своим юным и застенчивым кавалером, Кира вернулась одной из первых. Она задыхалась от бешенства и ревности, упрекала себя, но в чём упрекала... В этом она не могла отдать себе отчёт. Виновата ли она в том, что оттолкнула любовь Армана, или в том, что до сих пор не отыскала Малейнен? Нужно непременно съездить в город, - думала Кира. – Она

проучит бесстыдницу, она испортит ей игру. Бешеное животное! Бросается на всякого первого встречного мужчину...

С истинным удовлетворением подметил маркиз бледность Киры и лихорадочный отблеск её глаз, взгляд же полный ненависти, который Кира бросила на Зизи, его ещё больше обрадовал.

«Пусть расплачивается теперь за свою неуместную добродетель», - думалось ему.

После чая Кира заявила, что у неё болит голова, и она пойдёт домой.

Напрасно уговаривали её остаться, она не захотела ужинать, напрасно ей говорили, что нередко мигрень проходит от еды, она стояла на своём. Обозлённой Зизи пришлось идти домой вместе с ней.

Обе они были взбешены, и по дороге произошла легкая стычка. Посторонних не было, и никто им не мешал. Басаргин остался играть в карты, а маркиз обещал отвезти в своём автомобиле кого-то из гостей на станцию.

Для начала Зизи кисло заметила, что Кира капризничает и из-за пустой головной боли расстраивает такую чудную компанию.

- Ты, вероятно, не нашептала ещё досыта с Керведеком, - едко ответила Кира.

- А хоть бы и так! Конечно, разговаривать с таким увлекательным человеком – истинное наслаждение. Я очарована им, - вызывающе ответила Зизи.

- О, да. Ты сделала всё, чтобы доказать ему и всем, насколько ты им очарована. Ваша уединённая беседа длилась достаточно долго. Но, милая моя, позволь тебе сказать, что с твоей стороны очень неосторожно выставлять напоказ свои увлечения и бегать целыми часами по лесу с таким человеком. У него ужасная репутация.

- Можно подумать, что ты ревнуешь маркиза и завидуешь мне, ведь он за тобою открыто ухаживает, - крикнула Зизи, забывая приличия.

- Завидовать тебе не приходится, потому что я не разделяю твоих развращённых вкусов и не отдаюсь первому встречному, как уличная развратница!

Зизи задохнулась от бешенства. Их ссора могла бы окончиться очень печально, но они пришли к даче, и неприятный разговор прекратился. Кипя гневом, разошлись они по своим комнатам. На следующий день произошло нечто неожиданное, изменившее течение событий. Александр Александрович Нелидов, муж Зизи, прибыл дней на пять раньше назначенного срока и объявил, что должен на следующее утро увезти жену для устройства их новой квартиры.

Зизи сразу присмирела в присутствии своего «милого Сандро» и стала серьёзной.

Опасаясь, очевидно, какой-нибудь нескромности со стороны кухни, она извинилась перед ней с глазу на глаз за свои резкости.

Кира презрительно улыбнулась и резко ответила, что вовсе не намерена снимать «катаракты» с глаз Александра Александровича; эту слепоту когда-нибудь вылечит Зизи своими выходками.

Зизи смолчала, и подруги расстались холодно. А два дня спустя, сказав, что ей надо повидаться с портнихой, Кира уехала в Петербург отыскивать Малейнен.

Твердо решив найти колдунью, даже если бы пришлось для этого съездить в Финляндию, Кира в первый же день своего приезда направилась на Волково кладбище.

Надо было сначала допросить того сторожа, который водил их к колдунье в ту памятную ночь.

Она не забыла ни его имени, ни наружности и узнала его тотчас при входе на кладбище. Он подметал чью-то могилу, но увидав, что его зовёт нарядная барыня, бросил метлу и пошёл на встречу.

Кира сунула ему в руку, для начала, трехрублевку и спросила, не знает ли он, где ворожея, которая прежде здесь жила.

Увидав такой щедрый «взнос», старый солдат просиял.

- Ах, барыня, да она с месяц как вернулась только под другим, значит, именем, и лавочку открыла, венки на могилы продаёт. Знамо дело, всё как есть знаю, что она т а с а м а я. Да у

старухи деньжищ куча, она кого надо подмазала, ну полиция, будто, и не видит. Пожалуйте, я Вас к ней провожу.

Ещё пятирублёвка – в награду за усердие – перешла в руки сторожа. А минут через пять Кира уже стояла перед знакомой колдуньей, которая продавала в эту минуту какой-то барыне венки с бумажными цветами.

Проницательные глаза старухи остановились на мгновение на Кире, и по её морщинистому лицу пробежала непонятная лукавая усмешка.

Как только покупательница ушла, Кира сделала вид, что выбирает венок, и в то же время тихо шепнула:

- Мне нужно поговорить с вами наедине.

- Тогда приезжайте попозже, между двумя и четырьмя. Я закрываю лавчонку и уйду обедать, а мой внучёк будет сторожить Вас у кладбищенских ворот и проводит ко мне.

Кира уехала довольная. По пути она зашла в кондитерскую и выпила чашку шоколада, съела пирожков и мороженое, а как только пробило два часа, отправилась снова на кладбище.

Тощий, белобрысый мальчик-чухонец поджидал, как было условлено, и проворно повёл её. Она увидела ту же ветхую, покосившуюся избенку. Кира вздрогнула, войдя в комнату, в которой происходила её зловещая свадьба с Басаргиным.

Старуха сидела у окна и внимательно рассматривала тарелку с кофейной гущей. Она подала Кире табурет и долго в неё всматривалась.

- Если не ошибаюсь, барыня, вы любите не вашего мужа, а другого и хотите за него замуж выйти. За этим Вы ко мне и приехали, - спокойно сказала Малейнен.

Ошеломленная Кира сконфуженно посмотрела на старуху.

- Как... Вы знаете? – пробормотала она.

- Да, знаю и могу вам служить, вы хорошая клиентка. Скажите только, чего вы желаете.

- Я хочу, чтобы мой муж развёлся со мной, и я могла бы выйти замуж за человека, которого обожаю, и который тоже должен меня страстно любить. Только, пожалуйста без такой свадьбы, как было в первый раз.

Старуха задумалась.

- Хорошо, барыня, я сделаю всё, как Вы пожелаете. Напишите мне только на бумаге Ваше имя, имя Вашего мужа и того человека, которого Вы полюбили. А завтра заезжайте в это же время, и я дам Вам всё, что нужно.

Кира выложила пять золотых.

- Если всё устроится, я заплачу столько же.

- О, будьте спокойны, моим клиентам всегда во всём удача.

- А у Вас большая клиентура? – с улыбкой спросила Кира.

На лице колдуньи появилось насмешливое выражение.

- Слава Богу, работа есть, и меня навещают важные господа. Кто замуж хочет, кто - овдоветь, кто – поймать князя, а кто – смягчить сердце скупого мужа; у меня и мужчины бывают.

Недавно был ещё у меня молодой человек моряк, он хотел жениться на старой барыне, очень богатой, но так, чтобы она умерла поскорее. И я всё устроила, как он желал. Он уже овдовел, а меня по-царски отблагодарил. Слава Господу, я не буду бедна под старость, когда не будет сил работать.

Слова колдуньи врезались в душу Киры, и она с тоской подумала о том, от каких удивительных случайностей зависит иногда судьба человека...

Ни красота, ни душевное и умственные достоинства желанного успеха ей не дали, а устраивала всё случайная встреча с вот этой странной, таинственной женщиной, умеющей как-то руководить неведомыми скрытыми силами и подчинять своей воле самые упорные натуры.

Снабженная пакетиком серого порошка и пузырьком с розовой жидкостью, Кира вернулась на дачу.

На следующий день порошок был высыпан в обувь мужа, как велела ей старуха, а содержимое флакона выпил маркиз.

Исполнив точные указания старухи, Кира спокойно стала ждать событий.

Действия снадобья сказались прежде на маркизе. Он снова стал посещать Киру, и в глазах его снова зажглась страсть.

Алексей Аркадьевич, наоборот, стал хиреть, бледнеть, имел озабоченный вид, жаловался на головные боли, нервничал, страдал бессонницей и потерял аппетит.

Кира настояла, чтобы Басаргин обратился к доктору, а так как у мужа были ещё в городе дела, то он отправился в Петербург. Вернуться он должен был на следующий день к обеду и привезти двух сослуживцев. А маркиз, сам ждавший какого-то приятеля из города, обещал выехать за Басаргиным и гостями в автомобиле.

На утро Кира проснулась с тревожным чувством в душе, и это беспокойство росло с часу на час. Тщетно пыталась она развлечь себя чтением, прогулкой и музыкой, - тревога не унималась, сердце учащённо билось, и по телу пробегала холодная дрожь.

Кира подошла к окну взглянула на дорогу, но дорога была пуста. Она приняла валериановых капель и, опустив шторы, улеглась на кушетку в кабинете, чтобы немного вздремнуть до приезда гостей и мужа.

Как долго длилось её забытие, сказать она не могла. Но вдруг запертое окно распахнулось с такой силой, что разорвало даже голубую шёлковую штору. Сон пропал, и Кира выпрямилась.

Порыва холодного ветра ворвался в комнату и пахнул ей в лицо, а на двор, между тем, стояла удушливая жара.

Она собиралась встать с кушетки и тут заметила у себя на коленях большой букет любимых лилий и камелий, покрытыми красными брызгами.

Кира откинула на подушку, с недоумением глядя на неведомо откуда взявшийся букет, забрызганный словно кровью... Чтобы это могло значить? Разве с мужем случилось какое-нибудь несчастье?.. Ах, зачем она вторично прибегла к помощи дьявола!

У неё стучали зубы, как в лихорадке, и на лбу выступил холодный пот. Она постаралась успокоиться, встала, положила цветы на стол и позвонила горничной. Та изумлённо оглядела открытое окно, разорванную штору и букет, относительно которого удостоверилась, что никто не приходил и цветов не приносил.

- Господи, Боже мой! Барыня, да ведь букет то в крови весь, - вдруг воскликнула она, прикасаясь пальцами к одной из лилий, которая была забрызгана больше других.

Кире сделалось дурно, и она упала в кресло. Аннушка кинулась со всех ног за нюхательным спиртом. Пока она приводила барыню в чувство, натирая ей виски туалетным уксусом, снаружи донеслись тревожные возгласы. Кира вскочила и бросилась на террасу.

По дороге, в некотором отдалении, двигалось шествие: четверо мужиков несли на носилках что-то, покрытое пальто, а сзади шло несколько мужчин, и среди них – маркиз. Все они были смертельно бледны, и костюмы их были в беспорядке, разорваны и выпачканы в пыли. Кира сразу всё поняла и, как подкошенная, упала без чувств, на пол. Когда она очнулась и слегка привела себя в порядок, маркиз рассказал ей о происшествии.

Они ехали все вместе. Автомобиль налетел на мужицкую телегу, которая стояла на боку, а мужик надевал скатившееся колесо. Автомобиль перевернулся и выбросил сидевших. Все отделались синяками и небольшими ушибами, за исключением шофёра, вывихнувшего руку и получившего ранение головы. Алексея Аркадьевича они нашли в лежащем в луже крови без признаков жизни, он ударился головой о дерево с такой силой, что смерть была мгновенной.

- Бедный Алёша! Кто бы мог подумать, что он грустно завершит жизнь, в полном расцвете сил и счастья, - со слезами на глазах заметил один из сослуживцев Басаргина.

- Он всегда думал только о вас, Кира Викторовна, - добавил другой товарищ покойного. - Он вез вам чудный букет белых лилий с камелиями, и мы не можем понять, куда он делся. Нам хотелось вручить Вам эти цветы как последнее воспоминание о покойном, но мы так и не смогли найти этот букет.

Ужасное время наступило затем для Киры. Ею овладел ужас. Смерти мужа она не хотела, она желала только развода. Но, должно быть, злая сила, с которой она связала себя, действовала по-своему. Кира пустила в ход машину, действия которой были ей неизвестны. И вот ей возвращена свобода... Она избавлена от Басаргина, так же резко и жестоко, как и была с ним связана.

Тело покойного внушало ей панический ужас. На бледном лице его застыло страдальческое выражение; полуоткрытые глаза, веки которых никак нельзя было закрыть, точно глядели на неё. Ей всё казалось, что вот он встанет и, указывая на неё пальцем, крикнет:

- Убийца!..

Но немые уста усопшего не раскрывались. Хоронили его в Петербурге с большими почестями. А после похорон Кира не захотела возвращаться на дачу и осталась в городе.

Духовное завещание Басаргина, составленное накануне свадьбы, делало её наследницей состояния.

Таким образом, Кира достигла всего, чего желала: положение в обществе, свободы и большого состояния, дававшего ей независимость. Никто и не подозревал, какими тёмными путями добилась она всего этого.

Тем не менее, первые месяцы вдовства были тяжелы для Киры, но не из-за того, что она жалела мужа, или мучилась угрызениями совести. Нет, она боялась чего-то более страшного: мести и преследования о т т у д а.

Ведь доставили же ей каким-то образом окровавленный букет. Это был последний дар человека, которым она овладела из себялюбивых целей, а потом принесла его в жертву новой прихоти...

Киру мучил страх: а что, если он станет мстить?

Но ничего особенного ни днём, ни ночью не происходило, всё было спокойно, не было никаких таинственных явлений, которые указывали бы на появление духа покойного мужа. Кира успокоилась и повеселела. Радовало её, что маркиз был в неё влюблён по уши и с трудом скрывал свою страсть.

В качестве ближайшего друга Басаргина Керведек часто навещал вдову и помогал ей утверждаться в правах наследства. Видеть Киру было для маркиза наслаждением.

В глубине души Кира блаженствовала, но внешне она казалась грустной и убитой горем – навещала могилу мужа и носила строгий траур, который очень шёл к её светлой и нежной красоте.

Устроив денежные дела, Кира объявила, что едет за границу и будет там жить, пока не утихнет горе и пока она не успокоится сколько-нибудь.

Накануне отъезда у Киры с маркизом произошло нечто вроде объяснения. Керведек спросил, может ли он месяцев через восемь приехать и попросить её о том, от чего зависит все его счастье.

- Приезжайте, - ответила она, краснея и не отняла руки, которую маркиз долго и страстно целовал.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Кира поселилась в Дрездене и в ожидании конца своего траура вела деятельную переписку с маркизом. Было решено тихо и скромно повенчаться в посольской церкви, а затем ехать путешествовать, куда вздумается.

Прошло полтора года после смерти Басаргина, и маркиз приехал в Дрезден. Кира не хотела ехать в Италию, и поэтому они остановили свой выбор на Тироле, решив провести там первые недели медового месяца.

После венчания, на котором присутствовали лишь шафера, новобрачные уехали, и на следующий день, часов в одиннадцать, прибыли на место.

Маркиз заказал телеграммой помещение. Первое, что бросилось Кире, когда она с мужем вошла в маленькую гостиную отведённого им помещения, был громадный букет из белых лилий и камелий, стоявшей в вазе на столе.

- Откуда эти цветы, и зачем их поставили на стол? – бледная, спросила она лакея, снимавшего с неё пальто.

- Их доставили утром с приказанием поставить в Вашу комнату, госпожа маркиза.

- Кто же принёс букет? Кто его принял? – допрашивал маркиз, видя, что жена дрожит.

Кира бессильно опустила в кресло.

- Я сам принял букет, сударь. Как раз в это время я стоял в подъезде, ко мне подошёл очень хорошо одетый господин, передал мне цветы и дал золотой на – на чай, - ответил лакей.

- Каков он был из себя?

- Высокого роста, худощавый, с чёрной бородкой и удивительно бледным лицом. Я ещё подумал, что он, должно быть, болен.

Кира дрожала, как в лихорадке, от страха у неё зуб на зуб не попадал. Как только слуга вышел из комнаты, она бросилась на шею мужа и разрыдалась.

- Это Алексей! – пробормотала она.

- Кира дорогая! Ну, можно ли говорить и, вообще, верить в такие глупости, - полушутливо, полусерьёзно ответил маркиз. – Ясно, что какой-то нахал позволил себе эту наглую шутку.

- Но ведь нашла же я подобный букет у себя на коленях в ту минуту, когда он разбился насмерть! Ты сам говорил мне, что он держал его в руках, сидя в автомобиле, в момент катастрофы, - заметила Кира, вздрагивая.

- Знаю и согласен, что это странный факт. Но допустить, что Басаргин вышел из своей могилы в Александро-Невской лавре и приехал в Тироль к тебе с другим букетом, - это уж совсем дико.

Кира как будто успокоилась доводами мужа, пересилив себя, чтобы хотя наружно казаться равнодушной. Она понимала, что появление букета кажется мужу простой мистификацией, а сказать ему правду о дьявольских узах, соединивших её с покойным, она не могла.

Керведек приказал унести цветы. При этом они заметили, что цветы издавали зловоние.

Конец дня прошёл спокойно, и вечером Керведек велел накрыть ужин на террасе, выходившей в небольшой отдельный сад. К маркизу вернулось хорошее настроение, и он подтрунивал над Кирой. Можно ли расстраиваться и терять аппетит из-за нахальной выходки?

Он налил два бокала шампанского и, подняв свой, весело сказал:

- Ну, милая, забудь эту глупую мистификацию, и выпьем за наше счастье!

Кира улыбнулась и в ответ подняла свой бокал:

- За нашу любовь, за наше счастье!

В эту минуту из кустов в садике раздались звуки скрипки.

Умелая рука играла нежную, грустную русскую песню, любимую песню Басаргина. Песня была хорошо знакома обоим.

Стакан выпал из рук Кире и разбился, она вскочила в немом ужасе, не сводя глаз с кустов.

Маркиз тоже побледнел.

- Чёрт возьми! Это, наконец, переходит всякие границы! – крикнул он и ударил кулаком по столу. – Что это такое? Это настоящее преследование! погоди же, каналья, ты мне заплатишь!

Он спрыгнул с террасы и подбежал к кустам, откуда неслись дрожащие звуки скрипки. Но сколько он ни шарил в кустах, а таинственного музыканта не нашёл.

Бледный, стирая холодный пот с лица, вернулся маркиз на террасу, и в это же самое время смолкла музыка.

- Уедем, умоляю тебя... Я не в состоянии ночевать здесь, - со слезами воскликнула Кира.

- Конечно, конечно, бедняжка! Я и сам не хочу здесь оставаться. Но куда нам ехать, чтобы этот надоедливый мерзавец потерял наш след? Это какой-нибудь отвергнутый поклонник, узнавший про нашу свадьбу. У тебя ни на кого нет подозрения?

- Нет, - убитым голосом ответила Кира.

Она была убеждена, что теперь только началось то оккультное последствие, та загробная месть, которую она предчувствовала и боялась. Из могилы, с которой её соединяла тайна, холодная рука покойника тянулась к ней, как к своему законному достоянию.

Как избежать от такого кредитора?

После долгого обсуждения было решено, что они уедут с двенадцатичасовым поездом, высадятся на какой-нибудь маленькой станции и проведут несколько дней в горах. На место прибыли около семи часов утра. Станция была незначительная, и большинство пассажиров спали. Вместе с ними из поезда вышло всего два-три человека. Наняв затем экипаж, Керведек с женой отправились в соседний городок, расположенный в горах.

Было чудесное сентябрьское утро. Чистый воздух, живописное расположение и величавый покой дивной природы успокоительно действовали на смущённую душу Киры.

Маркиз был весел и восторгался придуманным им ловким способом сбить с пути субъекта, который посмел их преследовать. Он шутил, представляя себе досаду негодяя.

Чистенький, утопавший в зелени городок был очарователен, и они решили пожить здесь некоторое время, чтобы совершить прогулки в горы.

Гостиница, где остановился маркиз с женой, не представляла той роскоши, того комфорта, к которым они привыкли, но всё было чисто и уютно, а хозяева оказались славными людьми, услужливыми и приветливыми.

Керведек словно проснулся от тяжелого кошмара и облегчённо вздохнул. Им подали простой, но вкусный завтрак, который они с удовольствием съели. Заразительная весёлость мужа развеселила и Киру. Может быть, и в самом деле она заблуждается и придаёт много значения глупой мистификации?

Окончив завтрак, молодая чета собиралась идти отдохнуть после бессонной ночи, как вдруг явилась хозяйка. Вид у неё был озабоченный, и в руках она держала букет из белых лилий и камелий.

- Только что принесли букет для... - начала она, но остановилась, видя, что маркиз вскочил, как ужаленный, а Кира упала в обморок.

- Кто принёс букет? – допрашивал маркиз, пока хозяйка помогала ему привести в чувство Киру.

- Какой-то очень бледный господин с чёрной бородкой, - ответила недоумевающим тоном добродушная немка.

Пока она раздевала Киру и подавала ей капот, маркиз осматривал цветы, рассчитывая найти там какое-нибудь указание. Но цветы издавали такое страшное зловоние, что он швырнул их с отвращением.

Мрачный и озабоченный, сел он затем подле рыдавшей Киры. Он начинал уже теряться в догадках.

Вероятно, вчерашний негодяй ехал с ними в одном поезде и видел, как они нанимали экипаж. Но кто же это такой? Что побуждает его к такому жестокому, подлому преследованию? В бессильной злобе Керведек сжал кулаки. Если бы он только мог поймать мерзавца, так, наверное, убил бы его. Надо было уезжать. В таком захолустье они больше, чем где-либо, подвергаются новой опасности, злобной проделке. Но куда ехать?

После долгих размышлений он предложил ехать в Венецию, сейчас же, как только Кира несколько справится с волнением.

Жена ему не противоречила, она была мрачна и безучастна ко всему.

Прибыв в Венецию, они отправились в отель.

Но наученный горьким опытом, маркиз оставил жену в гондоле, и один пошёл договариваться с хозяином.

- Если случайно явится господин с букетом белых лилий и камелий, так прошу Вас...

- Он уже был, эччеленца. Значит, это он для вас заказал помещение в бельэтаже, с видом на Большой канал? Он оставил цветы и визитную карточку.

Керведек побледнел.

- Я прошу Вас принять меры, чтобы это не дошло до моей жены, слышите? Заказанного помещения я не займу! У Вас найдётся, может быть, другое? Цена для меня безразлична. А букет и карточку я желаю видеть.

- Слушаюсь, эччеленца. У меня освободилось помещение, столь же комфортабельное, но вид уж не так хорош, и окна выходят на боковой канал. А относительно букета я строго накажу, чтобы никто не смел о нём упоминать в присутствии сеньоры маркизы, - услужливо ответил хозяин отеля.

- Благодарю Вас. Так я устрою сперва жену, и затем мы пойдём с Вами взглянуть на карточку. Кстати, распорядитесь, чтобы помимо меня маркизе не подавалось ни писем, ни каких-либо карточек и никаких посылок. У меня на это есть важные причины.

Проводив жену в приготовленное помещение, Керведек, под предлогом кое-каких распоряжений, пошёл с хозяином в те комнаты, которые были для него заказаны таинственным незнакомцем. Войдя в гостиную, он увидел роковой букет.

А где же карточка? Мне очень интересно узнать имя этого болвана. Должно быть, это обитатель какого-нибудь дома умалишённых, - говорил Керведек, пока хозяин доставал из цветов и подавал ему траурную карточку. Но взглянув на карточку, маркиз изумился, и его охватил ужас. На карточке стояло «Алексей Аркадьевич Басаргин».

- Неслыханное дело! – вырвалось у него.

- Кто видел этого господина? Нельзя ли мне описать его наружность и повторить то, что он сказал?

- Я видела этого сеньора, - сказала пожилая женщина, убиравшая в шкаф вещи. – Это худощавый брюнет высокого роста, с чёрной бородкой. Но он был так бледен, что я подумала: должно быть он выскочил из Сампо Санто. А пахло от него так же нехорошо, как и от его букета. Поверить трудно, такие ведь чудные цветы, - с отвращением закончила она.

Крайне озабоченным вернулся Керведек в свои комнаты, где его встретила обрадованная Кира.

- Милый, букета нет! – сказала она, бросаясь ему на шею.

- Да... да... - ответил маркиз, стараясь скрыть смущение. – След, очевидно, потерян. Теперь ты сама видишь, что наш преследователь никакого отношения к загробному миру не имеет.

День прошёл весело. Прелестное лицо Киры оживилось. Лишь лихорадочный блеск да нервное настроение, заставлявшее её бледнеть и вздрагивать при малейшем шуме, показывали о какой степени весь её организм был потрясён странными событиями.

Она сменила свой дорожный костюм на чудный голубой шелковый капот. Было уже около полуночи, когда они кончили ужинать. Прислуга была отпущена, и они решили идти спать.

Придя в спальню, маркиз шутя сказал, что сегодня он будет исполнять обязанности горничной, и, став на колени, стал снимать с жены ботинки.

Та нагнулась и поцеловала его.

- Как я счастлива и люблю тебя, - прошептала она.

В эту минуту под окном раздался всплеск вёсел, и послышались звуки скрипки. И снова зазвучала русская народная песня, любимая песня Басаргина.

Кира глухо вскрикнула и, вырвавшись из рук мужа, откинулась на спинку кресла.

Взбешённый Керведек бросился к окну. Окно было открыто и лишь затянуто кисеей от мух. Ударом кулака пробил он ткань, расширил отверстие и высунулся наружу.

Перед окном блестела гладкая поверхность бокового канала, впадавшего в Большой канал. Гладь воды была пуста, и лишь одна тёмная гондола без фонаря быстро уплывала вдаль. На задней части каютки светились, словно озарённые электрическим светом, череп и две скрещенные кости.

Ещё мгновение, и гондола исчезла в темноте, а музыка стихла...

Тяжело дыша, вернулся маркиз к жене. Смертельно бледная Кира обливалась холодным потом и дрожала, как в лихорадке.

- Бедняжка, успокойся и не поддавайся этой гнусной комедии, - сказал он, нагибаясь чтобы поцеловать.

Кира порывисто обвила его шею.

- Я не должна тебе принадлежать. Мертвец встал между нами, - прошептала она и зарыдала.

Маркиз выпрямился.

- Ты не подумала о том, что говоришь. Нечего сказать, хорошо будет, если мёртвые мужья станут запрещать своим вдовам выходить замуж. Ведь это же дико! Нет! Над нами кто-то преступно и подло издевается. Но я буду искать и сыщу подлого мерзавца, который имеет наглость играть роль Басаргина, и тогда – горе ему! Вся эта история принимает вид сверхъестественной только потому, что мы ещё не нашли скрытой действующей причины. А теперь, дорогая, успокойся, а то ты расхвораешься.

Он уложил жену, дал ей сонных капель, а сам сел к ней на постель, держа дрожавшую ручку в своей. Ей было страшно, и она просила не оставлять её.

Когда Кира заснула, наконец, тяжёлым, тревожным сном, Керведек пересел к окну и задумался. В нём всё кипело и возмущалось. Необходимо положить конец этому преследованию, иначе она сойдёт с ума... Но что делать?

Он ни в каком случае не мог допустить, чтобы вся эта чертовщина была следствием оккультных причин. Он был для этого слишком скептичен. Вера в Бога у него была слаба, а в чёрта он совсем не верил. Воображать, что выходца с того света могут раздавать чаевые, носить букеты и иметь визитные карточки, да ещё и располагать гондолой, украшенной похоронными эмблемами, - это было для него идиотски глупо.

После долгих размышлений он решил прибегнуть к властям.

На другой день, утром, когда Кира ещё спала, он побывал у начальника полиции, рассказал ему подробно о преследованиях, жертвами которых оказались они с женой, и заручился обещанием, что в его распоряжении будут даны два ловких и опытных агента.

Затем он нашёл на противоположном краю Венеции другое помещение, расплатился в отеле и тайком повёз Киру, как бы на прогулку, чтобы сбить с пути преследователя. Багаж их должны были перевезти незаметно, ночью.

Оба агента были на посту, когда прибыл маркиз, и на его вопрос ответили, что никто не приходил – ни с каким букетом, ни с поручением.

- Ага! Каналья испугался полиции. Это хорошо. Надо надеяться, что ему нельзя будет беспокоить, а если вы господу, его поймаете, я каждому из вас дам по тысяче лир.

- Будьте спокойны, эччеленца. Если только его можно будет взять, уж мы его схватим, и он больше не будет Вас тревожить.

Очень довольный, напевая шансонетку, маркиз вошёл к себе. В спальне перед туалетом сидела Кира и заплетала косы на ночь. Она была бледна, и маркиз с ужасом заметил, насколько она изменилась за эти дни. Он подвинул к туалету кресло, сел и привлёк жену к себе на колени.

- Мне тяжело смотреть на тебя, дорогая. Ты так побледнела и осунулась, - нежно сказал он, целуя жену, - Соберись же с силами, призови на помощь здравый смысл и не огорчайся этой глупой историей. Не может же мёртвый выходить из могилы! Какой-нибудь негодяй, завидуя нашему счастью, придумал это дьявольское преследование и заgrimировался покойником.

Кира прижалась щекой к лицу мужа, обвила руками его шею и дрожащим от слёз голосом ответила:

- Ах, если бы ты знал всё, ты бы может, не смеялся!

- Чёрт возьми! Ведь не убила же ты Алексея! Я свидетель, что он был совершенно здоров ещё за пять минут до смерти.

- Конечно, не своими руками... Но... как, я не могу тебе этого рассказать. – Она остановилась, и лицо её покрыл лихорадочный румянец.

- Да я и знать ничего не желаю. Бог весть, какие бредни могут прийти тебе в голову при твоих расстроенных и возбужденных нервах. Я повторяю только, что если дать право покойным мужьям мешать их жёнам снова выходить замуж, то мир вверх дном перевернётся. Нет, кто умер – тот мёртв, и дай Господь царство небесное, а я жив и хочу счастья на свою долю.

И он покрыл её лицо страстными поцелуями.

Вдруг Кира вздрогнула, с ужасом увидав, что с лицом мужа происходит какое-то странное превращение.

Глаза его, за миг перед тем полные любви и огня, подёрнулись словно дымкой и ввалились, лицо стало покрываться смертельной бледностью, вытягиваться худеть, а вокруг подбородка показался черноватый пар.

Потом взгляд его снова ожил, но уже то были не чёрные глаза Керведека, а на неё с дьявольским выражением глядели серые глаза Алексея Аркадьевича.

Кира оцепенела от ужаса, и волосы зашевелились на голове. Удушливый трупный запах потянул ей в лицо и одурманил её, ей казалось, что она умирает. Она не могла шевельнуться, костлявые руки скелета держали её, как в тисках, а горячая грудь мужа превратилась будто в ледяную глыбу.

В эту минуту искаженное лицо призрака придвинулось к её лицу, на неё пахнуло холодом, и ясно прозвучали слова:

- Ты – моя, и моей останешься. Берегись и не смей принадлежать другому, а не то я высосу твою жизненную силу и убью тебя так же, как и ты лишила меня жизни.

Киру словно ударило по голове, и она без чувств склонилась на плечо странного призрака.

Придя в себя, Керведек почувствовал странное изнеможение. Он понял, что с ним был обморок. Кира лежала на его руках, как мёртвая. В первый раз в жизни рожь ужаса пробежала по телу неверующего повесы. Вокруг него разыгралось что-то непонятное. Это непонятное стало захватывать и его самого, а смысл событий ускользал.

Бледный и хмурый отнёс жену он на кровать и стал приводить в чувство. Но все его старания не имели успеха, и он послал за доктором.

Лишь по прошествии нескольких часов Кира открыла глаза. Она была так слаба и разбита, точно перенесла долгую болезнь.

Маркиз решил, что надо заканчивать это неудачное путешествие, и намерился ехать прямо в Париж, где у него был дом, и куда он заблаговременно послал камердинера.

Там, в самой весёлой и шумной из столиц, никакие привидения не будут так свободно разгуливать, как в этом старом палаццо. А затем, если всё успокоится, он повезёт жену в свой родовой замок в Бретани. На свежем воздухе, в деревенской тиши здоровье Киры быстро поправится.

Ввиду этого маркиз телеграфировал в Париж о своём приезде, а кроме того, написал управляющему письмо с приказанием приготовить всё к прибытию. В случае же, если явится господин с букетом для маркизы, то немедленно схватить его, представить в полицию и сразу дать знать об этом телеграммой.

Кира не возражала. Ей было теперь всё равно. Она была совсем подавлена событиями.

Керведек был в отчаянии, и состояние здоровья жены его крайне огорчало. Она таяла у него на глазах, потеряла сон и аппетит и, то и дело, пугалась и вздрагивала. Да и сам он не стал нервен и подозрителен. Ему повсюду мерещились люди с букетами, а кроме того, он вспоминал про своё непонятное забытие, и его охватывало неприятное состояние.

Рассудок отказывался верить в сверхъестественное, а между тем, факты расшатывали его скептические убеждения.

Вообще говоря, для его цельной, страстной, увлекающейся натуры теперешнее странное положение было пыткой. Кира, по его же настоянию, рассказала ему об угрозах привидения, и это расстроило его ещё больше.

Парижский дом маркиза был красивым зданием в современном стиле, внутреннее роскошное убранство вполне соответствовало красоте фасада.

Как только Кира, бледная и задумчивая, ушла в свою комнату, где её ждала щегольская камеристка, маркиз велел позвать управляющего и спросил, не случилось ли чего-нибудь подозрительного.

- В дом никто не являлся, да я никого бы и не пустил, получив Ваше приказание, - ответил управляющий. - Тем не менее, - продолжал он, - произошёл довольно странный случай. Сегодня утром к груму, Томпсону, подошёл какой-то господин, дал ему золотой «на чай» и вручил для передачи маркизе букет белых цветов с траурной визитной карточкой на иностранном языке. Я не решился выбросить цветы и спрятал их в беседке, где хранятся садовые инструменты. Кроме того, сегодня ночью в доме произошло нечто, чего я никак не могу понять.

- Говорите, говорите. Что же ещё случилось? - нетерпеливо спросил маркиз, видя, что управляющий мнётся в нерешительности.

- Вчера вечером Жюльетта, камеристка, и Клавдий замешкались, устраивая комнаты маркизы. Было, думаю, более одиннадцати, они убрали одну из комнат. Вдруг они услышали какое-то карканье рядом, в спальне. Изумлённые, они бросились туда и увидели, что большая чёрная птица, похожая на ворона, вылетела в окно и три раза каркнула, словно человеческим голосом: Ха-ха-ха! И им стало очень страшно.

- Вероятно, окно было открыто, и привлечённая светом птица влетела в комнату. Я ничего страшного в этом не вижу. Что тут страшного, если ворона каркает? Вот если бы она соловьём запела, это было бы удивительно. Жюльетта и Клавдий глупы, а Ваше легковерие, господин Вернье, меня поражает, - сказал маркиз.

- Но, господин маркиз, окна спальни выходят во двор, и поблизости нет деревьев, да и в саду никто не видал ворон ночью. А Клавдий не из трусливых, и он клялся мне, что слышал человеческий голос, - оправдывался управляющий.

- Довольно, будь по-вашему. Волшебный ворон улетел, и удостоверить его личности невозможно, а пока мы сходим с Вами в беседку. Я хочу видеть букет и карточку. Кстати, велите позвать и грума.

Когда открыли дверь беседки, их обдал удушливый трупный запах. Букет, по обыкновению, был из белых лилий и камелий, а на карточке стояла фамилия Басаргина.

Керведек с отвращением швырнул карточку и велел её сжечь вместе с букетом.

Грум, длинный, сухой, рыжий англичанин, повторил то, что рассказывал управляющий.

- Господин этот был хорошо одет, но, должно быть он больной: лицо у него землистого цвета. Он дал мне десять франков, - прибавил грум.

Маркиз пожелал видеть монету, и грум полез за ней в кошелёк. Но едва он взглянул на золотой, как у него сорвалось ругательство:

- Ах, мошенник! Ведь монета – фальшивая!

Керведек тоже осмотрел золотой. С одной стороны было, как следует, изображение республики, а с другой стороны была вырезана Адамова голова. Глубокие тёмные линии контура, казалось, были выжжены раскаленным инструментом.

Маркиз побледнел, а затем вынул из кармана десять франков и молча обменять их на загадочную монету.

Приказав не рассказывать о происшествии никому, особенно маркизе, он ушёл в дом.

Несмотря на врождённый скептицизм, он чувствовал, что им овладевает панический ужас.

День прошёл спокойно, а после обеда Керведек предложил жене съездить навестить его тетку, сестру отца, госпожу де Навиль. Старушка горячо любила племянника и давно желала,

чтобы он женился. Поэтому она очень обрадовалась известию о свадьбе, искренне поздравила его и выразила желание, чтобы он представил ей свою молодую жену, когда будет в Париже.

Госпожа Навиль жила по дороге в Версаль, в красивой даче, окруженной громадным садом.

Автомобиль маркиза остановился перед узорчатой решёткой, и молодая чета пошла к подъезду дома по алее, обсаженной акациями, каштанами и кустами роз.

Вдруг из кустов выскочила большая чёрная птица, побежала сначала перед ними по дорожке, махая крыльями, а затем взлетела на дерево, испуская зловеще:

- Ха-ха-ха!

Хохот этот удивительно походил на человеческий смех. Маркиз побледнел, а Кира, дрожа всем телом, схватила за руку мужа.

- Это он, - глухо прошептала она. – Разве ты не узнал его смеха?

Страшный, глумливый хохот раздался снова. Тогда Кира опрометью бросилась бежать к дому и не успокоилась, пока за ней не захлопнулась входная дверь. Ей пришлось сделать над собой нечеловеческие усилия, чтобы не выдать волнения перед тёткой мужа.

Радужный приём госпожи Навиль успокоительно на неё подействовал. Тем не менее старушка заметила расстроенный вид и тревожное состояние Киры, но приписала это нездоровье и не удивилась тому, что гости пробыли у неё недолго.

- Тебе нужно скорей везти жену к морю, - на прощание сказала она племяннику. – Она очень бледная, а свежий морской воздух быстро вернёт ей румянец.

- Ты совершенно права, тётя Ивонна, и я постараюсь выехать как можно скорее, - целуя руку тети, ответил маркиз.

Вернувшись домой, Кира жаловалась на головную боль и сильное сердцебиение, ей дышалось с трудом, и руки были холодны. Общий вид жены настолько встревожил маркиза, что он заставил её выпить успокоительных капель, а сам сел у изголовья постели.

Кира скоро уснула тревожным сном. Она глухо стонала, беспокойно ворочалась на кровати и, порой, точно стлкнувала что-то с груди.

«Должно быть, кошмары её мучают», - думал маркиз, грустно глядя на жену.

Нет, так дальше продолжаться не может! Это смешное, возмутительное положение должно кончиться.

И он в беспокойстве зашагал по комнате. Завтра он посоветуется с врачами... Только приведёт ли это к чему-нибудь? Враг, преследовавший его и его несчастную жену, был неуловим...

Он всё смеялся над привидениями, призраками и вампирами; он не верил в потусторонний мир и фантастические существа, его населяющие; он считал глупыми обманщиками спиритов и оккультистов, отыскавших будто бы ключ к тайне. Однажды он прочитал роман, в котором описывалось, как дьявольская сила высасывала из живого человека его жизнь. Читая этот роман, он хохотал до слёз. А теперь он сам наткнулся на что-то загадочное и мрачное...

Кто такой тот, который под именем Басаргина следует за ними по пятам, принося с собой трупный запах? Кто раздаёт «на чай» золотом и неуловимо становится между ним и обожаемой женой?

Маркиз был храбр. Если бы на него в глухом лесу или на большой дороге напал целый десяток разбойников, он смело вступил бы с ними в бой. Но против врага невидимого, если это действительно выходец с того света, он чувствовал себя безоружным. Он вспомнил о вороне, о странном дьявольском смехе птицы, и его бросило в дрожь...

Однако его закоренелый скептицизм ещё не поддавался. Он со злостью старался убедить себя, что у него просто нервы разыгрались от всех этих историй.

Приглашённые доктора не нашли у Киры признаков серьёзного заболевания, а указали лишь на сильное общепное нервное расстройство, прописав чистый воздух, умеренные развлечения и побольше движений. Поэтому маркиз решил везти жену дня через три в замок Керведек. Равнодушно ко всему и усталая, Кира была на всё согласна.

С таким же равнодушием ехала она вечером в театр, куда муж повёз её, чтобы развлечь. Давали весёлую комедию. Второй акт только что кончился, и маркиз в бинокль рассматривал

залу. Вдруг он вздрогнул, побледнел, и рука его опустилась. В пустой ложе, прямо против них, на среднем кресле сидел скелет, только голова была похожа на голову живого человека. Фосфорически горевшие глаза были устремлены на Керведека и его жену. Но когда маркиз отнял от глаз бинокль, ложа оказалась пустой.

«Зрительная галлюцинация», - подумал он.

Чтобы проверить себя, он вновь навёл бинокль на подозрительную ложу, и отвратительный призрак появился снова. Полуразложившееся лицо его было, несомненно, лицом Басаргина.

У маркиза выступил холодный пот, и он на мгновение закрыл глаза, охваченный ужасом, но глухой вскрик жены сразу отрезвил его. Кира без чувств лежала в кресле, и её бинокль с шумом полетел на пол. Значит она тоже видела.

Не без труда он привёл её в чувство и увёз домой.

Пока горничная раздевала и укладывала Киру, маркиз сошёл в сад. Ему необходимы были свежий воздух и уединение, чтобы собраться с мыслями. На этот раз его скептицизм потерпел поражение, но рассудок не мог постичь того, что произошло.

Погоуляв час, он вернулся в дом и шёл коридором мимо комнат горничной и лакея. До него донёлся разговор, слова Жюльетты привлекли его внимание.

- Я вам говорю, что здесь происходит что-то подозрительное, какая-то чертовщина, а то и колдовство. Почём я знаю?

- Да что происходит-то чёрт возьми! Дьявольщина? Ха-ха-ха! В самом деле? И в самом Париже? Это забавно!

- А ворона, забыли? Ага! Теперь вот чёрный кот с зелёными горящими глазами преследует нашу молодую барыню. Ах! Я уже трижды видела этого дьявольского кота, и невозможно понять, куда девается эта подлая тварь. Два раза он сидел в кресле у постели и глядел на спящую маркизу. А вчера ночью, услышав, что барыня стонет во сне, я пошла и вижу, что кот свернулся у неё на груди. Он тотчас убежал, но куда? Все двери были заперты. Я так его и не нашла.

Маркиз вздрогнул и пошёл дальше. Не открывая дверь в спальню, он услышал слабый стон Киры, и ему показалось, будто что-то чёрное спрыгнуло с постели на пол и исчезло в темноте.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Замок Керведек был построен в XVI веке. Часть его была перестроена во времена Людовика XVI. Неподалёку, на холме, находились развалины древнего замка, от которого осталась лишь одна, готовая ежеминутно рухнуть башня.

За несколько часов до прибытия господ в замок приехали горничная с камердинером, и первое, что им доложили, это о том, что для маркизы доставлен букет из белых лилий и камелий.

- Да вы, должно быть, встретили этого господина. Он был верхом на чудном коне, а у самого рожа прескверная, точно у покойника. Да и цветы его воняют, должно быть он их модными духами вспырынул, - пояснила Жаклин, экономка.

- Ох, сам у нас такие штуки выделяет, что волосы дыбом встают, - сказал Клавдий.

Прислуга пришла в ужас, услышав про странные, таинственные явления в Париже. Не испугался один Пьер, сын экономки, служивший в замке садовника.

Это был молодой человек, крепко сложенный, бретонец. Он смело заявил, что желал бы повстречаться с чёртом и всадить ему пулю в брюхо за подлое преследование женщины.

- Если это не просто какой-нибудь плут, а вы, по глупости, поверили в небылицы, - прибавил он.

- Сам ты дурак, - гневно крикнула на него Жаклин. - Ещё сегодня ночью были разные скверные приметы. Пастух Гильо слышал зловещий шум в развалинах: уж мы знаем, что это значит! А Мадлена, идя ночью в село, слыхала в старом склепе стоны и плач.

Люди были подавлены услышанным и разошлись в удрученном состоянии.

Когда экипаж с молодой четой въехал в тенистую дубовую аллею, которая вела к замку, чувство гнетущей тоски и смутного страха объяло Керведека, ему даже показалось, что порыв холодного ветра пахнул в лицо.

В этот миг Кира схватила мужа за руку.

- Смотри, это он, - тихо прошептала она.

Повинуясь точно какому-то магическому действию, маркиз поднял голову и заметил в густой зелёной листве сероватый шар. И из него на них смотрели два блестящих глаза, которые затем погасли.

- Это галлюцинация, - пробормотал шутливо маркиз.

Но голос его прозвучал фальшиво. Жена грустно поникла головой, и он замолчал.

Доклад прислуги о появлении неизвестного всадника со злополучным букетом совсем испортили маркизу настроение. В мятежной, неверующей душе повесы происходил целый переворот.

Крайний материалист, не признававший Бога и не допускавший даже существования души, он никогда ни о чём ином не думал, как о наслаждении жизнью. «Надо наслаждаться как можно более и полнее, пока не поглотит небытие» - было его житейским правилом. И вдруг он натолкнулся на потусторонний мир, населённый живыми, якобы, существами. Эти существа были обуреваемы ненавистью, ревностью и жаждой мщения, эти существа были обуреваемы ненавистью, ревностью и жаждой мщения, эти существа оказывалось неуловимыми, но грозно преграждали ему путь к законному счастью... Все нагромождённые им «удобные» убеждения и верования рушились, он оказался сбитым с толку и беспомощно метался из стороны в сторону, как корабль, потерявший руль и снасти...

Киру он нашёл в будуаре. Она сменила дорожный костюм на тёмный шелковый пеньюар, который ещё резче оттенял её смертельную бледность. Ни разу ещё он не видел её такой расстроенной и охваченной необычным волнением.

Увидав мужа, она жестом ему место рядом с собою на диванчике, её бледные щеки вспыхивали лихорадочным румянцем. Она попробовала заговорить, но дрожащие губы не повиновались. Наконец, она превозмогла своё волнение и чуть слышно сказала:

- Ввиду неумолимой ненавистью, с которой преследует меня Алексей, я считаю, что обязана принести моё покаяние, унижительное для меня, но...

- Да что же, наконец, надо его проклятой душе? – яростно вырвалось у маркиза.

- Отомстив за себя, и это – его право. Неосторожно, безумно, может быть, я накликала на себя беду, и теперь адские чары требуют расплаты.

Она описала своё посещение Малейнен, происшедшую тогда у колдуньи страшную сцену, и указала на злополучные последствия, обрушившиеся на Настю и на неё. Про свою вторичную поездку на Волково она, однако, умолчала.

- Разумеется, я не предполагала ничего подобного и в колдовство даже не верила, а старуха тогда враспloch поймала меня. Всё равно, договор с дьяволом нерушим, и я чувствую, что проклята. Но сознание, что я могу навлечь на тебя адское мщение, подвергнуть тебя смертельной опасности, мучает меня день и ночь...

Её душили слёзы, и она смолкла.

- Я не противна тебе милый, милый? Скажи, ты не боишься меня, проклятой, связанной с дьяволом? Но если уж я погибла, то хочу, чтобы ты был спасён, потому что люблю тебя больше жизни. Я... возвращаю тебе свободу и умоляю начать развод. Ведь я не жена тебе, и никогда ею быть не смогу, нас разделяет ад. Я вернусь в Россию и постригусь в монастырь. Может быть, храм оградит меня от ужасного преследования Алексея, а мои мучения, после потери любимого человека, его удовлетворят.

Маркиз был бледен и слушал её в смущении. Рассудок его не мог допустить что-либо подобное, а между тем действительность подтверждала слова жены.

Но он искренне любил Киру, а её отчаяние возбудило в нём жалость и чувство, несравненно более чистое и глубокое, чем та чувственность, которую она ему прежде внушала.

Он привлёк к себе жену и поцеловал её дрожащие губки.

- Не плачь, дорогая! Я не боюсь тебя и никогда, слышишь ли, никогда тебя не покину. Я не осуждаю за ребячество и легковерие, которое повлекло тебя к колдунье. Я не знаю, какие злополучные силы пустила в ход эта чухонская ведьма, но, во всяком случае, готов оспаривать тебя у самого дьявола, потому что любовь моя не отступит ни перед какой борьбой, и я уверен, выйдет победительницей.

Звонкий, глумливый смех, исходивший словно из камина, прервал его. Кира, обнимавшая и благодарившая его за любовь, задрожала и вырвалась из его объятий. Взбешенный маркиз вскочил и гневно сжал кулаки.

- Проклятый призрак! Ну, выходи и говори, что тебе нужно, а не нападай из-за угла, мерзавец, мучающий женщину, которая и согрешила-то лишь по неопытности. Выходи, говорю, подлое исчадие ада, или убирайся в свою могилу, а не то я тебя заставлю. И призову на помощь силу церкви. Увидим, кто восторжествует: дьявольское копыто или святой животворящий крест Господень.

На эти слова, столь неожиданные в устах атеиста, раздался зловеший треск и послышалось странное шуршание, словно какая-то тяжёлая масса тащилась по трубе камина.

На дворе бурный порыв ветра потряс вековые деревья сада. Кира в эту минуту схватилась руками за голову, вскрикнула и упала без чувств.

Маркиз поспешил закрыть окно, так как, по-видимому, надвигалась гроза, затем он перенёс жену в спальню и позвонил Жюльетте.

Горничная прибежала вместе экономкой, и обе стали приводить в чувство Киру, лежавшую без движения.

Снаружи, между тем, буря усиливалась, небо быстро затянулось тёмно-зелёными тучами, рассекаемыми поминутно яркой молнией, неистово свистел и выл ветер, а в комнате всё продолжал раздаваться зловеший треск. Старая Жаклина побледнела и с трепетом прислушивалась к этим звукам. Вдруг она проворно ушла из комнаты и затем вернулась с древним серебряным распятием и хрустальным медальоном, заключившим священную остию. Перекрестившись, она положила их на грудь Киры.

В этот миг оглушительный раскат грома, точно пушечный выстрел, потряс стены замка, стекла в окнах разлетелись вдребезги, и в комнату влетела шаровидная молния, которая покружилась несколько раз над головой Киры, а затем поплыла к камину, где и исчезла.

Минут через десять гроза прошла, тучи разогнало, и яркое солнце засияло на голубоватом небе. И не будь разбитых стёкол да вырванного с корнем столетнего дуба у окна, можно было, усомниться, что чудная погода нарушалась.

Новое происшествие возбудило в людской бесконечные пересуды, только и разговоров было, что про дьявола, прицепившегося к молодой барыне. Но относительно причин такого наваждения мнения разделились, одни видели в этом наказание за явное безверие маркизы, другие считали его следствием какого-нибудь тайного греха, совершенного Кирой, а третьи приписывали тому, что она схизматичка и носит варварское имя, не имеющее святой покровительницы.

Жаклина взяла барыню под свою защиту, доказывая, что та, хоть и схизматичка, а добрая, ласковая, что она очень её жалеет и посоветует маркизу обратиться к тётке Лебретт, чтобы та изгнала из неё беса.

Решившись на такой шаг, экономка в тот же вечер отправилась к маркизу, сидевшему в кабинете, и высказала своё мнение.

- Очень вам благодарен, добрая Жаклина, и непременно последую вашему совету. А кто же она такая, эта женщина? – спросил Керведек, с трудом удерживаясь от смеха при мысли, что он будет советоваться с деревенской колдуньей.

- Ноэми Лебретт, или тётка Лебретт, как её у нас зовут, вдова старого пастуха. – Она очень стара, но силой обладает большой. Она чудесно исцеляет от болезней, тушит пожары, очищает беспокойные дома и вызывает усопших в долине долменов. Но беда тому, кто её обидит, и на кого она н а п у с т и т. Такой человек на всю жизнь остаётся испорченным. Только она, по моему, и может Вам помочь.

Маркиз ещё раньше решил обратиться к оккультистам, чтобы они отрешили от него и Киры преследовавшую их нечисть. Тем лучше, если в этом деле ему поможет бретонская колдунья.

Тётка Лебретт жила в соседней общине, а так как у Керведека неподалеку от села был хутор, служивший пристанищем во время охоты, то он решил провести там несколько дней.

Дачка очень понравилась Кире. После бури она страдала тупой головной болью, словно от сильного удара в темя, и теперь ей казалось, что на вольном воздухе она лучше себя будет чувствовать, чем за массивными стенами замка.

Переезд был назначен на следующий день. Супруги решили пожить там с неделю, а тем временем маркиз посетил тётку Лебретт и постреляет дичь.

Как только это известие дошло до людской, Пьер заявил, что немедленно отправляется на хутор.

- Умираю от любопытства, такая охота повидать вблизи беса! А если он вздумает заявиться завтра со своим протухлым букетом, так я ему пулю всажу, - со смехом говорил он.

- Не делай этого, Пьер. Ты ведь тоже из тех, которые ни во что не верят. А между тем ясно, что тут замешан дьявол, - испугалась Жаклин.

- Там увидим, - ответил смелый бретонец. – Во всяком случае, я не упущу случая поглядеть на заправского чёрта, явившегося прямо из ада. А если я его прогоню, так он ещё может быть, оставит мне на память свои рога, копыта и хвост.

Храбрость Пьера имела и другую подкладку, кроме любопытства.

Он был влюблён в хорошенькую дочку фермера, Нанон, и рассчитывал, не без основания, что если удастся избавить господ от беса, в котором он подозревал просто какого-нибудь негодяя, то маркиз даст ему средств, чтобы жениться и устроиться.

Переговорив с Нанон, он посвятил её руки в свои планы, и влюблённые решили с зари сторожить у дома, откуда была видна далеко дорога, так что никто не прошёл бы незамеченным.

Было около семи часов утра, когда Нанон, чистивший горох, показалось будто на дороге, вдали появился всадник на вороном коне.

- Не забудь наставлений, Наннет. Если это тот мерзавец, который дурачит господ, и если он опять будет передавать тебе букет из белых лилий и камелий, ты крикни и беги во двор. А я здесь спрячусь, за дверь, и как только ты крикнешь, выскочу и выстрелю в него из револьвера.

Едва парень скрылся за дверь, как из соседних кустов появился какой-то господин с большим букетом белых цветов в руках. При первом взгляде на бескровное лицо незнакомца и блестящие глаза, безумный ужас овладел девушкой. Она дико крикнула и, опрокинув миску с горохом, со всех ног бросилась бежать.

Пьер мигом выскочил и дал выстрел по человеку, который с криком отскочил в сторону.

- Да что вы все ослепли или взбесились? Ты меня чуть не убил! Пуля на палец от головы прошла. А эта недотрога Нанон, бежит, словно, от дьявола, - кричал здоровый крестьянин в бретонском наряде, сопровождая свой оклик отборной руганью.

Бледный Пьер ошалел, глядя на стоявшего перед ним рабочего с фермы. На скамейке, у опрокинутой миски, он увидел злополучный букет.

- Прости, Иван, я тебя не хотел убивать, а вот того подлого... чёрта, который преследует нашу молодую барыню...

Он кратко рассказал, в чём дело, и указывая на букет, добавил:

- Вот, гляди, дьявольские цветы... Он мне глаза отвёл, чтобы на убийство натолкнуть.

Иван, суеверный, как истинный бретонец, бухнулся на скамью; со страху у него подкашивались ноги, и он с отвращением сбросил букет на землю.

- Видать, что он из преисподней: от него мертвечиной так и разит. Надо бы его сжечь на можжевельнике, да святой водой окропить.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Выстрел привлёк фермера с женой, а Нанон крикнула несколько рабочих и работниц.

Сожжение было решено единогласно. Фермерша принесла жаровню, ладан и пузырёк со святой водой из Лулда, а Пьер взял щипцами букет и положил на жаровню, обсыпав сверху ладаном.

- Вот, если он не от дьявола, так святая вода и ладан его не потревожат.

Но каково же было всеобщее изумление, когда букет поднялся и вьюном завертелся над жаровней.

Все отшатнулись в ужасе. Один Пьер держал себя храбро: громко прочёл молитву Богородице Скоропослушнице и облил цветы священной водой. Букет тотчас же полетел на землю, окутался чёрным паром и затем лопнул с пистолетным выстрелом, исчезнув в дыму без следа. Все перекрестились, испуганно глядя на жаровню; чувствовавшаяся в воздухе вонь доказала, что всё это было наяву.

Через несколько часов прибыли маркиз и маркиза. Кира нечего не узнала о происшествии, но маркизу фермерша доложила обо всём подробно, и он молча выслушал её, покручивая ус. Он уже перестал чему-либо удивляться.

Первые дни, проведённые на ферме, прошли спокойно. Если не считать головной боли, Кира чувствовала себя, в общем, сносно. А так как ничто, по-видимому, не напоминало ей о страшном преследователе, то она даже немного успокоилась. Да и маркиз, со своей стороны, снова стал надеяться, что дух-мститель оставил их, наконец в покое.

Удачная охота и движение на чистом воздухе вернули ему, отчасти, обычное настроение, и однажды вечером он шутя предложил жене совершить поездку.

- Это развлечёт тебя, мой бедный друг. А место, которое я намерен тебе показать, сродни, до некоторой степени, нашему дьявольскому приключению. В своё время чёрт наделал там тоже много разных гадостей...

- О, нет, нет! Я не хочу видеть такого, что так или иначе касалось бы чёрта, - с дрожью в голосе ответила Кира, бледнея.

- Ведь это же старая история, дорогая моя. Ей больше четырёхсот лет, и происходила она в XV столетии. Поэтому, разумеется, что дьявол уже давно не посещает развалин замка Тиффож. Тем не менее, замок всё-таки крайне интересен. Он связан с именем одного из выдающихся людей своего века. То был полководец, учёный, артист и, вместе с тем, лютейший убийца, который когда-либо существовал.

- Тиффож?! Замок грозного маршала Жилья де Рэтц. Правда, я бы хотела его увидеть, - оживилась Кира.

Жиль де Ретц, барон де Ретц /1404-1440/ - французский маршал. Отличился в войне с англичанами. Под Орлеаном сражался с Жанной д'Арк. Был сожжён за то, что погубил, вследствие колдовства и противоестественных пороков, множество людей.

- В таком случае, значит решено. Завтра, на заре мы выедем в автомобиле. Около двух или трёх часов будем на месте и осмотрим развалены. А в случае, если запоздаем, переночуем в гостинице и затем вернёмся сюда.

Решившись на поездку, Кира занялась приготовлением, в корзину положила провизию с вином. Легли спать они пораньше, и на следующий день утром тронулись в путь.

По дороге маркиз рассказывал о жизни маршала, подробности которой Кире были малоизвестны. Маркиз всегда крайне интересовался личностью этого человека, бывшего сначала соратником Жанны д'Арк, благочестивым и храбрым воином, а кончившего жизнь на костре, уличённый в сношениях с дьяволом и избииении тысячи детей.

- Меня всегда манило желание разгадать тайну этой великой личности, - прибавил маркиз. - Какое таинственное сплетение обстоятельств, оставшихся до сего времени неясными, побудило этого красавца, молодого человека, богатейшего из французских баронов, маршала

Франции в двадцать шесть лет, замкнуться в этой крепости Тиффож и уйти в неслыханный, безумный разгул. Не менее любопытно, что личность Жилия де Рэтц, про прозвищу «Синяя борода», жива в народной памяти, и до сих пор никто не пройдет под стенами замка, не перекрестившись. По вечерам рассказывается его история, и уверяют даже, что в развалинах слышатся стоны и рыдания.

- А не преувеличены ли его грехи и преступления? Легенды частенько раздувают события жизни своих героев, - заметила Кира.

- О, нет, к сожалению. Акты процесса приводят сотни имён похищенных и задушенных детей. Я несколько лет тому назад присутствовал при раскопках в замке со знакомым профессором, и мы нашли в одном из подвалов массу черепов и костей – наглядные следы злодеяния Жилия де Рэтц и его сообщника Франциска Прелати.

Должен тебе сказать, что заинтересовавшись этой историей, я очень тщательно прочёл заметки моего приятеля, профессора, о процессе маршала; а он это дело изучал по подлинным документам. Там я натолкнулся на факт, который в то время счёл за мистификацию, несмотря на достоверные показания. Ну, а теперь, после всего, что мы сами испытали, история эта представляется в другом свете.

Я имею ввиду два высказывания дьявола: одно – сделанное колдуном, имя которого осталось неизвестным, а другое – самим Прелати. В обоих случаях заправившиеся наглухо в комнате заклинатели были изранены, избиты и даже чуть не убиты вызванным демоном. В течение нескольких месяцев они были при смерти, и сам Жиль де Рэтц за ними ухаживал. При таком историческом факте разговора не может быть галлюцинации; раны, синяки – доказательства неопровержимые, а между тем, в нас вбито такое неверие и сомнение, что я не поверил бы и смеялся, если бы у меня самого не было бесспорных данных о таинственном вмешательстве загробного мира в судьбы людей.

Ты пожалуйста не падай духом и не приходи в отчаяние, Кира. Я убеждён, что от всякого зла существует своё средство спасения, и, с помощью руки Божьей мы восторжествуем над адом...

Появление изящного автомобиля в бедном селении, расположенном у подошвы древнего замка, вызвало некоторое волнение.

Хозяин сельского трактира почтительно принял гостей, отвёл им лучшую, у себя комнату и, узнав, что они желают осмотреть развалины, послал немедленно предупредить огородника, служившего обыкновенно проводником и проживавшего в домике не бывшем «почётном дворе» замка.

Позавтракав, Керведек с женой отправились осматривать развалины, а хозяин гостиницы предупредил, что они будут не одни, и что целая компания в десять человек прибыла из Нанта с той же целью.

Местность кругом была мало живописна, но древняя крепость, даже развалившаяся, хранила и поныне свой внушительный вид. Средневековые архитекторы строили на века; замок был почти в целости, и сохранились даже крепостная стена, с обвалившимися, однако, башнями по бокам.

С интересом, подернутым чувством гордости, поглядывала Кира на зубчатые массивные башни этого средневекового сооружения, один двор которого вместил в себя целый огород. Домик огородника, длинные гряды капусты и других овощей казались ей глумлением, настолько барственный замок сберёг былое величие.

У левого крыла здания они наткнулись на туристов, про которых им говорил хозяин гостиницы. То были студенты со своими профессорами и несколько художников, собравшихся писать этюды. Один из художников, знавший маркиза по Парижу, представил ему и жене спутников, и было решено совместно производить осмотр.

Последовательно, с остановками шли они по громадным стрельчатым залам и коридорам, то узким, то широким. Всё было опустошено. Обнажённые гранитные стены производили невыразимое тоскливое впечатление; тем не менее, Кира была очарована.

Но ей хотелось бы одной бродить здесь. Мечтать о том прошлом, про которое ей рассказывал муж. А громкие голоса, смех да остроты студентов по поводу Жилия де Ретц и его связи с дьяволом, который всё-таки не спас его от казни, её раздражали. И она невольно отстала.

Её неудержимо тянуло в коридор, в глубине которого была сводчатая дверь.

Ей пришло в голову, что, может, быть она откроет тайник, где найдёт какое-либо обстоятельное воспоминание о страшном владельце Тиффожа.

Без страха прошла она по коридору и очутилась в просторной комнате с готическим окном; но плющ, покрывавший теперь снаружи стены, затянул окно, точно, занавесой, и в комнате стоял зеленоватый полусвет. Над большим камином высечен был щит с гербом маршала, а внутри замечались следы производившейся некогда топки. Небольшая дверь, прежде вероятно скрытая чем-нибудь, вела в тёмный чулан, откуда лестница, проделанная в толще стены, спускалась куда-то вглубь.

Кира с любопытством нагнулась и взглянула вниз; но в этот миг порыв холодного воздуха ударил ей в лицо, а сердце тоскливо сжалось. В первую минуту она подумала, что открытая лестница выведет её в какой-нибудь тайник, а там она найдёт что-либо принадлежавшее загадочному злодею, который возбудил в ней любопытство и непонятный страх.

Но когда ледяной, зловонный ветер пахнул на неё, смутный страх сменился ужасом, который сковал её. Она окаменела, и сердце замерло в груди, когда до неё ясно донесся шум приближающихся шагов.

По каменным ступеням слышалась гулкая поступь обутой словно в железную обувь ног, затем в двух шагах от неё появилась тёмная тень, и под надвинутым капюшоном обрисовалось смертельно бледное лицо Басаргина, с дьявольской усмешкой глядевшего на неё.

У Киры стала кружиться голова, и ей начинало казаться, что она валится в мрачную бездну. Но отчаянным усилием она постаралась оправиться; бросилась бежать и, спотыкаясь, влетела в соседнюю комнату.

Что почувствовала она в эту минуту, не поддаётся описанию. Ей казалось, что у неё связаны руки, рот чем-то заткнут, чтобы помешать кричать, и что кто-то её тащит насильно. Когда она вбежала, то очутилась как будто не в той комнате, которую видела только перед тем – с обнаженными, почерневшими от времени стенами.

Теперь она стояла в роскошной зале, пол которой был устлан чёрными и белыми плитами, а стены отделаны дубом. Огромный буфет с тонкой, как кружево, резьбой, с раскрашенными и вызолоченными фигурами был полон дорогой хрустальный и серебряной посуды.

Подле окна, на высоте одной ступеньке, стояло под балдахином кресло с высокой стенкой, называвшееся в старину «кафедрой». Вдоль стен были длинные деревянные рундуки с набросанными сверху вышитыми подушками.

Посреди комнаты, у стола, на котором стояли позолоченный костюм и кубки, сидели трое мужчин: двое на складных стульях, а третий – в кресле, на спинке которого был вышит герб.

Сколь не удивительна была эта перемена декораций, она не произвела почему-то на Киру никакого впечатления. Всё её внимание сосредоточилось на господине, сидевшем в кресле.

Это был молодой человек высокого роста и крепко сложенный, с красивым, умным лицом, обрамленным иссиня-чёрной бородкой; его большие чёрные и жестокие глаза сурово и презрительно взглянули на неё.

На нём было темного цвета трико и зелёный с серебряным шитьём парчовый камзол, стянутый в талии богато отделанным поясом, на котором висел кинжал; низ камзола, в виде короткой юбки, был весь в складках и оторочен мехом.

Второй из сидевших за столом был молодой человек итальянского типа, одетый в длинный, широкий балахон; третий был тоже, по-видимому, вельможа, но очень сумрачного вида.

Но затем внимание Киры обратил на себя человек, который на её глазах поднялся по лестнице, и в эту минуту подошёл к столу.

То был Басаргин, а вместе с тем как будто и не совсем он.

Когда человек этот бросил на землю свой длинный чёрный плащ с капюшоном, то она увидела, что на нём надет колет из оленьей кожи, а ноги обтягивает тонкая кольчуга. Под плащом он принёс ребенка, мальчугана лет шести или пяти, розового, белокурого и прекрасного, как херувим; у того платком был завязан рот, и он казался в обмороке.

- Гляди, Жиль, какую я тебе принёс славную добычу, - сказал вошедший, бросая ребёнка на колени тому, который сидел в кресле.

- А это, - он показал на Киру, - мать это мать этого бутуза. Она тоже может пригодится на что-нибудь.

- Пожива хорошая. Спасибо, Роже, не то мы сегодня сидели бы с пустыми руками, ответил тот.

Наполнив вином свой бокал, он подал его пришедшему, который осушил его залпом.

Затем он встал и сказал:

- Идёмте друзья, и приступим сейчас же к делу. Ты, Франциск, снеси ребёнка, да прежде приведи его в чувство. Ты, Саллэ, поди зажги лампы и всё приготовь, а ты, кузен Бриквилль, отведи даму. Она нам понадобится, когда мы покончим с мальчишкой.

Тот, кого назвали Бриквиллем, схватил Киру и потащил. Несомненно, это был Басаргин. Его мертвенное лицо склонилось над ней, зловонное дыхание душило её, костлявые пальцы впивались в её тело, как железные когти, а хорошо знакомый голос злорадно шептал:

- Наконец-то ты в моих руках, убийца. Здесь, где погибло столько несчастных, где ещё всё дрожит от предсмертных воплей убитых, где стены пропитаны кровью и оживают ужасы адского шабаша, здесь-то я и замучаю тебя, чтобы твоя смерть пресекла, наконец, соединяющую нас связь. Тогда и ты отправишься со мной на мучения в ад.

Кира безумно отбивалась от него. В эту минуту она невыразимо страдала от изумительной, непонятной двойственности своего существа.

Она точно раскололась, сознавая себя в одно и то же время Кирой и кем-то другим, - иной женщиной, имя которой от неё ускользало; подобно тому, как Алексей одновременно казался и Басаргиным, и тем неизвестным, которого только что называли Роже де Бриквилль.

Пока эти мысли проносились ураганом в её возбуждённом, усталом мозгу, её всё куда-то тащили. И вдруг она очутилась в круглой зале с голыми стенами и каменным полом. В громадном очаге пылал целый костёр, а вся обстановка залы состояла из длинного стола и нескольких стульев.

Налицо оказались те же люди, которых она видела раньше. Только теперь человек в зелёном камзоле был совершенно нагим, а у прочих были только кожаные передники; она же, крепко привязанная к стулу, не могла пошевеливаться и с ужасом глядела на ребёнка, который уже пришёл в себя и выбивался с криком из рук раздевавшего его Франциска.

Наконец, мальчугану заткнули рот, накинули верёвку на шею и повесили на стенной крюк. Кира видит, как синее лицо ребёнка, и сердце её разрывается на части, но освободиться она не в силах. По знаку чернобородого ребёнка сняли и подали ему.

Тот нежно снимает с его шеи верёвку, вынимает у него изо рта закладку, вливает в рот вино и мало-помалу приводит в чувство.

- Не бойся, дружок, - успокаивает он мальчугана. - Я тебе зла не сделаю и верну матери.

Радостная улыбка озаряет прелестное лицо мальчугана. Он протягивает ручонки к Кире и кричит:

- Мама, мама, возьми меня скорее!

Он попытался кинуться к матери, но его не пускают.

- Поцелуй меня раньше, скажи спасибо.

Ребёнок, не задумываясь, обнимает бородатого за шею и подставляет ему свои розовые губки.

Кира облегчённо вздыхает.

Но в эту минуту в руке дьявола в человеческом образе блеснул кинжал и вонзился в спину ребёнка. Как подкошенный цветок, склоняется полуотрубленная кудрявая головка, а брызнувшая кровь потоками заливает палача и пол...

Что происходит далее, Кира видит уже сквозь кровавую дымку.

Новый удар ножа рассекает грудь ребёнка, откуда вырывается трепещущее сердце, а внутренности вываливаются на пол.

Наконец, розовые ручки и ножки малышки поочередно отсекаются и кидаются в раскалённую печь, а преступник, опьянённый развратом и кровью, покрывает поцелуями мёртвое личико убитого и швыряет затем кудрявую головку в огонь.

- Теперь давайте женщину, - кричит Жиль де Рэтц.

Верные помощники хватают Киру, кладут её на скамейку и раздевают, а Басаргин схватывает верёвку от висящего на углу колокола и начинает неистово звонить.

От резких звуков у Киры дрожит всякий нерв, и она испытывает физическое мучение. В этот миг она видит, как страшный хозяин замка заносит над ней окровавленный кинжал, и в её затуманенной голове еле пробивается одна мысль, один отчаянный призыв:

- Иисус, спаси меня!..

Раздаётся взрыв адского хохота, от которого дрожат стены замка. Костлявые руки Басаргина подхватывают её и отбрасывают далеко в сторону, а сам он расплывается в какую-то зеленоватую безобразную массу.

Кира ощущает острую боль в голове и теряет сознание...

Занятый в разговоре с профессором, маркиз не сразу обратил внимание на отсутствие жены, но заметив, что её нет, встревожился и объявил, что отправляется на розыски, прося спутников продолжить осмотр. Однако и все остальные изъявили желание его сопровождать.

- Напрасно барыня отделилась от нас, - сказал огородник, показывавший туристам замок. - В этой путанице комнат, коридоров и ходов заблудится легко, а не то и просто свалиться куда-нибудь в подвал.

Тщетно вся компания бегала по залам и коридорам, обшаривая всякий укромный уголок и громко зовя Киру; та не откликалась, и кругом было тихо.

Маркиза бросило в пот, когда он увидел многочисленные колодцы и провалы, тёмные и узкие проходы, которые вели в подземный лабиринт. Горько упрекал он себя, что не заметил исчезновения Киры.

Уже с час, как длились поиски. Пришлось даже зажечь факелы, потому что погода испортилась, небо затянулось тучами, и в развалинах стемнело. Все стали приходить в отчаяние, как вдруг один из студентов, войдя в отдалённую, примыкавшую к башне залу, увидел лежавшую на полу тёмную массу. На его зов прибежали прочие спутники с маркизом во главе.

Это была Кира, но в обмороке и, к всеобщему ужасу, она лежала на краю открытого провала так близко, что могла ежеминутно, при малейшем движении, полететь вниз.

Её вынесли во двор. К этому времени небо прояснилось, и солнце золотило своими последними лучами башни и стены мрачного замка.

Среди профессоров нашёлся врач, который занялся приведением в чувство Киры, а во время её осмотра заметил, что какой-то металлический предмет запутался в складках кружевного, надетого на шею шарфа.

Осторожно вытащив его, доктор с удивлением увидел кинжал с ржавым лезвием, покрытым чёрными пятнами. Потемневшая и покрытая плесенью золотая рукоять была усыпана рубинами и украшена выпуклым гербом.

- Боже! Арматура Жилия де Рэтц: крест на золотом поле?! - удивлённо воскликнул другой профессор, археолог. - Но каким чудом очутилось тут это оружие?

- Ничего не понимаю и вижу его впервые. Вероятно жена его нашла, - ответил маркиз.

- Во всяком случае, господа, прошу Вас не упоминать о нём, когда она придёт в себя, или пока она сама не заговорит о своей находке.

На свежем воздухе Кира скоро очнулась, но была так слаба, что настояла на возвращении.

По приезде в гостиницу, она сказала, что не желает ни за что ночевать здесь, и им тотчас же подан был автомобиль. Всю дорогу Кира молчала, судорожно пожимая руку мужа, и только

когда они очутились одни в их уютном, весёлом гнёздышке, на ферме, она со слезами рассказала своё непонятное приключение.

Тогда муж показал ей найденный кинжал, который она осмотрела с дрожью.

- Может быть эти чёрные пятна – кровь ребёнка, которого убили на моих глазах, - заметила она.

В течение нескольких дней главной темой их разговора служило страшное видение в замке Тиффож и предположение, что в прежнем существовании Басаргина был одним из сообщников грозного маршала Жия де Рэтц.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На следующий день Керведек отправился будто бы на охоту, а в сущности, чтобы переговорить с бретонской колдуньей.

Тётка Лебретт жила при выезде из села в одиноком домике, над скатом к морю.

Это была худая сгорбленная старушка с морщинистым лицом. На ней был костюм бретонской крестьянки, с большим белым чепцом, и сидела она за прялкой, когда пришёл маркиз.

Старуха усадила гостя на скамью напротив и осведомилась о цели посещения.

Смущённый маркиз бегло изложил необычное, случившееся с ним и женой происшествие.

- Узнав от моей экономки, Жаклин Ребек, про ваше знание магии и Вашу великую власть над нечистыми духами, я пришёл просить у Вас помощи и совета. Само собой разумеется, что моя благодарность будет безгранична, если Вы нам поможете, - закончил он.

Во время рассказа старуха пристально смотрела на него своими большими тёмными глазами, качала головой.

- Кажется, дело запутано, и его трудно будет устроить. Жаль, что Вы не принесли с собой букета, я бы его осмотрела.

- Но зато я принёс другое: ту золотую монету, про которую Вам говорил.

Вынув из бумажника странную монету с изображением Адамовой головы, он подал её старухи. Та долго её разглядывала и нюхала, а потом встала.

- Я установлю сейчас, к какому роду духов относится тот, кто помечал монету, и тогда увидим, можно ли его обуздать. Пожалуйте за мной.

Маркиз прошёл за ней в соседнюю комнату, маленькую и слабо освещённую крошечным, выходящим на море окном. Посередине, на деревянном столе стояла большая глиняная миска с водой и медный трёхрожковый шандал.

Старуха достала из висевшего на стене шкафа три красных восковых свечи, которые и вставила в шандал, затем вынула странного вида нож, в виде серпа, с почерневшим лезвием, большой чёрный камень и лист пожелтевшего пергамента. Положив все вещи на стол, она закрыла окошко ставней и зажгла свечи; маркиза поставила в углу, наказав ему не двигаться и не разговаривать без её позволения.

Сняв передник и чепец, она распустила свои длинные густые волосы и, вытащив из-за пазухи узловатую палочку, очертила ею в воздухе над головой круг. Потом она плавно затянула какую-то невнятную песню и принялась кружиться вокруг стола.

Обойдя стол девять раз, она опустила камень в миску с водой и на него положила монету; вода тотчас закипела, словно от прикосновения раскаленного металла. Затем старуха снова начала кружиться вокруг стола, но теперь движения были быстрые, а пение более порывистое; порой прорывались странные, дикие крики.

Стоявший в углу маркиз сначала еле удерживался, чтобы не прыснуть со смеху; однако очень скоро его скептически шутовское настроение перешло в любопытство, а затем сменилось ужасом, и если бы не стыд, то он убежал бы из комнаты, где вокруг него творилось что-то таинственное и зловещее.

В стенах и в полу раздавались торопливые сильные удары, порывы холодного ветра со свистом проносились по комнате, затем появились клубы чёрного пара, в котором мелькали разноцветные огоньки, зелёные и синие.

Наконец, клубы пара собрались над чашкой, и из облака блеснул сноп огня. Затем наступила тишина. Колдунья становилась и отёрла пот со лба. Взяв лист пергамента, лежавший теперь поперёк миски, она смотрела на него у свечи.

Вдруг она вздрогнула и задумалась, а затем принялась молча убирать вещи со стола в шкаф. Воду из миски она вылила за окно, а затем прошла с маркизом в первую комнату. Усадив перед собой гостя, она взглянула на растерянное лицо маркиза не то насмешливо, не то сочувственно.

- Плохи ваши дела, господин маркиз. Помочь Вам я не в силах, - сказала она. – Взгляните, вот подпись коварного духа, повелевающего той нечистью, с которой Ваша супруга имела неосторожность связаться. Это чудовище страшной силы.

Она протянула ему пергамент, и поражённый маркиз увидел данный коричнево-красный рисунок, непонятным образом появившийся на чистом перед тем куске пергамента.

Демонский иероглиф изображал епископский посох, перекрещенный двумя вилами с четырёхугольниками по концам; затем начерчен был чёрный треугольник меж двух голов и рука с растопыренными пятью пальцами.

Маркиз был совершенно подавлен всем, что ему довелось увидеть. Его недоверие исчезло, и он принялся упрашивать старуху предотвратить это оккультное преступление, надвигавшееся с такой неумолимой последовательностью.

Старуха долго и упорно отказывалась, но наконец, сдалась.

- Это правда, что Вашей жене грозит смерть, и мне жаль её, а всё же спасти её не могу: я сама погибну, а ей не пособлю. Одно, что ещё попытаюсь для Вас сделать, это – узнать, как надо действовать, чтобы уничтожить связь маркизы со злыми духами. Но для этого я должна видеть Вашу супругу.

Обрадованный, что добился хоть чего-нибудь, маркиз звал колдунью с собой на дачу теперь же. Но тётка Лебретт заявила, что надо быть для этого в замке, куда и обещала прийти дня через три, после того, как приготовится для вызывания.

Маркиз вернулся на ферму и рассказал жене о свидании с тёткой Лебретт.

В душе Киры снова вспыхнула надежда. Если узнать, чего добивался призрак, и каким способом можно от него избавиться, то не всё ещё было потеряно; она была готова на всякую жертву, на всякое искупление.

Накануне назначенного дня супруги вернулись в замок, с нетерпением поджидая колдунью. Около полудня прибыла Лебретт. Пока маркиз вёл её к жене, колдунья несколько раз принималась нюхать воздух.

- Мертвечиной пахнет. Дьявольская рать, должно быть, здесь, и, надо полагать, она страшной силы, - бормотала старуха.

Киру она оглядела пристальным взглядом и попросила оставить их вдвоём, а как только маркиз вышел за дверь, старуха заявила, что желает слышать подробный рассказ всего, что произошло у колдуньи-финляндки.

Кира рассказала всё, но умолчала о втором посещении Малейнен.

- Вы просите моей помощи, а всей правды не сказали, -тоном строгой укоризны сказала тётка Лебретт. – Ваш первый муж стал жертвой оккультного убийства. Рука, соединившая Вас с ним, пустила и смертоносную стрелу, которая Вас освободила; а сплетение преступных заклинаний дало такую власть злым духам и связало их с Вами, что пресечь эту связь почти невозможно.

В ужасе Кира призналась во всём, оправдывая свой поступок страстной любовью к теперешнему мужу...

- Да, да. Страсти – плохие советчики, - вздыхая, ответила Лебретт. – Но Вы так жестоко наказаны, что может быть, Господь, по милосердию своему, и простит Вас.

Вызывания происходило в полночь, в отведённой комнате, из которой предварительно была удалена вся мебель, кроме одного для маркизы. Киру охватил такой ужас, что тётка Лебретт задумчиво качала головой; но сообразив что-то положила ей на голову руки, и та впала в глубокий каталептический сон.

После этого старуха привязала к рукам и ногам Киры мешочки с ладаном, на шею повесила ей древнее распятие и, шепча заклинания, очертила её кругом.

Сама она стала около кресла и, заключая себя тоже в круг, прочла магические формулы, вызывающие нечистую силу с повелевавшим ею демоном; в одной руке она держала свой жезл, а в другой нож, вроде серпа.

Сначала раздался треск, затем грохот, и наконец послышалось точно падение грузного тела; а возле круга, окружавшего Киру появилось два отвратительных существа. Одно из них

казалось разлагавшимся трупом, и живыми были только глаза, глядевшие со смертельной ненавистью; другое было голым и мохнатым получеловеком, полуживотным, с фосфорическими рогами и большими зубчатыми крыльями. Его вид был настолько ужасен, что даже тётка Либретт содрогнулась несмотря на свою привычку иметь дело с невидимыми силами. Но заметив презрительную усмешку на лице призрака, она оправилась.

- Что хочешь ты, дух преисподней? С какой целью преследуешь ты и мучаешь ту, которая согрешила лишь по неведению?

- Я хочу её жизни. Она отняла мою, а я в обмен возьму её жизнь. Она связала меня с адом, и я хочу, чтобы она тоже была там со мной, - надтреснутым голосом произнёс полуживой труп.

- Я не с тобой разговариваю, я желаю слышать ответ твоего повелителя. Скажи, какого искупления ты требуешь, и кто может отрешить вас обоих от вашей жертвы? Говори, я приказываю! – настойчиво крикнула колдунья.

- Только та, которая их соединяла, может рассечь эту связь; всякий другой, кто решится на это, поплатится за это жизнью, - ответило на это насмешливое чудовище и поползло к старухе, обдувая удушающим страхом.

Тогда тётка Лебретт подняла нож, сделала им в воздухе каббалистический знак и произнесла магическую формулу. С пеной у рта чудовище отшатнулось, в комнате раздался точно выстрел, и бесовские гости исчезли.

Когда духи исчезли, старуха вышла из круга, разбудила Киру и позвала маркиза.

Керведек был бледен и расстроен, потому что тоже слышал из своей комнаты голос Алексея Басаргина. Он дрожал, когда входил. Тётка Лебретт сообщила, что только одна финская колдунья в состоянии им помочь.

- Да она скрылась неизвестно куда, и все мои розыски были напрасны, - рыдая сказала Кира.

- Всё-таки, это единственное средство, которое вы можете использовать, - заметила Лебретт. Она отказалась от всякого вознаграждения и на заре уехала домой.

После такого неудачного опыта, Кира потеряла всякую надежду и упала духом; маркиз же, наоборот, горел желанием возобновить попытку избавиться от наваждения. Он находил, что сделан ещё один шаг вперёд: узнаны намерения тех, с кем они имели дело. Осталось только найти тех, кто посильнее и более знающих, чем деревенская колдунья. В угрозы демонов он не верил.

Скептицизм маркиза улетучился совершенно, и он становился убеждённым защитником реального существования загробного мира. Поразмыслив, он решил съездить в Париж, где, по его сведениям существовала школа магии, в которой преподавали знаменитейшие оккультисты. Там, среди этих учёных и «преемников древней герметической науки», он несомненно найдёт сильного мага, который ему нужен.

Прибыв в Париж, он вступил в сношения с разными оккультическими кружками и, описав свою историю загробного преследования, жертвой которого были он и жена, просил помочь ему. Господа оккультисты заинтересовались столь необыкновенным случаем, несколько дней совещались, а затем семеро из них изъявили готовность ехать в Бретань попробовать обуздать адских чудовищ, но потребовали при этом, чтобы им был представлен портрет Басаргина.

Маркиз телеграфировал в Петербург о немедленной присылке большого, писанного масляными красками портрета Басаргина и, получив его, уведомил о том магистров.

И вот, несколько дней спустя, оккультисты выехали в замок. Вызывание было назначено на следующую по приезду, ночь. Керведек просил освободить жену от личного присутствия на опыте, ввиду того, что всякое волнение вредно для её здоровья. Оккультисты тут же изъявили согласие, а сами деятельно занялись приготовлениями.

Посередине пустой залы устроили нечто в виде престола, на который поставили портрет Басаргина, семирожковый шандал и две медные вазы с магическими ароматами; а вокруг расставили треножки с углями, травами и курениями.

С наступлением ночи магистры ушли в названную залу, вооружившись магическими мечами. Каждый из них заключил себя в круг, а глава их стал перед престолом с заклинательной книгой в руках.

В соседней комнате сидели маркиз и Пьер Вебек, бывший теперь, после сожжения бесовского букета, в большом фаворе у барина. Пока глава магов читал заклинания, остальные мерно пели гимн; на треножниках трещали и горели травы, наполняя комнату острым запахом.

Скоро в зале раздался глухой шум, задрожал пол, подул ледяной ветер, а из тёмных углов замелькали разноцветные огоньки, которые летали по комнате и собирались вокруг треножников. Наконец, читавший заклинания громко произнёс имя Алексея Басаргина, и тут произошло странное и страшное явление.

Бледное выразительное лицо портрета покрыла белесоватая дымка, а из рамы, словно из паровоза, повалили густые клубы чёрного дыма. Затем раздался резкий стук, и перед престолом появилась высокая фигура человека в чёрном; вздущееся и разлагавшееся лицо его было отвратительно.

Сзади стоял его повелитель, тот самый демон, которого вызывала уже тётка Лебретт, который на этот раз был ещё ужаснее и противнее. Его голое, чёрное тело озарено было огнём; меж рогов, шипя, горело зеленоватое пламя, а на фоне окружавшего его ореолом кроваво-красного облака резко очерчивались громадные, зубчатые, словно у летучей мыши, крылья. Раздался пронзительный, насмешливый хохот:

- Ха, ха, ха! Что вы затеяли, жалкие пигмеи?! Вздумали бороться с титанами? Ха, ха, ха! В магии вы едва знаете лишь азбуку, и одно наше появление вас уже обессилело. Так-то вот, дрожа от страха, обливаясь холодным потом, рассчитываете вы одолеть нас? Прочь оружие, а не то придёт ваш последний час.

Наиболее смелый из оккультистов, читавший заклинания, не оробел. Произнеся формулу, он собирался остриём меча ткнуть в грудь стоявшее в двух шагах чудовище, но тут совершилось нечто неслыханное.

Разноцветные огоньки, окружавшие треножники, превратились вдруг в полулюдей, полуживотных, и вся эта отвратительная масса ринулась вперёд. Все огни погасли, а в зале началась невообразимая шумиха, вперемешку с отчаянными криками и воплями.

Испуганный маркиз бросился всё же на выручку, решительно распахнул дверь и повернул электрическую кнопку. Потoki яркого света залили копошащуюся массу отвратительных тварей, которые, однако, мгновенно исчезли. Пьер, вооружённый распятием, влетел вслед за баринoм, и оба они, озадаченно безмолвно смотрели на поле битвы.

Престол и треножники были повалены и изломаны; портрет же Басаргина исчез, и только несколько обуглившихся лоскутков висело из рамы. Оккультисты валялись на полу. У одного из них, полузадушенного на шее видны были чёрные следы когтей; другой ранен был собственным мечом, а прочие отделались серьёзными ушибами.

Пока маркиз с Пьером разглядывали этот погром, невесть откуда брошенный камень попал садовнику в руку и чуть было не вышиб распятие. Но это новое нападение вернуло их к действительности. Позваны были Клавдий с Жаклиной. С их помощью раненые были перевезены и уложены в постели, а верховой послан за доктором.

Теперь маркиз сознавал, что борьба с неведомым миром, с его загадочными силами и существами, окружающими земное человечество, была трудна и опасна. Керведек догадывался, что не освети он вовремя залу, несчастные оккультисты погибли бы.

Когда через неделю последний из гостей уехал из замка в Париж, маркиз объявил жене:

- Мы возвращаемся в Петербург и будем искать Малейнен, пока не сыщем.

Подавленная всем происходившим, расстроенная и упавшая духом, Кира молча опустила голову. Она потеряла всякую надежду.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

По приезде в Петербург Керведек сам принялся за розыск и даже обещал крупное вознаграждение за отыскание чухонки, но все усилия найти колдунью не привели ни к чему.

Кира с матерью, которой они открыли правду, были в отчаянии, но маркиз упорствовал.

- Хотя бы мне пришлось обыскать всю Финляндию, от села до села, я найду-таки эту мерзавку и заставлю её упрятать своего беса туда, откуда она его достала. Я не обвиняю молодую, доверчивую и желавшую выйти замуж девушку за то, что она решилась на такую проделку; но эта чухонская ведьма, злоупотребившая её неопытностью и втянувшая её в такую беду, заслуживает костра, - яростно ворчал Керведек.

Прошло свыше месяца в бесплодных поисках. Вдруг Кире вспомнилась Настя, и она спросила мать: не знает ли та что-нибудь про неё.

- Она в одном из Новгородских монастырей. Месяца два назад, может три, я послала ей, по твоему желанию, двадцать пять рублей, чаю, сахару, кофе, - ответила генеральша.

- Твоя бывшая кормилица, Матрёша, ходила на богомолье и принесла ей посылку. Вернувшись из монастыря, она говорила, что Настя стала тенью прежней и, вероятно, недолго протянет.

Кира вздрогнула, провела рукой по лицу и поникла головой.

- Очевидно, она тоже жестоко расплачивается за своё безумие; кроме того, Настя даст, может быть, кое-какие указания, где искать Малейнен. Если только колдунья мне поможет, я потребую, чтобы она излечила и Настю.

- А что же, съезди, дорогая, но возьми с собой Матрёшу; она будет очень рада тебе сопутствовать.

И генеральша вытерла набежавшую слезу. Маркиз одобрил поездку, но тоже потребовал, чтобы она взяла с собой кормилицу; упадок сил и явное увядание жены приводили его в отчаяние.

В монастыре Кира узнала, что Настя постриглась под именем Анны, но когда она увидела молодую монахиню, её сердце заныло от жалости.

Смазливая, краснощёкая, коренастая Настя превратилась в тощую, сгорбленную старуху с ввалившимися щеками, с жёлтым болезненным цветом лица и лихорадочно болевшими глазами.

- Бедная Настя! Что с тобой сделалось.

- Ах, милая барыня! И от вас тоже, я замечаю, одна тень осталась; должно и вы дорого платите за тот грех, который мы с Вами совершили, хотя и по неопытности.

Поцеловав руку Киры, она добавила:

- Спаси, Господи, всякую христианскую душу от такой муки.

- Ах, Настя, милая! Мой-то грех ещё тяжелее твоего; кроме того, я осталась в миру и вторично вышла замуж. Я понимаю ещё, что Господь меня карает, а ты ведь искупаешь свою вину, ты отреклась от мира, ведёшь отшельническую жизнь в посте и молитве. Тебя можно было бы и простить, - волнуясь и дрожа говорила Кира.

- Должно, слаба моя молитва, чтобы вызволить меня. Малейнен свою душу сатане продала, и ад ей пособляет; значит, колдовство-то это самое окаянное над вами будет навеки вечные. Вам одной я во всём покаюсь и всё скажу, что никому другому в жисть не сказала бы. Пожалуйте-ка, матушка барыня в мою келейку.

Монастырь расположен был за городом и окружён лесом. В дальнем углу обширной монастырской ограды, захватившей и лесной участок, одиноко стояла скромная деревянная келейка в одну комнату. Когда обе они уселись на деревянной скамье, Настя, или сестра Анна, начала вполголоса свой рассказ.

- Как, значит, очутилась я в обители, так почувствовала себя счастливой; мне сдавалось, что убежище наше святое охранит меня от всякого наваждения дьявольского. Настоятельница у нас добрейшая, и благословила меня келейку срубить, вот эту самую, и за моё усердие

дозволила мне скоро малый постриг принять. И вот поселились мы тут: я да сестра Агафьюшка, с которой я сдружилась.

Хорошо! Живём это мы, поживаем, в тиши да в молитве. Вдруг просыпаюсь я как-то ночью и слышу, что Агафья-то стонет; наутро я её допросила, а она мне отвечает, что сон-де видела, будто огромная кошка у неё на груди сидела и задушить её старалась. Ночи две всё этот сон ей виделся, а я, как заслышу, что она, бедная, стонет, сейчас её и разбужу.

На четвёртую ночку всё было тихо, а может, я крепко спала, не услышала. Только утром раненько встаю я, чтобы в храм Божий обрядиться, гляжу, а Агафьюшка ещё спит; а допреж того она завсегда раньше моего поднималась. Подумайте, барыня, ужас-то какой: гляжу я, а она как покойница и почернела вся. Кинулась я со всех ног в больницу за помощью; а дохтур опосля того пришёл и сказывал, что она давно уже померла, даже похолодела вся. Как рассказала я в обители ейный сон, так сёстры говорили, что это, значит, она смерть свою видела, которая за ней приходила.

В день погребения ужасно мне, тоскливо было, и я много молилась об успокоении души Агафьюшки; наконец, легла спать, но не спалось что-то. Тоска да страх томили меня, и я оставила на столе гореть керосиновую лампочку, что Вы мне подарили. Пробило полночь на монастырских часах, и вдруг мне почудилось, будто входная дверь стукнула, а потом, ровно, кто-то в сенях прошёл. Задрожала я тут, как осиновый листочек, и села на постели.

- Ужели, думаю, - продолжала рассказывать Настя, - я дверь забыла замкнуть, и ко мне бродяга или хулиган залез? Обомлела я со страху и что делать, не знаю. И вдруг, вижу это я, открылась дверь, и входит человек, бледный такой, тощий, в арестантской одежде, а на ногах кандалы звенят. Подошёл он к кровати, взглянул на меня такими глазищами, что я похолодела вся, и говорит с такой, знаете, злой усмешкой:

- Не пужайся, Настенька, это я, муж твой. Небось, ты обо мне и думать перестала, а я вот не забыл, что мы с тобой попом венчаны, и что из-за твоей измены я в каторжники попал. Ха, ха, ха! Гляди, видишь цепи на мне, да они не крепче тех, которыми нас Малейнен связала. Теперь вот я вернулся слово держать своё и права свои потребовать. Уж больно долго я ждал тебя, и какой ни на есть ценой я ушёл-таки. Ну, сегодня и свадьбу отпразднуем.

Я себя не помнила от ужаса, потому что узнала его.

- Викентий, - говорю, - да ты рехнулся, Нечто не видишь ты – я монахиня; обет, значит, произнесла. А вот пособить тебе скрыться – это я с полным удовольствием, и денег тебе дам.

У самой зуб на зуб не попадает; а от Викентия-то холод такой несёт ровно из погреба. И так он пронзительно да дико загоготал, как я ещё сроду не слыхала. И последняя моя силушка тут и пропала.

- Ты монахиня? – говорит. – Ха, ха, ха! Прежде чем монахиней быть, ты моей женой стала. Малейнен нас с тобой окрутила, помни это! Ты вся моя, как есть, и ничто тебе от меня не вызволит; а коли противиться будешь и оттолкнёшь меня, так я тебя убью!

Схватил он меня своими ледяными ручищами, а от самого-то смрад такой идёт, что не дохнуть; чудилось мне, ровно глыба снеговая меня завалила, и тут я сознание потеряла... Пришла я в себя, когда солнышко всходило. Гляжу, а никого нет. Но с той поры он часто приходил и жил со мной, как муж.

Я всё надеялась, что авось-де его изловят, и понять не могла, где он скрывается, а донести на него не смела, да и признаться кому-нибудь стыдно. Самое-то страшное было впереди.

Месяца с три назад пришла к нам на богомолье Матрёша и принесла подарочки от вашей милости. Разговорились мы, понятно, с ней, а она вдруг и сказала:

- Тебе бы, сестрица, не мешало отслужить панихиду за Викентия; его бывший хозяин весточку получил, что не вынес он каторги и повесился. Твой долг молиться за него, его грешную душу, потому он и острожником стал, что ты своему слову изменила.

Я так и обмерла. Викентий помер... А как же он каждую ночь ко мне приходит? Я думала, что у меня голова треснет. Мысли стали мешаться, и я чувств лишилась. Недель шесть я прохворала, и в больнице лежала, но наконец поправилась. И только я здесь очутилась, как

Викентий сызнова стал ходить ко мне... Мучаюсь я, а молчу, Потому, кто мне поможет? Никто. Проклятая я, и должна муку свою нести до конца дней.

Настя умолкла и вытерла слёзы, струившиеся по её бледному, исхудавшему лицу.

Киру охватил ужас, когда она слушала страшный рассказ Насти: при мысли, что и Басаргин тоже может предъявить свои права, её бросило в холодный пот. У неё было слишком много явных доказательств, что призрак не желает уступать никому своих прав.

Ей пришло в голову, между прочим, появление его в Венеции и живо вспомнилось то отвращение, которое она, коснувшись разлагающегося трупа, испытывала. Ужасны законы, одаряющие хотя и временной жизненностью обитателей загробного мира...

Теперь она расплачивалась за своё равнодушие к законам неведомого, за глумливое недоверие ко всему, чего не могла нащупать рука, исследовать скальпель. В просвещённый век было в моде смеяться над привидениями, над сомнамбулизмом, колдовством, словом над всем, чего не понимали интеллигентные люди, подобно тому, как они отрицали существование Бога или издевались над религиозными верованиями.

Кира тоже выросла в воззрениях, что развитая и образованная девушка хорошего общества не может не краснеть, верить в подобные нелепости... Дорого же ей обошлось убеждение в несуществовании потустороннего мира!..

Она взялась руками за голову, стараясь овладеть собой, а затем в свою очередь, рассказала Насте всё, что произошло с ней с того времени, как они не виделись.

- Осталась одна надежда: найти Малейнен, - закончила она свой рассказ. – Я и приехала-то сюда, отчасти для того, чтобы спросить не знаешь ли ты, где она. Если только она освободит меня, клянусь, я заплачу, чтобы она и тебя освободила от Викентия. К несчастью, нигде не сыскать эту проклятую бабку.

Настя задумалась...

- Сама я не знаю, где она. А вот, может, городовиха Ефимовна, что возила меня к ней, знает, где теперь проживает колдунья. Помнится, они очень дружили, а не то, даже сродни приходились. Мать Ефимовны, кажись, из чухон была.

Записав точно имя городского и его жены, Кира на следующий день уехала. По возвращении Киры в Петербург снова начались поиски Малейнен, и на этот раз увенчались успехом. Городовой был переведён в другую часть столицы, где его и нашли; а его жена, благодаря щедрым чаевым, немедленно сообщила желанный адрес. Оказалось, что Малейнен окончательно покинула столицу и поселилась в своей деревне около Або.

По получении столь драгоценного указания был единогласно решено, что Кира с матерью съездят к чухонке, а маркиз, со своей стороны, убеждал жену не жалеть денег.

Рассказ о мучениях Насти привёл его в ужас; он готов был заплатить цену, какую бы ведьма ни назначила, лишь бы только та уничтожила созданные адские чары и освободила обеих несчастных. Мать и дочь спокойно доехали до Або. По прибытии в большое село сердце Киры сжалось от страха и тоски, а когда их экипаж остановился перед указанным домом, Киру бросило в дрожь.

Малейнен жила на выезде из села, в большом, неприветливом на вид кирпичном доме, окружённом садом и огороженным каменным забором. У проделанной в ограде калитки висел звонок. Открыла им чухонка лет тридцати с плоским лицом и, увидев барынь, сделала книксен.

Узнав, что гости желают видеть Христину Малейнен, она подобострастно ответила, что мать дома, и просила войти, а сама кликнула мужа, чтобы вынести из коляски корзину и мешок. То были подарки; привезённые Киroy: кусок тёмно-синего сукна, шёлковый белый платок, материя на фартуки с кофточками и провизия: чай, кофе, сахар, коньяк и так далее. Пройдя по большому, чисто содержащемуся двору, окружённому конюшнями, коровниками и сараями, генеральша с Киroy вошли в просторную кухню. Перед очагом на шестах висела копчёная рыба и целые ряды сухих, круглых, плоских с дырой посередине хлебов, которые так любит финский народ. В печи горел яркий огонь, в котле варилась капуста и мясо, распространяя аппетитный запах.

Стол был накрыт на три прибора, и поставлены были хлеб, масло и крынка с кислым молоком. Всё в доме указывало на полное довольство; по-видимому, оккультные занятия приносили колдунье обильные плоды.

Генеральша пожелала остаться в кухне, и Кира прошла в соседнюю комнату, светлую, большую и не по-крестьянски обставленную.

У окна, украшенного белыми вязаными занавесками и уставленного горшками цветов, сидела колдунья и вязала.

При виде входившей гостьи не то недовольное, не то удивлённое выражение мелькнуло на лице старухи.

- Ах, это Вы, барыня? Как Вы нехорошо выглядите, - сказала Малейнен, вставая и отвешивая поклон.

- Да, я зная, что скверно выгляжу. Я приехала за тем, чтобы переговорить с Вами по очень важному делу.

- В таком случае, пожалуйста в мою комнату, - ответила старуха, хмурясь.

Она провела Киру в маленькую комнату, свою спальню, где была большая кровать с занавесками и одеялом из пёстрого ситца; у окна стояли два разнокалиберных старых кресла.

Взволнованная Кира села и стала излагать всё, что с ней произошло. Она описала, в какую пытку обратилась жизнь её и Насти, и, в заключение, упомянула о словах тётки Лебретт, что одна только Малейнен может их спасти и освободить. Пока она говорила, лицо чухонки всё бледнело.

- Ещё бы! Я думаю, что никто, кроме меня, это сделать не может, - с резким злым смехом процедила колдунья. - А только дело это - опасное, и мне не подходит.

- Господи! Умоляю, спасите, освободите нас! Я дам Вам три, пять тысяч; я сделаю всё, что Вы хотите, только спасите нас с Настей от этих чудовищ, - упрашивала Кира, стиснув руки, и разрыдалась.

Чухонка мрачно взглянула на неё.

- Нет, не могу. То, что вы требуете, уж больно опасно, рискую собственной головой. На что мне тогда ваше золото? Жизнь мне дороже, и я не стану подвергать себя опасности из-за вас. И, наконец, что вы можете иметь против меня? Вы желали выйти замуж; захотели быть свободной, чтобы выйти за другого, стали вдовой, а затем обвенчались вторично. Я всё сделала, что Вы хотели. Так чего же нужно от меня? Чтобы я стала воевать с бесами? Нет уж, благодарю покорно. Я дорожу жизнью и ничего вам не сделаю, ничего. Вот моё последнее слово!

Задыхаясь от слёз, Кира выскочила из комнаты и, как безумная, кинулась вон, но ошиблась дверью и выскочила в тёмный коридор, выходивший во двор. При входе она наткнулась на каких-то людей, подслушивавших у двери и оказавшихся дочерью Малейнен с мужем. Не говоря ни слова, они вывели Киру на крыльцо.

- Не плачьте, бедная барыня, сочувственно стал утешать её финн. - Старая не хочет вам помочь, а мы вот, дочь её и зять, мы совсем другого мнения. Смешно и глупо отказаться от хорошего заработка и, к тому же, допустить погибель такой красивой и щедрой барыни.

В душе Киры блеснула надежда. Она вытащила несколько золотых и сунула мужу с женой.

- Ах, если вы это устроите и уговорите Малейнен мне помочь, я вам дам тысячу рублей, сверх того, что обещала ей.

Чухонец щёлкнул языком от удовольствия и ещё более оживился.

- Идёт! Положитесь на меня и супругу, барыня, и старуха вам поможет; это так же верно, как я зовусь Онни Тенгрэн. Она первая колдунья во всей Финляндии, и сам дьявол её боится.

Достойная чета проводила гостей с поклонами и обещаниями, записав их петербургский адрес.

Десять дней прошло в томительном ожидании. Кира ходила убитая горем; маркиз был нервен и раздражителен, а генеральша заливалась слезами. Она не сомневалась, что если и это последнее средство не удастся, её дочь погибла.

Наконец, на одиннадцатый день, поутру, за чаем лакей доложил, что прибыли две женщины и чухонец из Або и желают видеть господ по важному делу.

- Угостите их сперва, а потом проводите в мой кабинет, - приказал Керведек.

Через час вновь прибывших позвали в кабинет. Малейнен была бледна, зато дочь с зятем очень оживлены и довольны.

- Уступая нашим просьбам, мамаша согласилась разрушить то, что сделала, - с довольным видом заявила Тенгрен.

- Отлично, - сказал маркиз, отпирая письменный стол. – Вот деньги, которые вам обещала жена, за то, что вы уговорили вашу мать помочь нам; а вы, Малейнен получите две тысячи вперёд в знак нашего полного к вам доверия. Я не сомневаюсь, что такая волшебница, как вы, будет в состоянии расстроить то, что она сделала.

Несмотря на комплимент, старуха оставалась мрачной и озабоченной.

- Я уже говорила вашей жене, что дело это опасное, трудное и за успех его поручиться не могу. Уступая просьбам детей, я попробую уничтожить колдовство, но для того мне нужна моя прежняя квартира: там остались мои бутылки.

- Квартира будет, - вмешался. – Я уж говорил со сторожем; он готов отдать внаём на неделю, да только пятьдесят рублей запросил.

- Я плачу, - сказала Кира.

- Ну, так ступай к сторожу, Онни, и скажи, что квартиру мы берём на неделю и займёмся сегодня вечером. Я Вас извещу, барыня, когда начну; но это будет не раньше трёх дней, потому что мне надо подготовиться и время это тяжёлое. А всё же, повторяю, дело это ненадёжное, Коли я жива останусь, вы будете избавлены; ну, а коли я умру, ваши деньги пропали, потому, значит, они победили, - глухим, упавшим голосом закончила она.

Разговор продолжался, но жадность превозмогла последние сомнения старухи, и вся тройка ушла гораздо спокойнее и увереннее, чем пришла, унося вместе с тем корзину с провизией.

В тот же день Киру охватило странное чувство недомогания; ноги и руки налились, словно свинцом, голову ломило, а отвратительный трупный запах прямо-таки душил её. Ночью она глаз не сомкнула, и от страха волосы вставали дыбом.

Глухие удары и треск раздавались в стенах; кроме того, она чувствовала, что кто-то стоял у её постели, распространяя ледяной холод.

Следующая ночь вызвала волнение между прислугой. Швейцар видел, будто стая чёрных кошек с фосфорически горевшими глазами и взъерошенными хвостами поднимались вверх по лестнице; между тем, несмотря на всевозможные розыски, ни одной кошки не нашли, и в людской решили потом, что это просто нечистый.

Кира жила с мужем в том самом доме, который унаследовала от Басаргина. В ту же ночь один из лакеев утверждал, что слышал волчий вой в кабинете Басаргина; распахнув двери, он видел, как по комнате двигались чёрные тени, после чего он с криком убежал и, разумеется, привёл в волнение всю прислугу. Лишь строгий приказ маркиза молчать об этих происшествиях помешал рассказам дойти до жены.

Утром, на третий день, явился Онни Тенгрен с извещением, что ночью Малейнен приступает к решительным заклинаниям и барыне не спать.

Весь день Кира провела, как в лихорадке, испытывая сердцебиение и головокружение. Мать и муж уговаривали её уснуть днём, чтобы быть свежее и крепче ночью, но она не находила себе покоя и бродила, как тень, уверяя при этом, что за ней всё кто-то ходит, сопит и тяжело дышит.

Генеральша так разволновалась, что совершенно ослабела, и врач вынужден был дать ей сонных капель, после чего та заснула.

Кира же отказалась лечь и, переодев капот, устроилась на кушетке, обложившись подушками. Она осунулась и так плохо выглядела, что муж думал со страхом, вынесет ли она эту передрыгу, каков бы ни был результат последней ночи.

Чтобы успокоить жену, он сказал, что сам проведёт возле неё эту ночь вместе с Матрёшой, которая поселилась у них в доме со времени поездки в монастырь. Матрёша обсыпала ладаном

кушетку и положила ладану в карман пеньюара Киры, повесила на стене распятие, а перед иконами зажгла лампадки с принесённым ею из Иерусалима маслом.

Маркиз, ставший верующим настолько, насколько прежде не верил ни во что, надел жене на шею древний золотой медальон с мощами, которые один из его предков вывез из крестового похода.

Томительно долго тянулось время. Все трое, нервно возбуждённые, бодрили себя, а тем не менее не замечали, как постепенно свинцовая тяжесть их охватывала, и тяжёлый сон смыкал глаза.

Вдруг дикий пронзительный крик огласил комнату. Разбуженные Керведек и бывшая няня вскочили и при свете горевшей перед образами лампы ясно увидели высокую тень человека, который сбросил Киру с дивана и, казалось, боролся с ней; а затем, произнеся проклятие, отшвырнул свою жертву на несколько шагов и исчез, оставив после себя в комнате удушающий трупный запах.

- С нами крестная сила! – завопила Матрёша и кинулась вон из комнаты.

Перекрестившись, маркиз бросился поднимать Киру. Он увидел, что она обсыпана обломками костей вперемешку с полуистлевшими цветами, бывшими некогда лилиями и камелиями. На его звонок горничная и проснувшаяся генеральша прибежали помогать Кире, лежавшей в полубесчувственном состоянии.

В это время говор и беготня прислуги обратили на себя внимание маркиза. Очевидно, в доме что-то произошло.

Выйдя узнать, что случилось, он увидел двери в переднюю и на лестницу открытыми настежь, а у громадного зеркала в прихожей полуодетая, разбуженная прислуга столпилась вокруг швейцара. Славный, усердный старик, живший в доме более тридцати лет, полулежал на стуле, а жена его с экономкой смачивали ему голову водой.

- Что с ним такое? – спросил маркиз.

- Ах, барин! – закричала очнувшийся швейцар, вскакивая. – Ведь видел я собственными глазами, видел его, Алексея Аркадьевича. Только это я, значит, входную дверь запер и собрался электричество гасить, а он, откуда ни возьмись, возле меня. Глазищи-то у него ровно угли... Глянул он на меня, да и говорит:

- Здорово, старина! Что, узнал меня?

Одет он был точь-в-точь, как в гробу лежал, и в руках – букет чёрных ровно обожжённых цветов, а лицо-то бледное-пребледное, как у заправского покойника. Меня точно громом ударило. И что же? Вижу я, он по лестнице вверх поднимается, да забавно так, ровно скользит по ступеням, а ног не поднимает. Тут мне на ум пришло, не нечистый ли это. Может, молодой барыне какое зло причинить хочет? Побежал я за ним наверх и стал «Да воскреснет Бог» читать, а силушки-то нету, я и упал. А в сей момент слышу в столовой кричат, да ещё где-то; потом люди забегали, вот я и позвал...

- Почему же остальные кричали? – спросил маркиз.

- В столовой Антип с Никифором посуду в буфет убрали и тоже видели покойного барина, - докладывала экономка. – А мы с господином Клодом и с горничной беседовали. Вдруг это он, нечистый, пронесся, как вихрь, мимо нас, будто из барыниной комнаты, и лицо-то у него было такое мрачное, да злобное, точно у дьявола.

Не без труда удалось маркизу успокоить напуганную прислугу, которая готова была отказаться от места.

Он обещал поднять икону Казанской Божьей Матери, отслужить молебен с водоосвящением и заказать сорокоуст по Басаргину. Успокоенные его обещаниями, люди разошлись, а он вернулся в комнату жены, которую удалось привести в чувство лишь после долгих усилий.

На шее Киры видны были синяки от пальцев, но лично она ничего не видела. Её разбудило прикосновение ледяных рук, тащивших её с дивана, и вслед за тем она потеряла сознание. Кира была сильно истощена и, выпив успокоительных капель, уснула тяжёлым, глубоким сном.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

После разговоров у маркиза, Малейнен с дочерью и зятем отправились прямо в тот домишко на Волковом, где некогда жила. Переговоры со сторожем были недолгими, наём состоялся, и старуха осталась в доме, а своих послала за вещами. Сев у окна, она мрачно задумалась; в том же положении нашла её вернувшаяся с узлами чета.

С наступлением ночи Малейнен велела дочери с зятем зажечь в печи, на шесте, можжевельник и читать указанные заклинания да стеречь, чтобы огонь как-нибудь не потух до её возвращения.

Было около полуночи, когда ушла она на кладбище. Ночь была холодная. Бурный, порывистый ветер гнал по небу сизые, дымные тучи, скрывавшие луну; лишь по временам пробивавшийся тусклый полусвет озарял громадную ниву мирного упокоения, и тогда из темноты выглядывали кресты и памятники.

Сделав большой обход, Малейнен вернулась в ту часть кладбища, которая прилегала к её избёнке. Эта сторона, как наиболее старая, была больше всего запущена. Могилы стояли заброшенные, кресты либо повалились, либо покосились, и кругом всё густо заросло травой и кустарником.

Полузакрытый обветшавшими деревьями, там стоял старый памятник в виде часовни. Чугунная, некогда окружавшая его решётка была уже сломана, каменные ступени разъехались, и старая дверь, хотя и запертая, едва держалась, по-видимому на ржавых петлях.

Малейнен достала из-под полы зажжённый фонарь и, вынув из кармана ключ, открыла дверь. Внутри всё было пусто. Когда-то здесь была икона и лампада, но образ исчез, а валявшиеся на полу осколки стекла только и указывали на бывшую тут когда-то лампаду.

При входе Малейнен слышалось глухое шипение, и из тёмного угла выскочила чёрная кошка. Подняв хвост трубой и изогнув спину, она глядела на колдунью горящими глазами, но та повелительно подняла руку, пробормотала несколько слов, и кошка пропала неизвестно куда.

Тогда Малейнен пошла в угол, разгребла кучу мусора, скрывавшего кольцо от подъёмной двери, открыла её и сошла по крутой лестнице в склеп.

Склеп был средних размеров, и в нём стояло два гроба, обитых когда-то бархатом с позументом, но всё это уже обветшало, и сгнившие доски почти развалились.

В головах одного из гробов сложен был кирпичный стол, на котором стоял семирожковый шандал с чёрными восковыми свечами. Старуха достала из-за пазухи склянку и палочку, затем зажгла свечи. Жидкостью она окропила весь склеп, и в воздухе послышался одуряющий запах серы, а затем, став между гробами и подняв руку с палочкой, она мерно запела на неизвестном языке.

Вскоре послышались сухие удары и треск, чёрная дымка заволокла всё внутри и стала сгущаться в облако, из-за которого вдруг вынырнул маленький горбатый уродец. Тёмное тело его было покрыто шерстью, плоские широкие ступни походили на копыта и на голове светились рожки. Гадкий ублюдок этот вскочил на один из стоящих гробов и уселся верхом.

- Здорово, кума! Что тебе от меня надо? – диким голосом спросил он, лукаво и злобно глядя на свою названную «кумушку».

- Здравствуй, Анаэль. Помощь нужна мне твоя в одном деле, запутанном, но очень прибыльном.

- Ага!.. Всё для жены того, кому мы шею свернули? Чего ещё этой негоднице понадобилось. Вышла за своего суженого и ничего, стало быть, больше требовать не смеет.

Малейнен рассказала коротко про своё условие с Кирой относительно её избавления от преследований Басаргина. Уродец внимательно её выслушал.

- Эх! Напрасно впуталась ты опять в эту глупую историю. Знаешь, ведь, что хозяин недолюбливает таких вмешательств. Уж он никогда не отдаст то, что своим считает.

- Помоги мне, Анаэль. Уж я тебе поднесу в награду кружку свиной крови.

- И рад бы тебе пособить, да... дело-то очень неверное. Что ж, впрочем, если ты непременно хочешь, пожалуй, попробуем. Только нам помощники нужны. Выбери кого надо из тех, что у тебя в погребѣ, да завтра в полночь приготовь им угощение; вот мы первый опыт и сделаем. А я постараюсь выпытать у хозяина, что надо, и завтра же надеюсь тебе ответ дать.

Он спрыгнул на землю. Послышался глухой грохот, потрясший склеп, и уродец исчез. Малейнен потушила свечи, взяла в руку фонарь и открыла проделанную в стене низкую дверь.

Дверь была прочно замкнута, и за ней открылся низкий и узкий, но длинный проход, который вёл в погреб довольно странного вида и гораздо больших размеров, чем склеп.

На земле и на полках стояли бутылки всевозможных размеров, но большей частью, четвертные и ведёрные. В погребѣ была ещё и вторая дверь, запертая на железный засов с громадным замком, который старуха и отпёрла.

За этой дверью оказался небольшой подвал, откуда был уже ход в кухню дома, где жила Малейнен. Но перед отъездом та тщательно замкнула и даже завалила соединительную дверь со стороны подполья дома. Кто бы ни нанял после неё дом, никто даже не заподозрит, что бок о бок имеется погреб, да ещё с такими загадочными припасами.

Кончив эти приготовления, старуха отправилась домой той же дорогой, какой пришла. Утро следующего дня поглощено было разного рода закупками.

Затем колдунья с зятем освободила и отперла дверь, которая вела в погреб с бутылками, и она снесла туда несколько больших корзин, тщательно укрытых белым холстом. Незадолго до полуночи Малейнен спустилась в подвал, зажгла несколько чёрных восковых свечей, а затем принялась разглядывать и разбирать бутылки.

И посуда, и бутылки с их содержимым были удивительны. Красные деревянные резные пробки, припаянные у горлышка чёрными кружками изображали рогатые козлиные головы. Внутри бутылей заключены были словно крошечные человечки, прозрачные и студенистые, хотя и вполне отчётливые; особенно живыми представлялись головы с отвратительным зловонным выражением.

Колдунья отобрала двадцать одну бутылку и поставила их на середину подвала, а затем раскрыла корзины, в которых лежали поросята, кошки и вороны.

Животные казались как-будтодохлыми, потому что не шевелились, даже когда старуха доставала их из корзин и раскладывала по одному перед каждой бутылкой; но всмотревшись, можно было заметить у них чуть заметное дыхание.

В течение этих приготовлений из тёмных углов, где стояли остальная посуда, слышалось глухое ворчание, и вдруг раздались громкие, стоны и зловещий треск. Малейнен мгновенно выхватила из-за пазухи палочку; она погрозила ею в сторону начавшегося шума и произнесла заклинание. Кругом снова всё стихло.

После этого она принесла небольшую жаровню с горящими углями и посыпала её порошком, который с треском сгорел, наполнив подвал, удушливым запахом серы. Нажаровне же вспыхнуло синее, с зеленоватым отливом пламя, сменившееся клубом черного дыма, и в тот же миг перед колдуньей очутился вчерашний уродец.

- Ну какие у тебя новости, Анаэль? – спросила она.

Тот скорчил гримасу.

- Ничего достоверного, кума. Не больно он доволен, хотя и не возражает. Так что, если ты настаиваешь, давай, попробуем.

Да, попытаемся. А чтоб придать тебе мужества, потому всё-таки рассчитываю на твою помощь, я тебе поднесу угощение.

Она вытащила из корзины поросёнка и зарезала его так, что тот даже не пискнул. Выпустив кровь в глиняные горшки и сцеживала в них кровь зарезанных животных. Кончив это, Малейнен раздула угли, бросила в них новую пригоршню порошка и затянула песню перемешку с заклинаниями.

Мало-помалу густой дым застлал погреб, послышался треск, раздались точно выстрелы и дикие крики, а затем, когда дым рассеялся, оказалось, что все бутылки разбиты, а вокруг жаровни собралось целое общество, жадно глотавшее налитую в горшки кровь.

Тут были представители обоих полов и всяких общественных положений: офицеры, духовенство, штатские, купцы, крестьяне и даже дамы. Мертвенно-бледные лица их отражали всевозможные страсти; но помимо трупного цвета и пристального, дьявольского злобного взгляда, ничем иным они не отличались от живых людей.

Малейнен продолжала петь, как вдруг в воздухе блеснул свет, точно молния, порыв ветра пронёсся по подвалу, и точно из-под земли вырос Басаргин с пеной у рта и дико сверкающими глазами. По-видимому он был в ярости.

- Нет! – заревел он. – Не выпущу я её живой из своих рук и не позволю никогда освободить её.

Злые духи кинулись на него и пытались повалить его; а в это время Малейнен с палочкой в одной руке и горящим углём в другой подскочила тоже, намереваясь ударить его с левой стороны, Анаэль тоже вцепился в Басаргина.

Вдруг тот вырвался из рук нападавших, взлетел на воздух, превратился в зеленоватый, искромётный шар, лопнувший затем с грохотом, и Басаргин исчез.

Малейнен отпустила страшное ругательство, но спохватившись, стала читать заклинание и под конец пронзительно крикнула:

- Завтра в полночь созываю вас всех на решительный бой.

Анаэль и прочие духи растаяли в воздухе, а Малейнен, очертив магическим кругом оставшиеся бутылки, ушла из подвала.

- Кто бы мог подумать, что у него такая силища, ворчала она, идя к себе.

Перед генеральным сражением, которое Малейнен собиралась дать силам зла, она постилась целый день и делала особые приготовления.

С наступлением ночи она заперлась во второй комнате, строго наказав зятю и дочери не спать, зорко сторожить подполицу и читать заклинания, магически преграждавшие выход из подвала.

Заперев за собой дверь, она сняла с себя всё и надела только длинную красного цвета рубашку, распустив свои седые, но ещё длинные и густые волосы. Затем она зажгла в печи охапку можжевельника и в огонь сунула лезвие большого ножа.

На престол она поставила медный колокол в виде черепа и рядом положила дудку, выделанную из человеческой кости. Перед печью поставила старый, взятый с чьей-то могилы чугунный крест, а на чёрной доске, прибитой к престолу сзади семирожкового шандала, написала какие-то знаки и затем открыла заклинательную книгу. На лице колдуньи застыло выражение дикой отваги.

Она вполне сознавала, что подвергает себя смертельной опасности, берясь спасти Киру. Но её соблазнило богатое вознаграждение. А она была жадна, упряма и уверена в своих силах.

Кроме того, она рассчитывала на содействие тех, которых накануне ночью одарила жизненной силой, дававшей им возможность вторгаться в толпу живых.

С этими тёмными существами люди часто сталкиваются, сами того не зная и не подозревая. Скептики отрицают такие явления, а присяжные «учёные» над этим смеются, потому что ни те, ни другие не понимают скрытых пружин, производящих в действие неведомые для них силы потустороннего мира; как они не знают, откуда берутся и куда деваются эти загадочные, зловредные существа.

Громко и отчётливо читала Малейнен заклинания, временами она остановилась, брала дудку и издавала протяжный, резкий свист, подзванивая ему в колокол. Затем она подбрасывала в огонь ветки и переворачивала начинавший накаляться докрасна нож.

Мало-помалу вся комната стала трещать, в стены и пол неистово стучали, проносились порывы холодного ветра и чуть не задували свечи.

Наконец, блеснула молния, и весь дом затрясся словно от громового раската. Из стен и пола выходили тёмные тени, которые быстро уплотнялись. Эта толпа тащила Басаргина, который упирался и отбивался, но всё-таки был повален на землю.

Теперь было заметно, что красная светлая нить исходила из его левого бока и терялась в пространстве. Чёрные худые, но цепкие, как змеи, существа, держали Басаргина, несмотря на его отчаянные усилия вырваться из их лап.

Тогда Малейнен выхватила из огня раскалённый нож и кинулась к нему, чтобы рассечь таинственную связь, соединявшую его с Киной. Но в этот миг произошло нечто совершенно неожиданное и ужасное...

В комнате рядом раздался громкий взрыв, входная дверь вспыхнула точно огнём, и в комнату повалила целая ватага людей и животных. Впереди шло отвратительное рогатое чудовище с козьей мордой, красными, как огонь, глазами и громадными зубчатыми, точно у летучей мыши, крыльями. Чудовище это грозно потрясло трезубцем и залилось злым дьявольским смехом.

- Ты ещё смеешь вступать в бой со мной, негодная?! Или забыла, что ты наша раба, у которой нет ни знаний, ни сил, достаточно побороть нас?!

Чёрный козёл кинулся, как молния, к престолу, схватил водруженный крест перед печью крест и вонзил его в колдунью, которая упала с нечеловеческими криками и была пригвождена к полу. Потоки чёрной крови хлынули из её рта к груди.

В тот же миг Басаргин вырвался из рук нападавших и исчез с громкими ругательствами. В комнате же происходило нечто непостижимое.

Часть дьявольской свиты бросилась на неподвижное тело колдуньи, они пили и вылизывали её кровь; кости старухи трещали, и по трупу ползали языки пламени. Другие ломали и топтали всё, что было в комнате. Наконец, окно с шумом распахнулось, и вся дьявольская ватага с чёрным козлом во главе вихрем унеслась на кладбище. В ночные часы в этом царстве мёртвых обыкновенно пусто. И теперь лишь ветер жалобно стонал и свистел меж обнажённых деревьев. Временами лунный свет проглядывал сквозь седые облака, заливая кресты и памятники унылым, дремотным светом.

Но если все казалось пустынным и тихим для неразвитого взора человеческого, ясновидящий усмотрел бы кипевшую здесь суетливую и зловещую жизнь.

В разных местах вспыхивали блуждающие огоньки, слетавшие затем вокруг дьявольского кортежа, который вылетел из дома колдуньи. Демон с козлиной мордой остановился и звонко протрубил в кривой, словно охотничий рог трижды. Затем раздался его глухой, скрипучий голос:

- Призываю вас всех, кто заключён тут и кого не выпускает плоть, приковав к могиле. Вы стремитесь к свободе, хотите уничтожить воинство Люцифера? Так вставайте же, поломайте гробы свои и опрокиньте надгробные кресты. Придите, возлюбленные и разлученные смертью: вы, алчущие наслаждений и мести!

Толпа вокруг него пела и выла, испуская снопы искр. Поднялся целый ураган диких звуков; крики и стоны сливались с похоронным пением. В разных направлениях сверкали огненные зигзаги, гробницы трещали и кресты качались, и из поднимались громадные зеленоватые, жёлтые и чёрные шары.

Шары эти с грохотом лопались, распространяя вокруг трупную вонь и обнажая отвратительных существ с разлагающимися талыми. Искражённые, отталкивающие лица их отражали все грубые страсти, все нечистые вожеления и похоти обожаемой ими плоти, которая тем самым сковывала их теперь и причиняла ужасные страдания. Но много могил всё же остались целыми. Те, которые были погребены там, не поддавались сатанинскому зову. Святые молитвы и символы удерживали одних и ограждали от других.

Современный род людской, глубоко невежественный в познании невидимого мира и закованный в броню неверия, отталкивает как излишние, а то ещё и осмеивает все мистические таинства, которыми человечество с древнейших времён неизменно окружало два величайших момента человеческой жизни: рождение или появление человека на земле из неведомых областей, и смерть, то есть возвращение его в потусторонний мир. Между тем обряды эти и таинства, установленные величайшими светилами герметической науки, имеют

глубокое значение и служат защитой как живому человеку, так и свободному духу против силы зла...

А демоны продолжали, между тем, свою оргию, освобождая из могил грешные, слабые души, чтобы захватить их в свою власть и толкать затем на новые преступления.

С хохотом и криками принимало дьявольское чудовище со своей свитой тех, которые выходили из усыпальниц и преклонялись перед ним. Но где-то вдали пропел петух.

В тот же миг закружились вихри чёрного дыма, в котором и растаяла дьявольская ватага.

На следующий день после страшной ночи Кира заканчивала завтракать, когда доложили о приходе Тенгрена. Маркиз с женой и генеральшей ушли в кабинет, куда привели чухонца.

Он был смертельно бледен, очень взволнован и хриплым голосом заявил, что они с женой чуть было не умерли в минувшую ночь.

Маркиз поднёс ему стакан вина, для подкрепления и попросил подробно рассказать всё, что у них случилось.

Собравшись с мыслями, тот начал:

- Вчера вечером мать стала готовиться к большому заклинанию. Барыня помнит, вероятно, что в первой комнате есть подполье, а во второй, за занавеской, устроен престол. Там она с нашей помощью всё изменила по-новому: занавеску сняла, престол поставила на середину комнаты, перед ним поставила ковёр с какими-то странными знаками, расставила вокруг до сорока черепов, подобранных на кладбище, да четыре совсем новых жаровни с можжевельником и дёгтем, а перед печью водрузила чугунный, взятый с могилы крест. На престол она положила открытую большую книгу с заклинаниями, а в шандал вставила по четыре чёрных свечи и по три красных да принесла два горшка: один с вином, а другой с зерном.

Устроив всё это, мать обсыпала подполицу ладаном, а сверху поставила три чугуна с можжевельником и углями. Нам она дала по мешку, один с ладаном, а другой с можжевельником и травами, наказав сидеть да твердеть заклинания, которые заставила выучить наизусть.

- Особенно остерегайтесь заснуть, - предупреждала мать. - Да сторожите подполицу хорошенько, чтобы кто оттуда не вышел; а если что-нибудь там зашевелится, так бросайте горстями ладан и кричите заклинание. В мою комнату не входите, пока петух не запоёт, чтобы там ни слышали.

- Я забыл сказать, - продолжал он, - что она купила чёрного петуха и повесила его в клетке у окна во второй комнате. Около полуночи мать ушла к себе и заперла за собой дверь, а мы у ourselves на свои места и принялись курить да читать заклинания, как она приказала.

Но мало-помалу, такая меня разобрала охота спать, что просто глаза слипались, и вдруг вижу я с ужасом, что Катерина храпит вовсю; я же, хоть и подбрасываю в огонь курения, сижу, как пьяный, голова кругом идёт, и бормочу что-то непонятное. Так ли я всё делал, как надо было, не знаю и не помню; сидел я, точно окаменелый, и шевельнуться не мог.

Вдруг раздался такой громкий удар, что я подумал, как бы дом не рухнул, и с полу и из печи мелькнули огненные языки; подполица сама собой открылась с треском, и снизу полезла целая уйма людей: мужчин, женщин, военных, мужиков и всякого сброда, а сзади них - разные животные: кошки, собаки, волки, козлы, крысы, лягушки, летучие мыши, уж и не припомню, что ещё. Вся эта стая людей и скотов с воем и криком кинулась в комнату матери, а там, в это время такой поднялся шум и гам, какого я отроду не слыхивал. Меня словно ударило что-то по голове, и я потерял сознание.

Когда я открыл глаза, полуживая от страха Катерина неистово трясла меня.

- Слава Богу, Онни, ты очнулся, а я уж считала, что ты помер. Что мы с тобой наделали!.. Мы уснули, а ведь мать нам строго приказывала не дремать и сторожить подполицу, чтобы она не поднималась. Теперь, гляди, она открыта. Рядом же в комнате - гробовая тишина. Мать не отвечает, а петухи давно пропели. Страшно!

Я кинулся к двери и пробовал её открыть, но она не поддавалась, точно была заперта изнутри на крючок. Мы выбежали во двор, и я открыл окно, которое никогда не запиралось на задвижку. Когда я заглянул в комнату...

Тенгрен задрожал и от волнения не мог говорить, но наконец успокоился и продолжал:

- Мать лежала, растянувшись на полу, а в комнате всё было перевёрнуто, что называется, вверх дном. Тут я испугался, как бы нас не обвинили в убийстве, и побежал звать сторожа, городского и ещё прихватил двух свидетелей. Мы выломали дверь и увидели что-то ужасное.

Престол, свечи, горшки, всё оказалось перевёрнутым и разломанным, ковёр был изодран, платье на матери сожжено, и она лежала голая, с переломанной спиной и свёрнутой назад головой; а самое ужасное – она была пригвождена к полу чугунным крестом, который прошёл насквозь...

- Уж, дорогой барин, выдайте нам обещанные деньги, потому, ведь мать честно исполнила своё обещание и даже жизни лишилась, чтобы Вам услужить... А мы завтра хотим домой ехать, - закончил финн, вытирая слёзы.

Не говоря ни слова, маркиз отпер шкаф, вынул деньги и отдал их Тенгрену, после чего тот ушёл. Все трое с отчаянием глядели друг на друга; особенно была убита Кира.

Что же теперь будет с ней, когда и колдунья умерла?

Лишь на следующий день, когда прошёл первый испуг, решено было навести справки, не наврал ли чухонец. Но оказалось, что он сказал правду, и всё Волково кладбище говорит про колдунью, удушенную чёртом.

Даже в одном из болтливых столичных листков промелькнула впоследствии заметка про загадочную смерть какой-то подозрительной женщины, слывшей колдуньей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Вслед за катастрофой с Малейнен снова настало тяжёлое время для семьи. Кира потеряла всякую надежду избавиться когда-либо от своего мучителя, присутствие которого она ежеминутно чувствовала. Затем получено было известие, что в ночь ужасной смерти колдуньи Настю нашли в постели мёртвой. Хотя врач и определил разрыв сердца, но Кира была другого мнения.

Этот новый удар поверг её в отчаяние, которое перешло затем в меланхолию и внушило близким тревожное опасение за её рассудок и жизнь.

Все эти события завершили переворот в мировоззрении маркиза. Материалист по убеждению, скептик и повеса, он до сих пор твёрдо был уверен, что всякий разумный человек сам устраивает свой рай на земле. И вдруг он почувствовал, что потерял почву под ногами.

Перед ним раскрылся иной мир с его мрачными тайнами, неведомыми законами и силами; загробное существование человеческого «Я» обнаружилось с такой ясностью, что сомневаться, а тем более отрицать его уже стало невозможно.

Маркиз был человеком умным и развитым, которого гангрена общественного растления, эгоизма и скудоумия сбила с толку, а не оскотинила.

Придя к убеждению, что за пределами невидимого мира существует ещё не что, он захотел изучить это и закупил себе целую библиотеку сочинений по спиритизму, оккультизму, теологии и магическим наукам.

По мере того, как перед ним раскрывался неизвестный дотоле мир, который был невидим грубому человеческому глазу, полный жизни, деятельности и страдания, любви и ненависти, благодарности и мести, по мере того, как новым светом озарились загробные тайны и ответственность души, а вместе с тем, намечались неизменные законы, управляющие судьбами людей, - ему становилось стыдно за своё прошлое и страшно перед той участью, которая ожидала его при наступлении неизбежного момента возвращения в мир иной.

Естественным следствием этого нового мирозерцания и настроения явился строгий суд над самим собой, а затем созрело решение начать жизнь по-новому.

В первый раз за пятнадцать лет он причащался и молился. Свой союз с Кирой он считал теперь предначертанием судьбы, которую следовало терпеливо нести; любовь к молодой жене всё же изменила свой характер, облагородилась и прониклась глубокой жалостью.

Получи Кира не столь поверхностное воспитание, а более проникнутое истинным религиозным чувством, она не бросилась бы за ловлей мужа к колдунье.

Так проходила зима. Со страхом и тревогой замечал маркиз быстрое угасание Кире и её отчаяние. Наконец, как-то она снова предложила мужу освободиться от неё и начать развод.

- Нет, Кира, я тебя люблю и не оставлю никогда, - твёрдо ответил он. - Однако позволь тебе заметить, что предаваться угнетающему тебя отчаянию или ни к чему не ведущему возмущению, ты только усугубляешь тяжесть ниспосланного нам испытания. Крест, который мы несём, вполне заслужен. Я своей прежней разгульной жизнью и ты своим безрассудным поступком навлекли на себя злополучные злые силы, которые окружают нас. Молись, вместо того, чтобы отчаиваться, и милосердный Бог пошлёт нам своё спасение там, где мы меньше всего ожидаем.

- Настя тоже молилась, даже посвятила себя Богу; а, тем не менее, все-таки погибла, - прошептала Кира.

- Она пала жертвой сил, законы и действия нам неизвестны, а ты пережила эту страшную ночь, значит, что-то воспротивилось той злой силе, которая уже душила тебя. За последнее время я изучал эти вопросы и, полагаю, узнал, что именно спасло тебя. Но я желал бы и тебя посвятить в это интересное знание; а если ты согласна разделить мой труд, то я могу прочесть, или мы совместно будем читать сочинения по этим вопросам. Тогда ты лучше поймёшь, жертвой каких злобных сил ты стала и будешь в состоянии сознательно искать пути к спасению.

С этого дня Кира стала принимать участие в занятиях мужа, пробудившийся в ней интерес к странным и страшным тайнам оккультного мира рассеивал отчасти её мрачное сомнение.

В конце концов маркиз получил известие о смерти тётки, оставившей ему значительное, но крайне запутанное наследство, и, по мнению поверенного Керведека, его присутствие в Париже было необходимо.

Приходилось ехать, а Кира решила провести это время на юге России, в женском монастыре, где её родственница была монахиней.

- Матрёшу я возьму с собой, чтобы мама могла полечиться и отдохнуть. Она, бедняжка, очень измучилась и ослабела, - грустно сказала Кира.

В середине апреля Кира прибыла в обитель и поселилась в монастырской гостинице. Глубокая тишина монастыря сразу благоприятно на неё подействовала. В храме покоились мощи высокочтимого святого, и Кира особенно любила молиться у раки. В такие минуты ей казалось, что её овеивает тёплое дуновение, и светлый покой наполнил её исстрадавшуюся душу.

Она решила прожить в монастыре несколько недель. Чувствовала себя Кира лучше, а в душе иногда пробуждалось что-то похожее на надежду.

С той поры как она жила в монастыре, присутствие призрака и трупный запах её более не тревожили.

Родственница Киры, казначей монастыря, была женщина верующая, деятельная и притом с большим житейским опытом. Хотя мать Порфирия и не знала всей правды, но чувствовала искренне глубокое сожаление к молодой, красивой и богатой женщине, по-видимому, очень несчастной.

Со своей стороны, Кира тоже привязалась к доброй и приветливой монахине, и вот однажды в задушевной беседе она открыла ей свою тайну. В первую минуту мать Порфирию охватил ужас; потом она задумалась, наконец, перекрестилась и сказала:

- Страшно согрешила ты и наказана жестоко; но милосердие Бога к кающемуся грешнику – неисчерпаемо. Много одержимых и околдованных получило исцеление у мощей Святителя. Проведи три ночи подряд у раки преподобного и горячо, от всего сердца моли его о помощи, может быть, он поможет тебе.

- Да, да. Я непременно последую вашему совету матушка. Только... я боюсь остаться ночью в церкви одна; много страшного пришлось мне вынести, - ответила Кира вздрагивая.

- Сама-то я стара и слаба, чтобы бодрствовать всю ночь, а я пошлю с тобой сестру Варвару. Она здоровая, смелая и глубоко верующая девушка.

Следующие сутки Кира постилась, съев за день лишь просфору и запив водой из вырытого угодником колодца, почитавшегося священным; с наступлением ночи они отправились с сестрой Варварой в храм, запертый тут же для посторонних.

Внутри было почти совершенно темно; лишь поставленная Кирой у раки свеча и несколько топившихся лампад слабо озаряли просторный храм, дальняя часть которого тонуло во мраке.

Кира была так бледна, а страх так ясно отражался на её лице, что сестра Варвара сочла нужным ободрить её.

- Не бойся, будем молиться вместе. Мы здесь под покровом Святого, так чего же нам бояться. Сила Божия бесконечно могущественнее силы сатанинской.

В течение двух часов всё шло прекрасно. Монахиня прочувственно читала вполголоса молитвы, а Кира, слушая её, и сама усердно молилась. Уже пробило полночь на монастырской башне, как вдруг Кира обратила внимание, что вокруг неё полная тишина. Она взглянула на монахиню и обмерла со страха.

Склонясь на ступени раки, сестра Варвара крепко спала и не просыпалась, несмотря на расталкивания Киры; а между тем, слышавшееся где-то знакомое потрескивание и пахнувший ей в лицо порыв холодного воздуха указывали на приближение страшного призрака.

Вдруг в одном из высоких окон храма блеснул луч красного света, озарив кровавым отблеском плиты пола; затем, неподалеку от Киры поднялся клубами дым, образовавший скоро фигуру человека, и на этом багряном фоне, словно в зареве пожара, явился Басаргин.

Его мертвенно-бледное лицо отражало невыносимую муку. Обезумев от ужаса, Кира упала на колени, прижалась к раке преподобного и ухватилась обеими руками за покров.

- Боже милостивый, великий угодник Божий, под сенью которого я нахожусь, помилуй меня. Пошлите смерть за прегрешения мои, положите конец моим мучениям, - шептала она, вне себя.

Протянув руки к призраку, она продолжала глухим голосом:

- Прости меня, Алексей! Сжался! Лучше убей, а не мучь...

Лицо призрака страдальчески исказилось, и раздался глухой, словно издали донёсшийся голос.

- Меня вынуждают преследовать и убить тебя, но я не хочу твоей смерти, ни твоих мучений... Я надеюсь порвать проклятие ужасные узы, связующие нас... Здесь я могу говорить правду... Слушай! Ищи Шепсу, черкеса... Он один может освободить нас.

Кира, как парализованная, слушала его; охвативший её ужас спадал.

Вдруг она увидела, что от раки исходит серебристый пар, сгущается, и на этом светлом облачке ясно обозначился силуэт прозрачной руки, страждущего духа сияющий крест.

На лице призрака тотчас появилось выражение радости и облегчения, а сам он как-будто преклонил колени. Видение уже бледнело и таяло, луч красного цвета гас, вокруг снова надвигалась тьма.

Но Кира была окончательно обессилена. Глаза её закрылись, и она потеряла сознание. Прикосновение мокрого полотенца, которым сестра Варвара вытирало лицо Киры, привело её в себя. Монахиня стыдилась того, что уснула: а так как Кира не сказала про видение, то обморок та приписала утомлению, повела её домой и уложила в постель.

Когда позже зашла её поведать мать Порфирия, Кира, отлично понимавшая своё видение, рассказала всё, что произошло ночью.

- Алексей указал мне искать черкеса Шепсу, который только один может нас освободить друг от друга. Но как его найти, когда не знаешь, где он живёт? Умрёшь прежде, чем его найдёшь, - с грустью сказала она.

Монахиня задумалась.

- Если страждущий дух твоего мужа смог назвать тебе эту личность в храме раки преподобного, значит угодник Божий дозволил это. Потому надо уповать, что милосердие Господне прекратит твоё и жертвы твоей невинной мучения; в таком случае сам Святой поможет тебе сыскать Шепсу и разрушить дьявольскую связь, которой вас соединила проклятая колдунья.

Два дня прошли спокойно. Кира по несколько часов ежедневно молилась у раки, но уже ни за что не хотела провести ещё раз ночь в церкви. На третий день, утром, Кира только что встала, как к ней с озабоченным видом вошла мать Порфирия.

- Принесла я тебе весть про Шепсу, - сказала она, садясь. - Говорила ведь я, что непременно помощь придёт.

И она рассказала вспыхнувшей от радости Кире, что среди странниц оказалась одна богомолка, родом с Кавказа, которая заболела и поступила в монастырскую больницу. Ей пришлось в голову разузнать, не знает ли та что-нибудь про Шепсу колдуна или знахаря, и накануне вечером мать Порфирия навестила её.

Подумав, странница ответила, что слышала, действительно, от своей сестры про черкеса и рассказала по этому поводу несколько бывших с ним необыкновенных случаев. Где он находится, ей было неизвестно, но про то знала её сестра, проживавшая в Ставрополе.

- А вот тебе и адрес сестры, госпожи Тополевой. Теперь тебе остаётся только съездить в Ставрополь, и ты всё разузнаешь, - сказала довольная мать Порфирия.

Кира от души благодарила её, горячо поцеловала и решила немедленно ехать в Ставрополь с Матрёшей. В душе её снова оживала надежда, которая возбудила энергию и деятельность. Она решила даже ничего не писать ни матери, ни мужу, про эту последнюю свою попытку к спасению, пока не переговорит с Шепсой.

Прибыв в Ставрополь, Кира тотчас же разыскала Нину Александровну Тополеву. Это была красивая женщина средних лет, грузинского типа; она была замужем за незначительным интендантским чиновником, но пользовалась, по-видимому, известным достатком.

Хотя та и удивилась, но любезно приняла Киру, которая рассказала ей, что она – жертва порчи или колдовства, что её преследует и мучает злой дух, и что на монополье, в монастыре, она видела во сне старца, указавшего на некоего Шепсу, черкеса, могущего ей помочь. Затем, по странной случайности, она узнала через сестру Тополевой, что такой человек действительно существует, а Нине Александровне известно где он живёт.

При имени Шепсу Нина Александровна оживилась, с большим участием отнеслась к горю Киры и высказала убеждение, что если кто-нибудь может помочь в этом деле, то только такой необыкновенный человек, как Шепсу; затем она рассказала всё, что ей было про него известно.

- Живёт он в ауле под Владикавказом и то, что я знаю про него, мне передала двоюродная сестра Кетевана, мать которой тоже черкешенка из того же аула. Она рассказала, между прочим, что его знают уже свыше полутора года лет, а на вид ему лет тридцать, не больше; прадед Кетеваны, умерший чуть не девяносто лет, знал его таким же молодым, каким он был и теперь.

Иногда он таинственно исчезает на целый год неизвестно куда; но проследившие люди уверяют, будто он уезжает в Индию.

Его волшебная сила в самом деле велика. Он вызывает духов, предсказывает будущее и знает все сокровенные тайны прошлого; мало того, он понимает язык животных; а дикие звери дрожат перед ним и бегут от его взгляда.

Кира была подавлена этими рассказами и не знала, что думать, но от всей души хотела верить. Ведь чем больше была сила у Шепсу, тем больше было надежды, что он её спасёт.

На следующий день она уехала во Владикавказ. Благодаря указаниям Нины Александровны и с помощью её двоюродной сестры Кетеваны, к которой Тополева дала письмо, Кира нашла надёжного проводника, согласившегося сопровождать её в аул к Шепсу.

Матрёшу она оставила в городе и отправилась верхом с проводником – старым седобородым, внушительного вида черкесом.

Путешествие поддерживало в ней нервное возбуждение. У неё кружилась голова при подъёме в гору по узкой тропе, вдоль глубоких пропастей, но она энергично боролась против этих слабостей и чувства страха. Затем её успокоило мало-помалу изумительная уверенность коня.

Когда после полудня они добрались до аула, лепившегося на скалах, словно орлиное гнездо, даже старик-проводник похвалил её мужество, сказав, что она смела, как настоящая черкешенка.

Шепсу жил в уединённой скале на самом краю глубокого обрыва. Молодой черкес, сидевший перед входом, чистивший ружьё, побежал сказать об их приезде. Усталая и бледная от волнения, сошла она с седла. В эту минуту на пороге сакли появился сам хозяин.

Это был человек высокого роста, худощавый и хорошо сложенный. Матово-бледное с правильными чертами лицо его обрамляла чёрная, как смоль остроконечная борода. Взгляд его больших чёрных блестящих глаз трудно было выдержать: он словно пронизывал того, на кого обращался.

Одет он был в черкеску, на голове – белая папаха. На украшенном серебром поясе висел большой кинжал с роскошно отделанной рукояткой.

Шепсу испытующе взглянул на свою гостью и спросил что-то вполголоса у проводника, а затем с движением руки любезно пригласил войти в саклю. У той подгибались колени, и по телу пробегала дрожь, когда она вошла в средней величины комнату, устланную мягким ковром. Узорчатая восточная материя покрывала стены, увешанные оружием, а груды подушек образовывали кругом диваны. На низеньком столике перед одним из диванов стояли два маленьких серебряных стаканчика и дорогая корзинка с сушеными фруктами.

Посадив гостью, хозяин заговорил по-русски, но с сильным восточным акцентом.

- Говори, что нужно. Могу помочь – охотно помогу.

Тихим прерывистым голосом Кира вкратце рассказала свою грустную историю и упомянула, что указание призрака привело её сюда.

Говорила она, низко опустив голову, подавленная стыдом и угрызениями совести. Но когда, кончив свой рассказ, она подняла глаза, то её поразила блестящая могучей силой и уверенностью взгляд человека. На лице его блуждала добрая улыбка, придавшая ему чарующую прелесть.

В душе Киры зрело убеждение, что этот таинственный человек спасёт её. Под влиянием внезапного порыва, она опустилась на колени и с мольбой протянула ему руки.

- Сжался, Шепсу, - порывисто просила она. – Спаси меня... Я дам тебе всё, что бы ты ни пожелал.

Черкес живо поднял её и усадил.

- Успокойся, несчастная женщина. Спасена будешь, обещаю! Надо теперь подкрепить твои силы, а потом я сведу тебя в знакомую семью, где ты поешь и поспишь. Тебе много сил надо, потому что сегодня же ночью у нас большая работа будет.

Он вышел из комнаты и скоро вернулся с двумя хрустальными пузырьками и стаканом. Налив полстакана какой-то желтоватой жидкости из одного пузырька, он дал её Кире выпить, а снадобьем другой склянки смочил полотенце и обтёр ей лицо и руки.

По телу Киры разлилась приятная теплота, а душу объяло чувство покоя и блаженства. После этого Шепсу отвёл её в соседнюю комнату, где уже поместился проводник с лошадьми.

Пожилая женщина, чисто одетая, с головой, повязанной белым платком, приветливо встретила Киру и угостила её пилавом, овощами и фруктами. Чуть не в первый раз за целый год Кира почувствовала голод и с аппетитом поела.

Затем черкешенка помогла гостье улечься спать на подушках, накрыв её шёлковым одеялом, и Кира тотчас уснула глубоким, укрепляющим сном.

Было около полуночи, когда Шепсу пришёл за Кирой. Они отправились в его саклю, но на этот раз он ввёл её в свою рабочую комнату, убранство которой живо заинтересовало Киру. Эта комната была более обширна, чем первая, где она была утром. Посредине изразцового пола был вделан блестящий металлический лист, вероятно стальной, судя по его синеватому отливу, очерченный несколькими синеватыми кругами.

На крытом красной материей столе стоял серебряный таз с водой; в стеклянном шкафу виднелись разнообразные склянки и бутылки, свертки и пучки сушёных трав. На доске у стены висели разной величины кинжалы и длинный остроконечный меч. По углам стояли треножники, а за занавеской виднелся индийский многорукий идол, в каждой руке которого было вставлено по восковой свече разного цвета: синей, красной, зелёной, жёлтой, оранжевой и т.д.

В комнате чувствовался резкий, но живительный запах.

Шепсу поставил Киру у покрытого красным стола, окружил её железным с каббалистическими знаками обручем, в который вставил сорок горящих восковых свечей, и дружески просил её не двигаться, а главное - не бояться, на что та утвердительно кивнула головой. Да и на самом деле, её охватило такое чувство уверенности в силе и власти этого удивительного человека, что всякий страх исчез.

Шепсу, между тем, зажёл огонь на треножниках и, став на металлический диск, вынул из-за пазухи жезл с семью узлами. Отвесив поклоны на все четыре стороны, он сделал магическим жезлом над головой каббалистические знаки, которые вспыхнули фосфорическим огнём, а затем запел на неизвестном языке песнь, то протяжным, то ускоренным темпом.

От треножников поднимался спирально дым, наполняя комнату сероватой, прозрачной дымкой, и в то же время слышался смутный шум, словно шелест сухих листьев. Вместе с тем, стены комнаты стали как-будто отодвигаться и исчезать в туманной дали, что вокруг мага теснились целая толпа: одни в черкесках и папахах, другие – серых одеяниях, с белыми тюрбанами на головах. Все они казались настоящими людьми, настолько оживленны были их лица: глаза блестели, тела казались плотными, а между тем, ноги не касались земли, и лёгкие,

изумительно плавные движения отличали их от живых существ. Толпа волновалась, двигалась и размахивала руками, Шепсу отдавал, как будто, приказания, распоряжался и получал ответы.

Вдруг толпа отхлынула, стала бледнеть и растаяла в тумане; в то же время огонь внезапно погас на всех треножках.

Тогда Шепсу взял со стола большую толстую свечу красного воска, покрытую каким-то золотыми и чёрными знаками, вывел Киру из круга, подал ей свечу и, накрыв затем голову куском красного сукна, велел идти за собой; сам же он понёс корзину с чем-то прикрытым холстом.

По выходе из дома они обогнули утёс, идя по краю обрыва и очутились на выступе над пропастью. Сбоку в скале оказалась ниша, над которой высечен был крест, увенчанный треугольником, такой же знак был и на земле перед входом. Два дымившихся факела по бокам озарили внутренность грота красноватым светом.

Шепсу приказал Кире стать в нише на колени, а на покрывшее её голову сукно положил смоляной шарик и зажёл его.

- Не выпускай из рук и крепко держи свечу, что бы там ни увидела, не бойся. При мне никакая опасность тебе не грозит, - сказал он.

Стояла тёмная, но тихая и благоуханная ночь; лучистые звёзды ярко сверкали на тёмной лазури неба, и луна, в ущербе, казалась золотым серпом, повисшим над землёй.

Когда Кира вошла в нишу, явился виденный ею по приезде молодой человек, звавшийся Гассаном, которого она считала учеником мага.

На самом краю пропасти, из глубины которой доносился рёв горного потока, была низкая, кубической формы глыба базальта, словно жертвенный камень; а сверху на каменном столбе висел колокол.

Одетый в белую длинную рубашку и опоясанный серебряным поясом, Гассан принялся немедленно накладывать на камень угли и смолистые куски дерева; полив всё дёгтем, он положил сверху железный треугольник и поджёл костёр.

Шепсу вынул за это время из корзину лук и семь стрел, которые и вставил в треугольник так, чтобы острия были в огне; а затем он достал ещё новый стальной нож, лезвие которого ярко блестело при свете костра, переливаясь радужными цветами.

Взяв в руки зурну и аккомпанируя себе лёгкими аккордами, он запел какую-то удивительно мрачную, протяжную песню, а Гассан в это время медленно ударял в колокол заставлял дрожать каждый нерв. Через некоторое время издали донёлся глухой шум, разраставшийся с каждой минутой.

Сначала слышался точно грохот нагруженных телег, топот сотен лошадей и лязг цепей; потом раздались дикие вопли, вперемешку с жалобными стонами, звериным рычанием и взрывами дьявольского хохота; наконец, стало доноситься пение, то мрачное, похоронное, то радостное, свадебное.

Из глубины пропасти заблестел свет яркий и красный, словно зарево пожара. Шепсу поднял руку с ножом и сделал в воздухе знак. Тотчас громадный, красный, фосфорически блеснувший крест появился над бездной, а из тьмы показались существа, которых Кира видела в лаборатории мага. Они тащили какую-то тень, которая отбивалась и неистово кричала, как живая.

У отвратительного призрака, полуженщины, полукозы, ноги оканчивались копытами, а руки – когтями. Несмотря на искажённое бешенство зеленоватое лицо, полузакрытое мохнатыми космами седых волос, Кира узнала Малейнен. Над её челом возвышались загнутые рога, а налитые кровью и вылезавшие из орбит глаза горели чисто дьявольской злобой; от её дикого рёва у ужасающих кощунств содрогались казалось, окружавшие скалы, так что Кира удивлялась впоследствии, как могла она пережить весь этот ужас и не сойти с ума...

А Шепсу снова, на этот раз уже своим жезлом, чертил в воздухе каббалистические знаки и зычным голосом, покрывавшим весь этот гам, произносил магические формулы.

Схватив затем лук, он наложил и пустил стрелу с раскалённым остриём, и та со свистом впиалась в грудь ведьмы. Так он выпустил и остальные стрелы, которые пронизывали рога, когти и копыта чудовища, и каждый раз при этом раздавались глухие взрывы.

По мере того, как раскалённые стрелы врезались в дьявольские атрибуты ведьмы, чудовищное тело Малейнен страшно преображалось, съеживаясь и вытягиваясь.

Вместо неё на скале уже сидели гиена с дико горящими глазами; кровавая пена капала из её разинутой пасти, а над головой заблестела яркая звёздочка, как видимый знак её бывшего человеческого достоинства.

Шепсу взял тогда магический нож, накаляя его на огне костра, и стал бить по нему молотком. При всяком ударе на лезвии появлялся таинственный знак, и с последним ударом внезапно погас огонь, и всё погрузилось во тьму и тишину.

Взяв затем свечу из рук полуживой от страха Киры, он задул её, как и горевший у неё на голове шарик, а по возвращении домой, обтёр мокрым полотенцем лицо и руки Киры.

После этого Гассан отвёл её снова к соседям, где она упала в изнеможении на диван и тотчас уснула, как убитая.

Когда Кира проснулась, хозяйка, улыбаясь, сказала ей, что она проспала двенадцать часов, и предложила помочь ей одеться, так как её ждал Шепсу. Кира проворно оделась.

Давно уже она не чувствовала себя столь полной жизни и силы, как в эту минуту; и сознание, что она спасена, наполнило душу невыразимо радостно чувством. Шепсу она нашла сидевшим в первой комнате за низеньким столиком, на котором стояла открытая шкатулка.

Он с приветливой улыбкой встретил и усадил свою гостью, но Кира, в порыве признательности, опустилась на колени и горячо благодарило его за избавление. Затем она положила на стол бумажник с крупной суммой денег, которые привезла спрятанными на груди.

- Спасибо, барыня, - сказал Шепсу. - А только ещё не всё кончено. Но чтобы совсем освободиться, остальное ты должна сделать сама.

Видя растерянность Киры, он прибавил:

- Тебе придётся самой разрушить связь которая соединяет тебя с покойным мужем. Я дам нужные наставления, я в шкатулке есть всё, что тебе потребуется. Только времени не теряй: через сорок дней надо кончить всё, а не то он опять над тобой силу возьмёт.

- А что же мне делать? - пугливо спросила она.

- Ночью надо открыть гроб мужа. Но прежде чем начать, тебе следует натереть всё тело снадобьем, что в красной склянке, и выпить то, что в синей; это вино, которое я приготовил, чтобы тебе мужество придать. Потом прилепи по краям гроба и зажги вот эти семь свечей: одну в голове и по три - с каждой стороны. Возьми магический нож, который ночью я при тебе готовил, и вонзи его в сердце покойника, а затем пришли мне его назад. Нож брось после на шёлковый платок, в который он сейчас завёрнут, как видишь, а свечи опрокинь в гроб, который надо закрыть и впредь никогда не открывать. Платье и всё, что на тебе будет в ту пору, сожги.

Кира помертвела, слушая его. При мысли о том, что ей предстояло сделать, волосы зашевелились на голове.

- А мой муж может мне помочь? - пробормотала Кира.

- Разумеется, даже должен. Потом вам надо будет сыскать попа, который сызнова обвенчал бы вас, потому первая свадьба - ничто. Только барыня, поторопись! Сорок дней - недолгий срок, чтобы доехать и устроить всё.

Простившись дружески с Шепсу, Кира уехала, захватив с собой шкатулку.

Из Владикавказа она телеграфировала матери, извещая о своём приезде, и мужу, прося того безотлагательно вернуться в Петербург.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Киру на вокзале встретили мать и прибывший утром из Парижа муж, встревоженный неожиданным вызовом жены. Генеральша и маркиз были приятно удивлены благотворной переменой в наружности Киры.

Мертвенно-бледной желтизны и тусклого, усталого взгляда как не бывало; цвет лица – ослепительно свежий; глаза горели, а походка была бодрая и уверенная.

- Чудо свершилось? – спросил на ухо муж, нежно обнимая жену.

- Да, освобождение близко, но нам ещё много осталось ужасного, - с дрожью в голосе ответила Кира.

Дома она дала подробный отчёт обо всём, что было с ней в монастыре и у Шепсу; затем она описала страшную сцену ночью и пояснила указания черкеса, как уничтожить последнюю связь с призраком.

- Но как сделать, чтобы открыть гроб Алексея и совершить предписанный, довольно сложный обряд? На монастырском кладбище – это невысказано. А не исполнить наказ Шепсу – значит, идти на верную смерть, - волнуясь, закончила она.

- Всё должно быть исполнено так, как тебе было сказано. Шепсу – настоящий чародей, и, конечно, я не соглашусь рисковать нашим счастьем, добытым столь дорогой ценой. Значит, остаётся найти способ исполнить то, что тебе велено.

Маркиз задумался и вдруг радостно вскрикнул:

- Нашёл! Несколько лет тому назад я охотился с Алексеем в его тульском имении, где осматривал их семейный склеп, в котором схоронены его мать, отец и другие родственники. Перевезём туда тело, а так как место усыпальницы довольно пустынное, то мы будем иметь возможность сделать всё, что нам необходимо. Но времени терять нельзя, и я завтра же подам прошение о перевозе праха.

Маркиз энергично взялся за дело, а так как денег он не жалел, то при его влиятельных связях всё делалось без проволочек.

Но по мере того, как приближался решительный момент, слабело мужество Киры, и ужас перед тем, что ей предстояло, обессиливал её. Наступил заключительный акт адской драмы, которая приоткрыла ей уголок страшного мира, закрытого от людей завесой по милосердию и помышлению Божьему.

Сам маркиз чувствовал себя скверно. Он внимательно перечёл предписанный Шепсу порядок обряда и содрогнулся при мысли, что они вдвоём с Кирой останутся лицом к лицу со страшным покойником. Мрачные и нервные молодые супруги решительно всё же готовились к путешествию. Но какова же была их радость и удивление, когда накануне отъезда прибыл Гассан. Довольный и весёлый молодой человек объявил, что его прислал учитель, боявшийся, как бы им не сделать какого-либо промаха со страху.

Маркиз с женой были, понятно, в восторге. Умное, энергичное лицо Гассана придавало им мужества; под руководством ученика Шепсу, уже опытного и ловкого в оккультных делах, они могли быть уверены, что исполнят всё, как было предписано.

Они осыпали юношу подарками и окружили вниманием, а вместе с тем, довольно быстро освоились с его речью, пересыпанной массой грузинских и турецких слов.

Прибыли они на место назначения бодрые духом и обнажённые. Магический обряд был назначен Гассаном на следующую же по приезде ночь, и он тотчас осмотрел обширный и прочный склеп, в котором уже было шесть гробов, кроме того, который был только что поставлен, - гроба Басаргина. Над склепом высилась часовня, довольно запущенная, но всё же выстроенная из кирпича.

Около половины двенадцатого ночи они втроём отправились в часовню. Гассан нёс большой мешок, а маркиз – другой, поменьше, оба наполненные привезёнными черкесом вещами. Кира была бледна, как полотно, да и маркиз имел растерянный вид. Сходя по лестнице вниз, он пробормотал:

- Будь я проклят, если ещё хоть раз в жизни свяжусь с этой дьявольщиной.

Как только входные двери были заперты на ключ, Гассан начал приготовления. Первым делом, он достал из мешка новый металлический таз, восковые свечи и большую толстую книгу в кожаном переплёте.

Гроб Басаргина стоял поодаль от прочих, посредине склепа.

Напевая вполголоса монотонную песню, Гассан очертил гроб и всех троих концентрическими кругами: синим, красным и чёрным.

Вслед за этим, он открыл крышку гроба, откинул закрывавший тело тюль и укрепил по краям восковые свечи. В головах и ногах гроба он поставил треножники с углём, наложил на них травы и, обсыпав порошком, зажёлг.

В таз он вылил содержимое склянки, тоже привезённые с собой, накрыл шёлковым платком, а поперёк положил магический нож. С томительным, совестливым чувством глянула Кира на обнажённое теперь и ярко освещённое дрожащим светом восковых свечей лицо усопшего.

Несмотря на то, то минуло почти два года со дня смерти Алексея Аркадьевича, тело не разложилось, и он казался спящим; только кожа приняла зеленоватый оттенок, и на лице застыло выражение невыразимого страдания, но скоро то, что творилось вокруг, вывело Киру из задумчивости.

Уже при первых приготовлениях Гассана слышался всё сильнее и сильнее треск, а затем раздалась громкие стуки в полу и стенах. На дворе началась гроза. Ветер выл и свистел, раскачивая вековые деревья сада. От раскатов грома дрожали стены, страшный град барабанил, чуть не пробивая крышу, и яростные порывы урагана едва не валили такую же древнюю часовню.

Бушевавшая стихия, между прочим, сопровождалась совсем особым шумом. Сначала вокруг часовни раздался вой волков, лай собак и мяуканье кошек; потом началось яростное царапанье в дверь, которую, словно, пытались взломать, а внутри склепа носились порывы холодного ветра.

Старые гробы трещали и чуть не рассыпались. Странные огоньки – зелёные, синие, красные, жёлтые – мелькали на стенах и кружились в воздухе.

Вдруг из тёмного угла появилась гиена, которую Кира видела у Шепсу. Она доползла на брюхе до магического круга и легла, не смея переступить таинственную грань. У чудовища было совсем человеческое выражение лица. Это было почти лицо Малейнен, но вместе с тем морда хищника. Из разинутой пасти с былыми острыми зубами капала кровавая пена. В ужасе Кира схватилась за руку Гассана.

- Не бойся! Смотри. Видишь – учитель нас охраняет и сдерживает эту поганую тварь, - сказал черкес.

В эту минуту Кира с мужем увидели, что из глубины подземелья за страшным животным появился голубоватый свет. Стены как-будто исчезли, широкая светлая полоса тянулась вдали там, как видение, но довольно отчётливо, видна была площадка скалы над пропастью. У базальтового камня, окружённый снопами искр, стоял Шепсу с протянутой к ним рукой, вооружённый магическим жезлом.

Гассан подошёл к гробу, быстро разрезал на покойнике платье, обнажил грудь, и на теле стал виден красно-чёрный опрокинутый треугольник. В часовне же, над их головами, происходило в это время нечто невообразимое.

От топота сотен ног или копыт дрожали своды склепа.

Несвязные крики, рыдания и дикий раскатистый хохот мешались с заунывным, похоронным или весёлым, радостным свадебным пением. Вне круга воздух прорезывали молнии, а снаружи ревел ураган и дрожала земля от ужасных раскатов грома.

Мертвенно-бледный и покрытый холодным потом, маркиз ожидал каждую минуту, что часовня рухнет. Глубокая складка появилась на загорелом челе черкеса, но его могучее спокойствие не ослабевало.

Не отрывая глаз от книги, которую держал перед ним маркиз, он громко читал заклинания, и его звучный голос покрывал шум. Потрясая поднятым в руке жезлом, он властно господствовал над происходившим вокруг хаосом; глаза его сверкали, а короткие волосы на голове искрились. Дьявольский шабаш достиг, казалось, своего апогея.

Вдруг Гассан схватил магический нож и вложил его в руку Кире.

- Смелей!.. Не падать духом, а не то всё погибло!.. Дело идёт о твоей жизни, - говорил он. – Вонзай нож по рукоять в знак на груди покойника.

Кира от ужаса зажмурилась на мгновение. В лицо ей ударил порыв холодного зловонного воздуха, а вокруг ограждавших их волшебного круга всё заходило, засвистело и завывало.

Гассан сжал ей до боли руку и толкнул её к гробу.

- Скорей! Скорей! Дорого каждое мгновение, - повелительно, глухим голосом прошептал он.

Кира выпрямилась и взглянула на видение Шепсу, которое бледнело и точно таяло. Порыв отчаяния воскресил её мужество. Нагнувшись над гробом, она вонзила со всей силой блестящее лезвие в грудь покойного.

Послышалось шипение, точно раскалённое железо коснулось воды, а из треугольника на груди вырвался клуб чёрного дыма. Глаза трупа открылись и укоризненно с выражением страшной муки взглянули на Киру; в то же мгновение, чуть приоткрыл рот, и оттуда вылетел фосфорически блестящий шарик, исчезнувший затем в воздухе.

- Вытащи быстрее нож и брось его сюда, на платок, - приказал Гассан.

Кира беспрекословно повиновалась. Раздался страшный раскат грома, похожий на взрыв и потрясший до основания всё здание, а затем настала тишина. Обессиленная Кира упала в обморок.

- Оставь барыню, мы потом приведём её в чувство. Всякая опасность миновала. Надо сначала со всем здесь покончить, - сказал Гассан маркизу, подходя к гробу. – Смотри, что осталось от трупа.

Керведек взглянул и ужаснулся. Тело, которое секунду перед тем он видел нетронутым, разложилось в кукую-то липкую, тягучую массу, подёрнутую будто тонкой, черноватой кожей и представлявшую на дне гроба форму змеи.

Гассан опрокинул свечи внутрь гроба, высыпал туда же мешок с ладаном, покрыл сверху холстом с каким-то непонятным маркизу узором из знаков и, произнеся заклинания, закрыл крышку.

Тщательно стерева начертанные на полу три круга, он помог Керведеку привести в чувство Киру. Муж вытер ей лицо данной Гассаном жидкостью и влил в рот несколько капель красного снадобья, после чего она пришла в себя и сказала, что в силах идти домой.

В часовне, слабо освещённой повешенным фонарём, наверху был страшный беспорядок: оконные стёкла были перебиты, а все вещи разбросаны и переломаны.

- Смотри, как шайтан бесновался, - заметил Гассан, указывая на валявшиеся на полу обломки. – Сейчас надо ванну принять и – спать, - добродушно ухмыляясь, добавил он.

На дворе теперь стояла тишина; но громадные лужи, сломанные ветки, вывороченное с корнем и поваленное поперёк дерева доказывали ярость пронесшегося урагана.

Вернувшись домой, Кира первая приняла ванну, а за ней – маркиз и Гассан. После этого на костре из можжевельника и смолистого дерева молодой черкек сжёг бывшее на них платье и бельё.

Падая от усталости, маркиз тотчас же лёг в постель, не обменявшись даже впечатлениями с Кирой, которая уже спала, как мёртвая.

Проспав часов двенадцать, супруги проснулись с чувством такого спокойствия, какого давно уже не испытывали. Смеясь и плача от радости, Кира бросилась на шею мужа.

- Наконец, наконец мы отвоевали наше счастье, и страшный призрак не встанет более между нами.

- Да, слава Богу! Адские чары положительно ополчились на нас, и мы воочию убедились, насколько прав был Гамлет, говоря Горацию, что на свете много такого, о чём мудрецы даже не догадываются, - весело ответил маркиз, целуя жену.

- Надо будет щедро наградить нашего помощника, славного Гассана, - заметила Кира. – Затем я решила продать имение. Моей ноги здесь больше не будет, и я горю желанием поскорее выбраться отсюда. У меня каждый нерв дрожит при воспоминании об этой страшной ночи.

- Я понимаю тебя, дорогая, и вполне разделяю твоё намерение продать злополучное имение, что легко сделать. С особым удовольствием могу сообщить приятное известие, что наш сосед желает приобрести всё поместье и даёт хорошую цену. Мне вчера докладывали об этом управляющий.

- Пожалуйста, не упуская случая и кончай дело скорее. А половину вырученных денег я жертвую на сооружение храма в память покойного Алексея. Я вспомнила, что у него было намерение выстроить здесь церковь, ввиду того, что наша сельская обветшала.

Маркиз вполне одобрил намерение жены, и оба они, счастливые и радостные, вышли в столовую, где их ждал Гассан.

Молодой черкес сказал, что намерен уехать вечером ввиду того, что он нужен учителю, приказавшему вернуться, как только он справит дело. Горячо поблагодарив его, маркиз поднёс ему кошелек с сотней золотых, а Кира – роскошный серебряный с чернью пояс и золотые часы с его вензелем. Кроме того, маркиз поручал ему передать благодарность Шепсу за помощь и уведомить, что они с женой приедут лично выразить ему признательность.

Страшная ночь оставила, однако, видимые следы. Старик управляющий и прислуга доложили господам, что буря наделала много бед в парке, но, по странной случайности, исключительно вокруг надгробной часовни.

- Там внутри, всё исковеркано, и на полу стоят лужи воды, смывшей, должно быть, краску, потому что столетний дуб, росший позади часовни, вырван с корнем. В него ударила молния и сорвала часть коры, а на обнажившихся частях видно, словно вырезанное, изображение головы кошки.

Маркиз заинтересовался и пошёл посмотреть этот странный отпечаток, но Кира наотрез отказалась идти с ним.

- За этот год я уже довольно насмотрелась всяких дьявольских страстей и разных необыкновенных приключений, а потому ничего больше не желаю видеть, - решительно заявила она.

- Просто сказочно! – говорил потом, смеясь маркиз. – На дереве сфотографирована, словно настоящая, голова кошки с взъерошенными усами. Должно быть, это портрет Малейнен, последнее воплощение. Да и кровавые лужи явственно видны. Я всё осмотрел, но ничего не тронул. Бог весть, какая чертовщина скрывается подо всем этим! Теперь я уже не столь силен, но искренне жалею, что Гассан уехал, не видав этого.

Молодые супруги принялись с лихорадочностью поспешностью за продажу имения и скоро окончили дело, а Кира внесла сто семьдесят пять тысяч для постройки церкви и на вечное поминание души Алексея Аркадьевича.

Несколько дней спустя маркиз с женой окончательно уехали в Петербург. Ни одной ночи больше не желали они проводить в соседстве с Басаргиным.

Вернувшись в столицу, молодая чета сперва отдохнула, а затем принялась за устройство дел, ввиду предстоящего длинного путешествия. Они решили, прежде всего, провести несколько месяцев в родовом замке, в Бретони, чтобы спокойно насладиться завоёванным, наконец, счастьем и спокойствием, а зиму рассчитывали прожить в Париже.

Чтобы быть совершенно свободными и окончательно заняться своим состоянием, маркиз вышел даже в отставку. Но перед отъездом они решили съездить на Кавказ повидать Шепсу.

- Это наш благодетель и, притом, настоящий маг. Я хочу непременно лично с ним познакомиться, - сказал маркиз.

С иными, чем в первый раз, чувствами ехала теперь Кира во Владикавказ. С неё точно гора свалилась: она была свободна и невыразимо счастлива.

Тот же старик горец провожал её с мужем в аул, где жил Шепсу. Маг и Гассан встретил их радостно.

Шепсу был обрадован и польщён их горячей благодарностью и признательно принял многие ценные подарки, которые они ему поднесли.

После обеда, когда они сидели перед его саклей, разговаривая о страшной пережитой драме, жертвой которой была Кира. Шепсу заметил:

- Люди – всё равно что неразумные дети. Они воображают, что если глаз их чего не видит, так и нет ничего невидимого. А ведь целый, полный страшных тайн мир скрывается в окружающей их атмосфере, столь прозрачной и чистой на вид! Они содрогнулись бы, если б увидели, как в вооружённых исполинскими силами, которые кишат, потому что невидимый мир несравненно населённее видимого. Все эти астральные массы копошатся, как в муравейнике, и присасываются к живым, пытаясь создать связь, которая дала бы им возможность стать видимыми и наслаждаться при посредстве живого человеческого тела теми страстями, удовлетворить которые они уже не могут.

Невежественный род людской не знает, насколько надо быть осторожным в своих делах, словах и даже мыслях. Зачастую, люди сами призывают к себе этих невидимых врагов, которые затем и губят.

Всякое проклятие, всякий призыв шайтана создаёт связь между человеком и одним из духов зла, которые только и сторожат мгновение, когда в сердцах призовут их. Такой призыв отражается в воздухе в виде особого таинственного позывного знака; в следствие же возбуждения человека да при подобном знаке дух зла, словно сквозь щель проникает в свою жертву и прилипает к ней.

Позвать шайтана – легко; но чтобы одолеть и изгнать его надо много знания и силы.

Маркиз задумчиво слушал его речь.

- Я понимаю истину ваших слов, Шепсу, - сказал он, наконец, - и, по совести, могу вам сказать, что полученный мною страшный урок не пропал даром. Я перестал быть неверующим и атеистом; я убеждён, что моя встреча с таким могущественным и учёным человеком, как вы, предсказана мне судьбой для моего окончательного просвещения...

Шепсу вдумчиво поглядела на него и добродушно улыбнулся.

- А вам хочется, понятно, использовать нашу встречу, чтобы заглянуть в этот невидимый мир, над которым я имею некоторую власть?

Маркиз покраснел.

- Вы читает мои мысли, Шепсу, что впрочем, вполне естественно для такого необыкновенного человека, как вы...

Он на минуту приостановился.

- Хотя я не желал увидеть что-либо очень страшное.

Шепсу утвердительно кивнул головой.

- Я покажу Вам в эту ночь дух Басаргина, освободившегося, наконец, и очищенного. Это и ему доставит радость, потому что и он желает видеть и проститься с той, которая была его женой. Страшно не будет, не бойтесь. А теперь идете спать и отдыхайте, пока я Вас не разбужу.

После полуночи Шепсу, маркиз с женой и Гассан занялись приготовлением к вызыванию, гораздо более простым, чем в первый раз.

Покурив ладаном, Шепсу зажёл на базальтовом камне травы с приятным запахом и, став над пропастью, начертил в воздухе каббалистические знаки, а затем запел протяжную, благозвучную песню. Спустя некоторое время на тёмной синеве неба стали проясняться светящиеся контуры громадных сводчатых врат, над которыми сиял крест, и широкий луч света лёг мостом над бездной.

Затем в светящейся арке появилось сероватое облачко, которое сгустилось, приняло человеческий облик, двинулось по светлomu пути и остановилось подле Шепсу.

Сгустился призрачный образ, и вдруг перед присутствующими явился, как живой, Басаргин. Голову его окружал широкий круг света. Ни чёрного дыма, ни трупного запаха не исходило от него; на призрачных чертах лица разлито было выражения покоя и счастья. Большие, серые глаза его с кротостью и участием глядели на Киру, а на груди сиял огненный крест.

Охваченная угрызениями совести, Кира упала на колени и зарыдала:

- Прости меня, Алексей, за всё то зло, которое я тебе причинила. Я согрешила по неведению и всю жизнь буду молиться за упокой твоей души, - прошептала она, протягивая с мольбой к нему руки.

- Прощаю. Я свободен и счастлив, в моей душе нет злобы против тебя. Будьте счастливы, и вот тебе на память обо мне, - раздался спокойный и звучный, но словно удалявшийся уже голос.

В это мгновение букет белых лилий и камелий упал к ногам Киры. Затем видение скрылось. Шепсу поднял букет и подал его Кире.

- Не бойся, бери последний знак любви. Цветы чисты.

Когда потом супруги остались наедине в занимаемой ими на эту ночь комнате, то Кира, глядя на таинственные цветы, прижала их к губам, и несколько слезинок скатились из глаз на атласные лепестки.

- Алексей остался верен своим привычкам – не являться без букета, - с улыбкой заметил маркиз.

- Ах, я не заслужила столько любви и снисхождения. Я была неблагородной, дурной в отношении его, - прошептала Кира.

- Почтим его память вечным признательным о нём воспоминанием, - ответил ей серьезно муж. – Тяжёлое прошлое конечно. Начнём же новую, разумную, деятельную жизнь: будем исследовать малоизученное, к несчастью, тайны природы, над которыми завеса приподнялась для нас.

Невидимое не только любопытно, как полагают ленивые и праздные шалопаи, желающие легкомысленно забавляться даже мрачными тайнами потустороннего мира.

Нет! Невидимый мир – страшен, и человек должен не иначе как с обнажённой головой, со страхом и трепетом касаться «Книги о семи печатях».

Технический редактор – Л.Н.Прокопенко
Художник-оформитель – В.И.Верещак
Корректор – Л.Н.Чичканенко

www.e-puzzle.ru